

Галина Гончарова

Средневековая история. Домашняя работа

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес ()

Но истые пловцы – те, что плывут без цели: Плывающие, чтоб плыть! Глотатели широт, Что каждую зарю справляют новоселье И даже в смертный час еще твердят: – Вперед!.. О ужас! Мы шарам катящимся подобны, Крутящимся волчкам! И в снах ночной поры Нас лихорадка бьет, как тот Архангел злобный, Невидимым бичом стегающий миры.

Глава 1

О родственниках можно и нужно сказать многое... а то на бумаге цензура вымарает!

Любить детей?

Вот в этом Лиля весьма сомневалась. Да и стоит ли заводить своих? Или у них с Лешкой было бы что поприличнее?

Может, и так.

Миранда Кэтрин Иртон на первый взгляд была очаровательным ребенком.

Темноволосая, синеглазая, чуть полноватая, с дыркой на месте одного из молочных зубов...

Мачеху она явно авторитетом не считала, любовью не дарила и слушаться не собиралась. Это выяснилось ровно через десять минут после приезда. Когда по коридорам полетело одурелое: «Не хочу!!!»

Покои, которые ей отвели, ребенку не понравились.

И Мэри примчалась к хозяйке с вопросом: что делать?

Лилиа пожала плечами и предложила дать ребенку возможность выбрать самостоятельно. Что же выбрала маленькая паршивка?

Правильно.

Комнаты графини Иртон.

То есть те, в которых жила сама Лилиа. А это женщину как раз не устраивало.

Ей и самой было удобно. И переезжать пока не хотелось. Она постаралась облагородить свои комнаты. Убрать розовое, отполировать полы, законопатить щели... Справедливости ради, те же работы велись по всему замку под строгим присмотром вирман, Эммы и самой Лилии.

Но это же не повод потакать малявке?

Лилиа послушала испуганную Мэри и коротко распорядилась:

– Подайте молодой графине таз для умывания и пусть спускается в столовую. Ужин готов?

– Да, ваше сиятельство.

– И что у нас?

– Овощи. Как вы распорядились – печеная... кар... кор...

– Картошечка.

– Да, ваше сиятельство. Отварное мясо. Зелень и фрукты.

– Отлично.

Лилиа планировала устроить небольшой ужин для тех, кого хотела сделать своей командой. Но пока – рано. Слишком рано. Да и малявка ей обедню постарается испортить. Скорее всего.

Все для этого делает.

В этом Лилиа убедилась, когда увидела Миранду Кэтрин Иртон за столом.

Мелкая заняла графское кресло и смотрела оттуда с вызовом. Пыталась. Но из-за

массивного стола виднелись только глаза и уши, что безусловно портило вид.

Лиля даже и не подумала останавливаться или менять курс. Она спокойно прошла к креслу в сопровождении вирман.

Не можешь использовать то, чего нет? Используй то, что есть. Например, когда ты большая, а оппонент – маленький. Когда ты в сопровождении свиты, а ребенок только в сопровождении кормилицы, которая подозрительно бледнеет при виде обвешанных оружием воинов.

Некрасиво?

А почему?

Даже Макаренко сначала своих беспризорников выдрал, а потом уже воспитал. И скажите, что это неправильно.

Тем более капризная соплюшка. Наглая и избалованная. Себя только стоит вспомнить. То есть Лилиан Брокленд. Алевтине-то Скоролонок сие было неведомо. Не до капризов. Выжить бы.

Так что Лиля поглядела на ребенка с явным пренебрежением. Потом подняла маленькое личико за подбородок. Пригляделась.

Принюхалась.

Не мылась.

Отлично!

Чтобы приручить ребенка, надо его сначала смутить и удивить.

– И что же это мы видим? Вами трубы чистили, ваше сиятельство?

Миранда только глазами хлопнула. Дернула головой, но Лиля держала крепко.

– Н-нет...

– И пахнет, как из выгребной ямы. Как вы думаете, это достойно графини?

Девочка оказалась в замешательстве. Если бы ее начали ругать, она бы поняла. Но холодная ирония – это было для нее в новинку. Так с ней никто не разговаривал. Ни родные, ни отец.

Скандалить тоже не получалось. Вирмане смотрели весьма недружелюбно. И на лицах читалось, что всем плевать на ее титул. А кое-кому даже два раза. Уши надерут. Или отшлепают. Пару раз с девочкой такое случилось, когда она доводила отца. И Миранда предпочитала не скандалить в его присутствии. Такие вещи дети понимают быстро.

– Н-нет...

– Вот именно. Поэтому я отложу ужин на то время, которое вам потребуется, чтобы привести себя в порядок. Вы – графиня. И должны выглядеть соответственно. Вы знаете, что такое графский титул?

Миранда хлопнула глазами. И Лиля продолжила:

– Это значит, что вы должны быть примером, опорой и защитой для живущих на ваших землях. А вы даже умыться не можете. Стыдитесь, госпожа...

Миранда была растеряна. Ошарашена. И Лиля подумала, что первую схватку она выиграла. Но далеко не войну.

И кивнула маячившей в дверях Эмме:

– Быстренько, помогите графине Иртон умыться. И обязательно помыть руки.

Миранда повиновалась. Лиля уселась в освободившееся кресло и подумала, что ей придется приложить массу усилий, чтобы приручить этого детеныша.

А приручать надо.

Зачем?

Ну если романтично и лирично, – это ребенок. Оставшийся один, в чужом месте, беспомощный. Тут же жалость и инстинкт продолжения рода.

Это о романтике.

А если о практике?

Миранда – это еще и инструмент управления ее отцом. Может, жену Джерисон Иртона и не любит. Но дочь...

Дочь он любить должен. Или нет?

Лилия потеряла виски. Память ей ничего не говорила. Надо пошептаться на эту тему с Эммой. Пусть поговорит с прибывшими слугами. А потом перескажет ей последние сплетни.

Миранда появилась умытая и явно опомнившаяся. И определенно собралась устроить скандал. Но Лилия опять не дала ей начать.

– Вы любите печеный картофель, ваше сиятельство?

– Что?

– Печеное земляное яблоко. – Лилия улыбалась. – Сегодня у нас на ужин этот овощ.

– Я... я хочу сидеть там!

Пальчик указал на место графини.

Лилия пожала плечами и пересела.

Миранда опустилась в кресло. И жалобно пискнула.

Лилия буквально три минуты назад приказала убрать оттуда все подушки. В результате над столом и носа видно не было.

– Урок второй, – произнесла спокойно Лилия. – Прежде чем что-то требовать, подумай, как ты с этим справишься.

– Ты это нарочно?

– Разумеется. Но ведь и ты хотела устроить скандал, разве нет?

Миранда засопела. Но крыть было нечем. Эта странная тетка была не такой, как остальные взрослые. Не орала, не ругалась, не топала ногами, не упрашивала – она не укладывалась в знакомые модели поведения. И Миранда прибегла к безотказному оружию.

Она заплакала.

Лилия посмотрела на маленькое личико, по которому катились слезы. Сейчас бы поцеловать мелкую, вытереть слезинки и все разрешить... Нельзя.

На шею сядет.

Поэтому Лилиан Иртон прищелкнула пальцами и распорядилась появившейся Илоне:

– Мне подавайте ужин, а юной графине Иртон – луковицу. Нечищеную.

Любопытство взяло верх. Распорядись Лиля пятью минутами позже, когда Миранда загнала бы себя в истерику, и ничего бы не вышло. Но пока еще...

- З-зачем?

- Чтобы ты плакала подольше. А то крокодиловы слезы быстро заканчиваются.

- Чьи слезы?

- Крокодиловы. А ты не знаешь, кто это такой?

Миранда мотнула головой.

- Тогда слушай. Пока нам будут подавать ужин, я расскажу тебе.

И Лиля рассказывала. Про крокодила. Про то, как он обливается слезами, когда глотает добычу. Про птичку, которая чистила ему зубы, про слоненка, которому крокодил вытянул нос... Сказки Киплинга пригодились...

Миранда слушала с открытым ртом. Ей обычно рассказывали про прекрасных дам и рыцарей... Но слоны? Крокодилы?

Это было совершенно новое, а значит, вдвойне интереснее. И рассказывала Лиля интересно. И картошка была вкусная. И даже использование столовых приборов (графиня должна уметь кушать красиво, тем более такая красивая, правда?) прошло как-то незамеченным...

А после ужина Лиля сама (тяжело, но надо) отнесла Миранду в ее комнату, посидела рядом, пока девочка засыпала, и даже спела колыбельную.

Ту самую, что пела ей в детстве мама.

«Лунные поляны... ночь, как день светла...»

Даже если она чуть-чуть фальшивит, кто это заметит? Тем более здесь.

Миранда так и уснула, цепляясь за руку женщины. Лиля осторожно высвободила запястье из детских пальцев и подумала, что надо бы малявке что-то пошить. Или связать. Мягкие игрушки она тоже делать умела. Подумаешь, какие мелочи.

Миранда Кэтрин Иртон.

Что ж, девочка...

Нам предстоит зимовать вместе. И к весне ты не будешь во мне души чаять. Как и в родном отце. А пока – спать.

Надо бы выспаться. Завтра тяжелый день.

Утро началось с того, что Лиле приснился слон. Он сидел у нее на груди и человеческим голосом спрашивал: «Заплатила ли ты налоги, дитя мое?»

Женщина дернулась и открыла глаза.

Оказалось, что это не слон.

Миранда Кэтрин Иртон.

- А я уже встала. А ты все спишь!

Произнесено это было таким тоном...

Лиля посмотрела в окно. Там было еще темновато. И как-то холодновато. Да и ребенок...

В одной ночнушке! По средневековому морозильнику!

– Рехнулась?! – возмутилась женщина, утаскивая мелкую под одеяло, как ее саму когда-то мама.

– Что?

Миранда была слегка придушена, пощечена и крепко поцелована в нос.

– То! Босиком, на каменном полу, ноги ледяные... А где нянька?

– Она спит. А я решила...

– Замерзнуть и заболеть. – Лиля цапнула мелкую за кончик носа. – А ну, лежать смирно!

– А ты мне еще сказку расскажешь?

Лиля выдохнула. Диагноз ясен.

Проснулась среди ночи. Нянька спит. Надо исследовать дом. А что у нас рядом? А спальня графини Иртон. Потому как малышку пока поселили в спальне графа. И они соединяются дверью.

Ну и вот результат.

– Расскажу. Если твердо мне пообещаешь бегать по холодному полу хотя бы в носках.

– Но...

– Или позвать меня.

– Но если я заговорю, Кальма проснется...

– Кальма – это няня?

– Няня.

– А если мы повесим колокольчики?

– Какие?

– Один у тебя, второй у меня. И соединим их веревочкой. Будешь мне звонить, когда захочешь, чтобы я пришла. А я – тебе. Хочешь?

Ребенок точно хотел.

Лиля улыбнулась.

– Тогда завтра сходим к кузнецу и закажем.

А заодно обсудим кучу всего необходимого. Да и к кузнецу мне надо. А вот чтобы ты вмешивалась в дела замка, на что имеешь право, – не надо. Это ни к чему. Власти-то над тобой нет, только я...

Лучше будь под присмотром.

Миранда приткнулась женщине под бочок.

– Ска-а-азку...

Лиля взъерошила ей волосы. В голову ничего не лезло. Хотя...

– Я расскажу тебе про то, как появились броненосцы.

– А кто это?

– Это такие зверушки.

И мысленно поблагодарила «англичанку», которая учила их по сказкам Киплинга. Жаль, здесь этот язык не пригодится. Или попробовать обучить ему вирман? Или ту же

Миранду?

Размышления совершенно не мешали Лиле рассказывать сказку. Язык молот отдельно от тела. И Миранда быстро приглась, засопела и уснула на плече Лили, как котенок.

Громоздкое имя...

Лили погладила девочку по голове.

Миранда Кэтрин Иртон.

Мири... Мари... нет как-то не то... Кэтти-китти-кэт?

Будешь Кисой. Или Мири.

Надо же тебя как-то сокращать, маленькая, раз уж тебя сюда отправили.

Лили устроилась поудобнее и тоже уснула.

Утро началось несахарно. Воплями кормилицы, которая потеряла свою деточку. Разумеется, заглянуть к Лиле никто не догадался. И ор продолжался минут десять. Пока женщина не плюнула на все и не вылезла из постели.

Прошлепала к двери в графскую опочивальню (Срочно! Изобрести тапочки!!!) и зашипела гадюкой:

– Молчать!!!

Услышали не сразу. Но заткнулись все-таки быстро. Графиня с утра была зрелищем своеобразным. Этакий мамонт в розовой рубашке с весьма недружелюбным выражением лица.

– Вы мне ребенка разбудите!

– Госпожа, так она у вас?!

Кормилица бросилась в спальню к графине. Ага, размечталась...

Лили перекрыла проход так, что даже микроб не прошел бы. Пока она еще полная, почему бы это не использовать?

– Ты далеко ли собралась, голубушка?

– Ва...ваше сиятельство?

Голос Лили был угрожающим:

– Ты посмотри на себя. Волосы нечесаны, тряпки нестираны, морда грязная, под ногтями репу сеять нужно, и ты думаешь, что я тебя к ребенку подпущу? Изволь вымыться. А потом приходи.

Кормилица слегка дрогнула:

– Мне господин сказал быть при маленькой госпоже...

– А большая госпожа тебе приказывает привести себя в порядок. А потом уже быть. Обратишься к Эмме, она тебе покажет, где у нас моются.

– Ваше сиятельство, но пастор говорит, что мытье...

– Вредно. И пусть говорит. Я твою вонь терпеть не желаю. Не вымоешься – выгоню. Пинками. Поняла?

Кормилица вспыхнула. И собралась разразиться гневной речью.

Лили прищурилась и развила тему:

– Ты на меня, конечно, можешь графу пожаловаться. Только я графиня. А таких, как ты, сотню нанять можно! – и на язык вдруг вылезло бессмертное филатовское: – «Ты сама, дуреха, взвесь. Он-то там. А ты-то здесь».

И дальше уже без классики:

– А граф далеко. Пока ты до него доберешься, много времени пройдет. И доберешься ли в ближайший год? И ребенка ты упустила... Что за нянька, от которой дите сбежало, а она проспала? Да тебя пороть мало! На конюшне!

Кормилица побледнела.

– Выпорю и выгоню! И ни провожатых, ни сопровождающих не дам. Выгоню – и проваливай. Вирмане даже пинка для скорости дадут.

Судя по лицу кормилицы, она все поняла, осознала и готова была мыться и стричься. Даже налысо.

Лиля развернулась к своей комнате.

– Миранда у меня. Мы с ней позавтракаем и отправимся гулять по поместью.

– Госпожа, а учитель...

– Учитель?

Лиля поставила ушки торчком. И узнала, что его сиятельство отправил с дочкой аж троих учителей. Одного – танцев и этикета. Второго – математики и письма. И третьего – истории и литературы. Примерно так.

Лиля хищно потеряла лапки.

То, что надо!

– Это правильно, ребенка учить надо. Я сама посмотрю, чему ее там учат.

И сама поучусь. Лиля подумала, что, окажись рядом муж, она бы его на радостях даже пинать не стала. Ну так, немножко. Все-таки хорошее дело сделал!

– Госпожа...

– Мыться, стираться и не орать. К завтраку мы с малышкой спустимся. И надо посмотреть, что у нее есть на зиму, сама понимаешь. Здесь холодно, а мне не хочется, чтобы ребенок болел.

Лиля развернулась и ушла к себе. Посмотрела на маленькую девочку, которая уютно свернулась клубочком.

И что же мне с тобой делать, Миранда Кэтрин Иртон?

Лиля выглянула за дверь и попросила вирман, стоящих на карауле, кликнуть служанку.

Но вместо служанки появилась Эмма. Лиля подняла брови.

– А где Марсия? Или Ирэна? Мэри?

– Ваше сиятельство, мне хотелось бы с вами поговорить...

Лиля кивнула, опустив ресницы.

– Распорядись, чтобы мне воды погрели умыться, и поговорим.

– Стоит, греется...

– Отлично.

– Ваше сиятельство, я ведь вам больше не нужна?

- Разве?

- У вас столько помощников, столько новых людей...

Лиля улыбнулась и потрепала Эмму по плечу.

- Эмма, милая, ты мне нужна. Я сама не управлюсь с Иртоном. А кто лучше тебя может распорядиться в замке? Поместьем я управлять буду. Но дома... Ты знаешь мои вкусы, знаешь, что мне нравится, знаешь, кто будет работать и кто в чем хорош... Мне нужна домоправительница. Очень.

- Домоправительница?

- Эмма, тебе тяжело будет распоряжаться старостами, ты же понимаешь.

Судя по глазам женщины, она не ожидала, что и Лиля это понимает. Но...

- Поэтому дом ляжет на твои плечи. Скоро сюда придут еще вирмане. Вот и подумай. Разместить, накормить, обшить и обстирать... С ними будут женщины, и их надо будет тоже приставить к делу. И дети... Хлопот у нас будет полон рот. Так что я официально назначаю тебя домоправительницей. Дам тебе ключи от кладовок, и распоряжайся.

Эмма упала на колени:

- Ваше сиятельство, да я... вы...

По лицу женщины катились слезы.

Лиля только чертыхнулась про себя. Феодализм, чтоб его!

Пришлось поднять Эмму с колен, усадить на кровать и погладить по волосам.

- Эмма, милая, для начала размести всех, кто уже есть. И поговори с Иваром - это старший у вирман. Он тебе скажет, кого, куда и как. Сколько прибудет, что нужно...

- Ваше сиятельство, пастор говорит, что вирмане - дикари бездушные.

Лиля фыркнула.

- С пастором я поговорю. Кстати, когда у нас тут служба?

Оказалось, уже завтра. И Лиля решила, что надо сходить. И малявку с собой взять. При ней пастор определенно будет благодуще... наверное. Или можно ее выпустить как средство отвлечения?

Лиля решила подумать об этом вечером. А пока...

- Воду, одеться и позови ко мне Марсию, хорошо?

Эмма закивала и помчалась исполнять приказания. Судя по ее глазам, за Лилю она готова была в огонь и в воду. И женщина подумала, что все сделала правильно.

С одной стороны, Эмма при деле. Управлять домом она точно сумеет. А вот поместье ей не под силу. Слушаться ее не будут. И приказы исполнят через пень-колоду. Ну кто она для крестьян? Вдова управляющего. И то - прошлого. И любить ее особо не за что...

Подумав об управляющем, Лиля покусала ноготь на большом пальце.

Дурная привычка, да. Но иногда прорезается.

Где-то она крупно лажанулась. Вот представьте себе - вы управляете поместьем. И вас на ночь глядя выставляют за ворота. Вы уходите, и ваш труп на рассвете находят в лесу.

При этом Эдор ведь не спорил, не пытался попросить повозку или что там... Он просто взвалил на плечи сколько влезло...

Что это может значить?

Да только одно: *Ему было куда пойти. И к кому.*

У него стопроцентно были сообщники. Но кто?

А черт его знает! Теперь уже не выяснишь, пока сами не вылезут. Секреты – они и в деревне бывают, хотя там их сбережь на порядок сложнее, чем в городе. Нет, ну кто?! Кто?!

Знать – надо. Лиля не собиралась пока что-то предпринимать. Но сильно подозревала, что сволочь, отлученная от кормушки, способна на гадости. Да еще как способна!

Так что надо быть осторожнее.

Убить могут?

А черт знает.

С одной стороны – графиня. Если тронешь – тут такое устроят...

С другой стороны – несчастный случай, он всегда проходил. Тем более, супругу она параллельна, отец... вот отец...

Так. Сегодня у нас кузнец, и обязательно надо перекопать все бумаги. Надо бы и раньше, но читала Лиля откровенно плохо. Да и...

Не подумала. Вот честно – не подумала. Хотя и знала, что бумаги – это основа миропорядка. Кстати, а тут она может бумагу сделать? Чтобы не на бересте или пергаменте каждый раз писать?

Та-ак.

Бумагу делают из целлюлозы. Целлюлоза – это дерево. А можно чем-то заменить деревья? Восполняемым ресурсом?

Надо бы подумать и вспомнить уроки химии. Потому что деревья жалко. Да, на дрова уходит много. Но на бюрократию будет уходить на порядок больше.

Нет, леса она вырубать не даст.

Надо сидеть и вспоминать.

На ярмарке Лиля купила несколько десятков свитков пергамента. Не говоря уже о прорве бересты. И намеревалась записывать все, что необходимо.

В первую очередь все, что она помнит из медицины. А потом – химия, биология, ботаника... Да уж найдется что вспомнить.

Как Лиля радовалась, что она – не блатная дура. Такие в вузах тоже были. И знания их стремились к нулю. А она учила в свое время не за страх, а за совесть. Потому и помнит что-то. Да и медицину она долбила как дятел. До автоматизма. Ночью разбуди – ответила бы. Все, от строения скелета до названий хирургических инструментов.

И сейчас собиралась все это записать. Мало ли что.

Да и та же химия. Кто знает, как она зубрила неорганику? Ей это как раз плохо давалось, и она пару лет не расставалась с учебниками. Вот анатомия – вопрос другой. Там все было просто, привычно и понятно. Зоология – хуже, хотя число шейных позвонков у попугая она до сих пор помнила. Зоолог хороший достался, даже летом водил их на пруд, на практику, пиявок ловить...

Ботаника... тьфу! Пестики и тычинки Лиля ненавидела. Ботанику она любила практическую. То есть – садово-огородную. Генетика... надо бы не забыть.

Столько всего предстояло... с ума сойти!

А время, время...

Лиля автоматически умывалась, поворачивала голову так, чтобы Марсии удобно было расчесывать ей волосы, слушала тихое перешептывание Лидии с Ирэной – и думала, что взваливает на себя неподъемную ношу. Ей бы в глушь и в тишь. Чтобы никого рядом не было.

Но выбора не предоставлялось. И надо сказать спасибо за то, что есть. Она ведь одна здесь не выживет.

А так....

Девочки отлично провели ночь на новом месте. Удобно устроились и были весьма благодарны. Лиля распорядилась выделить им две комнаты на троих. Больше никак. Все-таки вирмане еще....

Но девушки точно не возражали. Они удобно устроились в одной из комнат, а вторую решили отвести под мастерскую. Лиля только плечами пожала. Если хотят – пусть. Но она собиралась организовать мастерскую или в бальном зале, или в музыкальной комнате.

Девочки понатливно покивали. И предложили Лиле одеваться.

Белая кофта типа рубашки. Зеленый жилет. Зеленая юбка.

На ноги – те же чешки с лентами вокруг щиколотки. Ну ничего, она здесь наладит приличное производство обуви!

А пока позавтракать и заниматься делом. И начать с девочек.

Лиля быстро обрисовала им производство мягкой игрушки. Саму идею. И девушки захлопали глазами.

Куклы тут были. Но... не такие.

Шить мишек-зайчиков с набивкой никто не додумался. Лиля пообещала показать, что и как, и поглядела на Миранду.

Малявка спала как сурок. Оно и понятно. Умоталась за время дороги. Ехали-то в карете и прорву времени. Хорошо, что здесь захолустье.

Лиля посмотрела на Лидию:

– Приглядишь за ней? Вот, на пару с Ирэной? Хотите – поработайте тут, а как проснется, зовите меня. Хорошо?

Девочки не возражали. И Лиля отправилась завтракать.

А там ее ждал первый сюрприз. В гостиной, примыкающей к столовой, собрались шестеро человек. И все выжидающе смотрели на нее. Лиля подняла брови. Но начинать разговор не спешила. Разглядывала.

Один – явный военный. Темные волосы, серые глаза, крупное мускулистое тело, шрам на щеке. Темное платье и меч у пояса.

Вторая – женщина. Лицо лошади и выражение потомственной гримзы. Платье пышное, но шнуровка спереди. Не дворянка. Определенно.

Третий – смазливый блондинчик в голубом. Завитые локоны посыпаны чем-то белым, но аккуратно. На одежде следов нет. Смотрит томным взглядом... Бабы, наверное, млеют.

Конкуренцию ему составляет такой же смазливец, но темненький. Друг на друга они поглядывают без всякой приязни. Соперники?

И еще двое, тоже похожи друг на друга. Один – этакий боровичок в простом наряде. Серьезный взгляд, спокойная улыбка. Второй же... нет, они похожи только внешне. Уж больно у второго взгляд нехороший. Этакий калькулятор в человеческом облике. Будь это в той прошлой жизни, Лиля бы сказала: «бухгалтер». А здесь он кто?

Наконец она решила, что народ приведен в нужное состояние, и кивнула:

– Разрешаю представиться.

Первым заговорил вояка. Как она и ожидала.

– Госпожа, меня зовут Лейс Антрел. Я со своим отрядом сопровождал юную графиню до вашего замка. Если мы вам не нужны, мы готовы уехать в любой момент.

Лиля едва не фыркнула.

Не нужны?! Ребята, да вы – подарок небес!!!

Вы – противовес вирманам. Все-таки до конца я им доверять никогда не буду. Вам – тоже. Но люди мне нужны. А сделать вас моими людьми – дело техники.

Или...

С другой стороны – стоп машина! Это, дорогая моя, люди твоего мужа. Тебе нужно, чтобы он узнавал о каждом твоём шаге? Или чтобы ему по приезде отчитались в красках?

Надо подумать.

– Сколько у вас людей?

– Пятнадцать человек.

– Уважаемый Лейс, после завтрака прошу ко мне в кабинет. Вы останетесь в Ирhone?

– Как решит упр... ваше сиятельство.

Оговорку Лиля заметила. М-да. Явно его предупредили, что от графини толку ноль. Всем заправляет покойный Эдор. Заправлял. Ситуация поменялась. А товарищ умный. Отпустить его или нет?

Что он может увидеть, если останется? И поладит ли он с вирманами? И что узнает супруг?

– Об этом лучше поговорить после завтрака и спокойно.

– Как прикажете, госпожа графиня.

Лиля кивнула. Остаться вояке определенно не хочется. Но если она прикажет... лучше ли будет? Или хуже?

И обратила взгляд на остальных.

Первой шагнула вперед костлявая тетка с таким выражением лица, словно до завтрака лимон зажевала. Солёный.

– Госпожа, я преподаю правила этикета юной графине. Мария Рейхарт, с вашего позволения.

Поклон был исполнен изящества.

Лиля прищурилась:

– И как, Миранде нравится ваша наука?

Кислота стала еще концентрированной.

– Юная графиня пока не понимает, что занятия ведут к ее пользе.

Лиля кивнула:

– У нее сложный возраст. Полагаю, если я поприсутствую на нескольких занятиях, она будет вести себя спокойнее.

- Вы не доверяете мне, ваше сиятельство? Я учила хорошим манерам дочь герцога Лейверского!

Лиля плавно повела рукой.

- Что вы, госпожа Рейхарт. Наоборот, я искренне хочу, чтобы Миранда Кэтрин усвоила хорошие манеры. Полагаю, в моем присутствии она не станет шалить. И будет вас внимательно слушать. Просто уроки придется перенести на удобное нам обоим время. Вы занимаетесь каждый день?

- Да. По два часа. Но мы только начали.

- Будем продолжать.

Вслед за Марией поклонился блондин.

- Леон Альтхерт, учитель естественных наук.

- Уважаемый Леон, то же самое относится и к вашим урокам. Я буду присутствовать везде. Не в силу недоверия. Я полагаю, что граф Иртон не выбрал бы для ребенка плохих учителей. Но подумайте, если мой муж приедет и найдет дочь недостаточно образованной, он будет весьма недоволен и вами, и мной.

Третьим поклонился брюнет в лиловом:

- Дамис Рейс. Учитель истории и литературы.

И обжег таким взглядом, что Лиля едва бюст не пощупала - вдруг там уже блузка дымится? Козел!

- Отлично. Господа, попрошу вас подумать над уроками. Мы с Мирандой будем ездить по поместью. И часть уроков будет проходить в движении.

Кажется, учителя были не слишком довольны. Но выбора им Лиля не предоставила.

И посмотрела на следующего гостя. Которого мысленно уже прозвала «калькулятором».

- Госпожа графиня, меня зовут Ширви Линдт, и я доверенный вашего мужа. У меня для вас письмо. Я должен взять отчет у управляющего. А также доложить вашему супругу о вашем состоянии.

Лиля чертыхнулась про себя.

Вот уж не ко времени! Но внешне постаралась этого не показать.

- Письмо от моего обожаемого мужа?! Оно у вас?!

Так, и глазами захлопать. Если делать это быстро и приоткрыть рот, выйдет лицо полной идиотки. Лиля точно знала по той жизни.

Мужчина явно купился. Что бы ни наговорил ему Джес Иртон, он ведь не знал про изменения... А докладывать ему Лиля не собиралась.

Надо прочитать письмо и до вечера подумать про количество и качество лапши на уши.

И отчет!!!

Эдор, скотина, чтоб ты еще раз сдох! Где я тебя искать буду?!

Ладно, покопаемся как следует в кабинете. А то до изгнания Эдора она опасалась, мало ли что. А после изгнания времени не было.

Лиля кивнула. И обратила внимание на последнего прибывшего.

- Ваше сиятельство, разрешите представиться?

- Разрешаю.

- Меня зовут Тарис Брок. Я прибыл с письмом и подарком от вашего отца.

Лиля изобразила восторг и захлопала в ладоши.

Дверь столовой распахнулась.

- Госпожа! - Эмма была торжественна и величественна. - Завтрак подан!

Лиля кивнула:

- Прошу вас, господа, разделить со мной мою скромную трапезу. Здесь, в глуши, я рада любому новому человеку.

Учителя были искренне удивлены. Но согласились. Да, для графини такое поведение несвойственно. Но эти люди могут ей пригодиться. Так что будем играть в демократичную графиню. А роль Малюты Скуратова за спиной исполнит Лейф. Когда придет. С его доброй улыбкой и нежным взглядом...

Лиля уселась во главе стола и даже успела проглотить несколько ложек овсянки, когда прибежала Ирэна с известием, что молодая графиня «очень громко кричит». Лиля вскинула брови и отправилась умирять малявку. Что ее там - подушкой прищемили?

Все было намного грустнее. Малявку прищемили кормилицей и няней. Та квохтала и хлопотала вокруг дитятка, а дитятко швыряло подушки и орало уже в голос.

Секунд пять Лиля наблюдала, а потом перешла к активным действиям. И кивнула замершей в углу Лидии на кормилицу:

- Убрать.

Девушки подхватили тетку с двух сторон и вытащили из комнаты, прежде чем та опомнилась. Лиля подобрала подушку и метко забросила обратно на кровать. Та приземлилась рядом с малявкой. И Миранда от неожиданности закрыла рот.

- Ты хочешь подраться подушками? - Лиля словно не видела в ситуации ничего страшного. - Давай вечером, а то нас ждет завтрак и поездка в деревню, к кузнецу.

- Зачем?

- Мы же хотели колокольчики заказать. Или ты уже не хочешь?

Подмастерье кузнеца Лиля сегодня еще не видела. Но подозревала, что замковую кузницу он еще не обжил.

Да, была и такая на заднем дворе.

Там был целый хозблок. И кузница в том числе. Только по назначению ничего не использовалось. Скотный двор в три коровы. И те - так себе. Птицы мало, копильня паутиной заросла.

Короче, если бы Лиля тогда знала то, что знает сейчас, она бы Эдора не выгнала. Она бы гада за ноги на воротах подвесила!

- А занятия...

- А с учителями я поговорю. Я с ними уже познакомилась.

Миранда тут же надулась.

Лиля подмигнула ей:

- А хочешь, будем учиться вместе?

- Вместе? Но ты же уже большая?

- И что? Так будет интереснее, правда?

- П-правда...

- Тогда умывайся, и надо одеваться. Ты чего раскричалась с утра пораньше? - Лиля поглядела на девушек, и те унеслись за тазиком и горячей водой.

Миранда засопела:

- А чего она?

Суть вопроса стала ясна через три минуты. Девочка не хотела читать утреннюю молитву. А няня полагала это совершенно необходимым.

Лиля пожала плечами:

- Давай сделаем так. Альдонай все равно наблюдает за нами, так?

- Д-да.

- Поэтому если ты утром скажешь ему: «Я знаю, что ты сотворил этот мир, и благодарна тебе», - этого хватит.

- Да?

- Честное слово.

Миранда кивнула.

- А умываться зачем?

- А чтобы быть красивее. Надо умываться и приговаривать: «Водичка, водичка, умой мое личико, чтоб глазки блестели, чтоб щечки краснели, чтоб смеялся роток и белелся зубок», и вырастешь невероятно красивой.

- Папа говорит, что я и так самая красивая.

- Красоте пределов нет. - Лиля смешно надула щеки и огладила себя по бокам. - Видишь, как меня много? И это все - чистая красота!

Миранда хихикнула:

- Ты смешная.

Вместо ответа Лиля слегка шлепнула малявку подушкой.

Умывание прошло весело. Вот полы немного залили, ну да черт с ними. Уберут.

Одевание - тоже. Но Лиля еще раз уверилась, что малышке нужны новые вещи. То, что было, рассчитывалось на парадное гуляние по паркету. И дома. Богатое, дорогое, расшитое золотом и уляпанное украшениями. Нам бы чего попроще, для деревни...

- Ты верхом ездить умеешь?

- С папой.

- А со мной рискнешь?

- А ты умеешь?

- Главное, что лошадь умеет.

Приручение ребенка шло полным ходом. Миранда просто очаровалась своей мачехой. Лиля не ругалась, не кричала, и с ней было интересно. Это было самым главным.

В деревню Лиля решила пока не ездить. Кузнец подождет. Потом. Вот прибудут вирмане...

А колокольчики можно и своему кузнецу заказать.

Пока Миранда ела, Лиля решила побеседовать с Ширви Линдтом. И первым делом попросила письмо от супруга.

Осмотрела печать на толстом конверте. И кивнула.

Герб Иртона она уже знала. Белый лебедь на зеленом фоне держит в клюве зеленую ветвь. Красиво. Потому и цвета такие.

Надо бы отбелить пряжу и связать себе махровую кофточку. Пушистенькую такую... Она сможет. Хотя... это Але было к лицу. А Лиле лучше что-то гладкое и без пушистиков. Габариты не те.

Линдт вышел, оставляя графиню наедине со словами законного благоверного.

Лилия сломала печать и начала читать письмо.

М-да.

Оно и к лучшему, что читать получалось только по складам. А то порвала бы мерзкую писульку к чертовой матери!

«Жена! – писал его утонченное сиятельство.

Я приеду не раньше следующей весны. Или лета. Надеюсь, с ребенком все благополучно и ты исполняешь свой долг по его вынашиванию. Постарайся доносить его до срока. Докторус Крейби поможет тебе. Я написал Эдору, он сделает все для твоего удобства. Направляю в Иртон свою дочурку Миранду Кэтрин. Полагаю, вам интереснее будет зимовать вместе. Позаботься о ней как следует, приеду – строго спрошу. Ширви Линдт – мое доверенное лицо. Можешь попросить у него все необходимое для тебя и ребенка.

Джерисон, граф Иртон».

Вот так.

Лилия положила листок на стол. Придавила края руками.

Спокойствие, девочка, только спокойствие.

Даже утонченный поэт Пушкин писал Наташе Гончаровой в деревню: «Что, женка, ты опять брюхата?» Или как-то так. Ей подруга-филолог рассказала. После этого Аля бросила читать Пушкина раз и навсегда. Нехороший человек! Какой-то швабре: «Я помню чудное мгновенье...». А родной жене? Которая за тебя, обезьяна африканского, замуж вышла? Ведет хозяйство, рождает детей...

И Джес Иртон не лучше.

«Янки при дворе короля Артура» все читали?

У приличного рыцаря была жена – одна штука, дама сердца – одна штука. И куча баб по тавернам. Где множество стремится к бесконечности. Или как-то так. Алгебру Лилия помнила плохо. Не больше, чем нужно, чтобы рассчитать нужную дозу для инъекции.

Да не в алгебре дело. А в том, что мужу на нее плевать.

И пусть!

Мы переживем.

Но учти, Джерисон, граф Иртон, если ты не уделяешь внимания жене, не удивляйся, когда на организме начнут расти рога. Пока мне не до того. Но...

Интересно, сколько кальция в организме средневековых графов?

Письмо было перечитано еще раз шесть. Из полезной информации ровно три слова – «я написал Эдору».

Ага. Письмо надо забрать. И прочитать руководящие указания. Да и отписаться тоже.

Остальное – фигня. Козе понятно, на жену плевать. Ребенка роди и хоть подохни. Сукин сын!

Лиля вдохнула, выдохнула и заставила себя успокоиться. Супружник далеко. До него пока не добраться. Хотя к счету прибавилась еще одна костяшка. Веская такая, как гирька... пудовая... чугунная... это потом. И мечты уронить ее мужу на ногу – тоже.

Вот что делать с доверенным?

Лиля почесала нос.

А что с ним делать? Вариантов два.

Или он становится ее человеком, или он становится пленником в Иртоне. А Лиля от его имени пишет мужу докладные записки. Потому что на кой хвост ей такое счастье.

Лиля представила себе это в красках:

«Ваше сиятельство, ваша жена потеряла ребенка, зато приобрела громадное шило в заднице. Простите, неумеренную двигательную активность. Она носится по всему Иртону, переписывается с купцами, наняла на службу вирман, и вообще тут происходит чего-то странное...»

Реакция мужа?

Ну с вероятностью девяносто два процента, он примчится сюда.

Семь и девять десятых процента на то, что ей напишут, запрещая все инициативы, и пришлют вагон надсмотрщиков. Чтобы и лапкой не дернула.

И одна десятая процента на то, что Джерисон Иртон оставит все без внимания. Хотя куда там! Сотая! И даже тысячная! Ваша жена в вашем доме мутит что-то непонятное, а вам все по барабану?

Не верю!

Лиля покусала губы.

Надо потянуть время. До прибытия вирман. Или поговорить с Иваром?

Вот и план уже вырисовывается. Охранников не отпускаем. Самой нужны. Или наоборот? Избавиться от них до прибытия вирман? Но как? Шел отряд строем по двору и упал в колодезь? Весь? Волки загрызли?

Как можно избавиться от пары десятков военных? Которые с мечами не расстанутся. Не травить же их оптом? Хотя и это не проблема. Надо поговорить с мальчишкой-травником. Но... не хотелось бы брать такое на совесть.

Ладно. Подумаем и придумаем, что и как.

У Ширви пока ничего не просим. Говорим, что нужно подумать. Пусть подождет. Главное, чтобы не сбежал.

С другой стороны, это вам не Германия с автобанами. Это Ативерна с разбойниками и прочими радостями. И ездить по дорогам в одиночестве тут будет только камикадзе.

Одни волки чего стоят.

Лиля в задумчивости покусала ноготь. М-да. Вот как избавиться от вредной привычки, если нервничаешь? Обстричь под корень? Медиком она так и делала. А графине приходится демонстрировать манеры и маникюр.

Итак.

С мужем ясно. До весны его тут не будет. Так что надо наращивать мощность. И с отцом бы хорошо связаться.

С военными – поговорить с командиром. И выяснить, как он отнесется к вирманам. И к перспективе работать под ее командованием. Ибо чужих людей ей не надо. И даром не надо, и с доплатой не надо, как говаривала когда-то мама...

На глаза навернулись слезы. Но Лиля не позволила им пролиться.

Так, не злись.

С вояками решили. Остаются при условии полного подчинения. Ей и Лейфу. А не нравится – к черту! Могу даже дорогу указать.

С Ширви? Это не солдат. Это доверенное лицо. То есть его спихнуть хоть к черту на рога, но как можно скорее. Если сейчас отдаст письмо управляющему, то останется цел. Не отдаст? Организую визит дружелюбного привидения в розовом балахоне... Заикаться начнет!

– Ширви!

Доверенный словно за дверью ждал... Хотя, может, и ждал? Появился мигом.

И Лилия протянула руку:

– Письмо.

– Простите, госпожа графиня?

– Альдонай простит. Письмо для управляющего.

Именно таким тоном когда-то дрессировал ее тренер: «Подтянуться пятьдесят раз. Как – нет? Семьдесят!»

Ширви оказался покрепче десятилетних салажат:

– Господин граф приказал мне отдать его лично в руки управляющему.

– Эдора нет. А я – есть. Вы считаете, что я стою ниже управляющего?

Лилия тихо порадовалась, что дверь закрыта. Авось никто и не подслушает.

Лицо Ширви приобрело этакое выражение «баран упертый упершийся».

– Ваше сиятельство, господин граф приказал мне отдать письмо лично в руки управляющему...

Лилия вдохнула. Выдохнула. Поглядела на мужика.

На морде написано: «господин граф всегда прав. Я повинуюсь господину графу. Господин граф – истина в последней инстанции».

Теоретически можно ему настучать по тылке. Отобрать письмо, уговорить, уломать... Но добровольно фиг он чего отдаст.

Лилия кивнула:

– Что ж, я понимаю вашу верность долгу. Но и вы поймите, управляющего сейчас нет. Так что предлагаю вернуться к этому разговору позднее. Возможно, мы напишем письмо господину графу и получим от него новые указания.

На лице Ширви появилось выражение тихой радости. Он явно опасался, что госпожа графиня начнет настаивать, закатит истерику... Лилия бы не постеснялась, но вот беда, она – хозяйка.

Так что обязана рычать и командовать.

Почему генералы не бегают?

Да потому, что в мирное время это вызывает смех, а в военное – панику.

Вот и она не должна закатывать истерики.

Лиля отпустила товарища и позвала к себе старшего из вирман. Пожаловаться, что народ совсем от рук отбился. Мол, не уважает, не слушается, письмо не отдает. И надо бы его того-с... воспитать. Чтобы жив остался, но сильно об этом пожалел.

Ивар выслушал Лилину версию событий с абсолютно спокойным лицом.

Оказалось, что можно.

Насчет тюрем он не знает. А вот «пыточная» и несколько камер в замке имеются, а то как же! Без этого в наше тяжелое время никуда.

Лиля только головой покачала. У нее вот руки не дошли, а вирмане тут сутки, и уже все знают. Хотя... Они-то знали, что искать. А ей эта мерзость не нужна.

Была.

Пытать Ширви Лиля не собиралась. Но вот в гостях ему задержаться придется.

– А потом вы с ним что сделаете? – Ивар интересовался очень... профессионально. Как мясник. – Каким способом убивать будем?

Лиля задумалась. А ведь правда.

Управляющего волки загрызли. Ну тут никто не спорил, ибо гад был.

Доверенного волки загрызли.

А если и сам граф приедет? Мало ли, не найдут они общего языка? И будут по лесу бегать волки с оригинальной диетой?

Ой неубедительно...

Похоже, эти раздумья отразились на Лилином лице, потому что Ивар кивнул:

– Госпожа графиня, я его могу хоть сейчас... Так вы ж с гнева...

Лиля согласилась.

С гнева. Это он правильно подметил.

Вообще, с вирманами Лиля сошлась довольно близко. Военные люди, они быстро поняли, что Лиля на происхождение не смотрит и со всеми обращается не по званиям, а по заслугам. Вирманам это нравилось. А чинопочитание у них отродясь развито не было. Вождь – и тот выбирался не по наследству, а по проявленным способностям.

И сейчас Ивар осторожненько так пытался дать понять графине, что доверенного придется убить, ежели что не так пойдет. А сколько может быть свидетелей его смерти?

Нет. Одного уже на смерть отправила, не вытряхнув всю информацию. Больше она такой ошибки не сделает.

– Ты прав. Я еще до вечера подумаю и решу. А пока его не трогайте.

– Как прикажете, госпожа.

Лиля попросила позвать к ней Тариса Брока и приготовилась ко второму разочарованию в жизни. Небось отец под стать супругу.

Письмо от отца было увесистым.

А когда Лиля развернула пакет, из него выпала большая шкатулка. И ключик. Красивый

такой, на тоненькой цепочке.

С них Лиля и начала. И присвистнула. Это она уже могла оценить.

Папа прислал ей в подарок шкатулку с кучей приправ и благовоний. Ценная вещь. Пусть благодарный Али уже обеспечил ее и тем и другим. Но цены она знала.

Такая шкатулка тянула на несколько десятков золотых.

- А еще господин прислал вам несколько отрезов бархата. И шелка. И тонкую кожу на сапожки. И меха...

Лилия кивнула. И вскрыла письмо.

У Августа Брокленда герб был попроще. То есть пока вообще без герба. Просто печатка в виде баронского щита. И на ней две звезды.

Титул пока еще ненаследуемый. Его получали два поколения. Сначала дед Лили. Потом сам Август. А вот она... А она удачно вышла замуж. Аж за графа. Других наследников нет, так что...

Интересно, а женщинам здесь дают дворянское достоинство?

Лилия только вздохнула. Технически, если бы давали, она могла бы получить и стать леди Брокленд.

Хотя что теперь об этом? Она - графиня Иртон. А если дражайший супруг будет мешаться, она станет вдовой графа Иртона. И совесть ее не замучает.

«Дорогая моя дочурка!

Надеюсь, у тебя все благополучно. Посылаю тебе небольшой подарок. До меня дошли слухи, что ты в тягости, - верно ли это? Напиши, если тебе что-нибудь нужно. Мой доверенный постарается доставить тебе все необходимое.

Лилия вздохнула.

Вот так вот.

Тоже ни слова о ее душевных переживаниях. С другой стороны, а что удивительного? Женщина - это же почти как табуретка. Или штаны. Собственность. И никаких переживаний.

Жива? Отлично!

Здорова? Шикарно!

Размножаться собираешься? Цены тебе вообще нет. Никакой...

Лилия вздохнула.

Но - оно и к лучшему.

Если отец не слишком откровенничает в письмах, можно предположить, что дочку он любит, но ее внутренний мир особо не исследовал. Подарки - это отлично. Это как раз свидетельствует о родительской любви. Или отец от нее откупается?

Нет, вряд ли.

Лилия положила себе проглядеть все бумаги, которые найдет в замке, то есть пергаменты, и посмотрела на Тариса.

- Уважаемый Брок, у меня будет к вам поручение. Съездить в один городок по соседству и отвезти мое письмо ювелиру-эввиру. Его зовут Хельке Лейтц. Возьмете все, что он пожелает передать моему отцу. И поедете отвозить мой ответ.

Если Тарис и удивился, то виду не подал.

– Как скажете, ваше сиятельство. Что это за город?

– Крепость Альтвер.

– Когда прикажете выезжать?

– Как можно скорее, – и в блондинистой головке мелькнула коварная мысль. – Я отправлю с вами солдат, чтобы вас охраняли в пути. Тех, которые вас уже сопровождали. Надеюсь, вы поладите?

И мысленно: «А вот Ширви останется один на один с кодлой вирман... Тут-то я до тебя и доберусь. Или...»

– Ваше сиятельство, вы очень любезны.

– Завтра я отдам вам письмо.

Лиля вежливо наклонила голову, давая понять, что можно удалиться.

И задумалась. Интересно, а что этот скажет отцу? Спросит, почему выставил дочь истеричкой? Скажет, что Лилия – исключительно разумная женщина?

Все может быть. И что тогда сделает отец?

Либо напишет еще пару писем, либо приедет сам. Может быть и то, и другое. А вот как с ним общаться?

Вообще, можно списать все на выкидыш. Горячку. И родильный бред. Почему бы нет? Я была душой, но, потеряв ребенка... Вот если бы я его не потеряла, если бы я раньше поумнела... «Я нэ оправдала оказанного мнэ високаго давэрия»... И кепочку на затылке в стиле незабвенного водителя товарища Саахова.

Лилия задумчиво потерела косу. Надо перекопать все сундуки в кабинете. И найти письма отца. Прочитать, написать свое... Так, визит к кузнецу откладывается.

– Ты тут? А когда мы кататься поедем?

Мелочь ворвалась в кабинет. Лилия, не растерявшись, поймала ее за шкуру.

– Стоять! Бояться! Не чихать!

– Не чихать?

– Ага. И глазами не хлопать. Значит, так, ты в этом собираешься куда-то ехать?

Миранда посмотрела на свое роскошное платье. И Лилия подмигнула ей.

– Нет уж. Тебе нужно что-то попроще. Чтобы можно было валяться в грязи, прыгать с лошади, лазить по деревьям, стрелять из рогатки...

– Что?

– Ну из рогатки стрелять. Ты не стреляла?

– Нет. Кальма говорит, что это не подобает юной леди.

– А я важнее Кальмы?

– Ты графиня. И я тоже графиня.

– Вот. И я говорю, что ты обязана все это проделывать. А если будешь умницей, я тебя еще и драться научу.

– Но благородной даме...

– А благородную даму никто в жизни не дразнил? – прищурилась Лилия.

Миранда понурилась. Явно было дело. Лилия ухмыльнулась:

- В таких случаях благородной даме надо искать благородного защитника, так?
- Да.
- Но сразу ты его не найдешь. Правильно?
- Д-да....
- А пока он придет, обидчик уже удерет. А я тебя научу так, чтобы один удар – и с ног долой. И небо в попугаях.
- А ты умеешь?
- Графиня должна многое уметь. В том числе и это.
- Зачем?
- Потому что ты – главная на этих землях. Ты отвечаешь за живущих здесь людей. И ты должна уметь защитить и их, и себя.

Кажется, этого девочке никто не говорил. Но, глядя на восторг на замурзанной после завтрака мордашке (овсянка, мед, варенье и что-то еще), Лиля поняла, что поступает правильно. Нет, девочка еще будет капризничать. Орать, биться в истерике, но главное ясно.

Ей – скучно.

Миранда Кэтрин – активный живой ребенок. Который дольше десяти минут на одном месте сидеть не может. А ее заставляют соответствовать образу знатной дамы. Ходить медленно, держаться с достоинством, и вообще быть сушеной воблой, типа учительницы манер. Запрещено практически все. А энергия-то бродит. Гуляет и выплескивается наружу. Отсюда и истерики. И скандалы. И прочие радости. А вот если вымотать девчонку до предела... Надо попробовать.

Лиля подмигнула девочке:

- Сейчас мы сходим и снимем мерки. Нам пошьют костюмы для верховой езды. А пока это сделают, мы займемся важным делом.
- Каким?
- Мы будем наводить беспорядок и свинячить.

Миранда только глазами хлопала. Обычно ей говорили: «Графиня, не пачкайтесь, не бегайте, не деритесь... не... не... не...» А Лиля предлагала ей что-то веселое и интересное. И девочка с радостью отправилась за ней к швеям.

По дороге Лиля шикнула на учителя танцев, заявив, что все занятия начнутся с завтрашнего дня, поиграла с Мирандой в догонялки и уронила тяжеленную вазу. Ну и пусть. Все равно металл так просто не повредишь.

Девочки сидели у себя в комнате. Все трое. И что-то прикидывали с куском желтой ткани. Лиля помахала им рукой, получила в ответ три поклона и улыбнулась:

- Девочки, мне и вот этой ушастой мелочи...
- Я не....
- Хорошо, безухой мелочи нужны костюмы для верховой езды.
- Какие, ваше сиятельство?
- Такие, чтобы сидеть в седле по-мужски, – Лиля обозрела четыре пары округлившихся глаз и ухмыльнулась: – Все будет более чем пристойно, не думайте. Где у нас тут береста?

Лиле пришла в голову обычная юбка-брюки. Широкая?

Да.

Ног не видно, то, что это брюки, тоже не видно. И что самое приятное – полная свобода движений. Перешить это тоже несложно. Сделать пояс на утяжке, чтобы можно было потуже завязывать, и жить спокойно. Килограмм двадцать она сможет скинуть свободно. А потом немного перешить – и сбрасывать следующую двадцатку.

– Смотрите, что надо сделать.

Лиля быстро набросала чертеж. Объяснила устройство пояса. Казалось бы, что сложного – подвернуть край, зашить и продеть внутрь веревку. Но ведь не додумались.

Кстати, пряжки для пояса. Она много видов знает. А их можно красивые сделать. Надо зарисовать для Хельке. Не забыть. Но сначала – письмо отца.

Чем хороши еще были юбки-брюки – для них почти не требовалось обмерки. Так, талия, бедра...

А блузка и есть блузка. И жилет сверху. Смешение ативернской моды с модой Авестера. Там как раз в моде были жилеты. Вышитые, длинные.

Красиво.

Обмеры были завершены за пять минут. Лилины мерки у мастериц уже были, а обмерить малявку типа Миранды, если та не сопротивляется, несложно. А Миранда Кэтрин, или как называла ее про себя Лиля, Мири, не сопротивлялась. Ей было интересно. И надеть брюки и поехать верхом по-мужски.

Последствий она пока не представляла. А Лиля не собиралась объяснять девочке, что местного пастора придется низводить и «курошаты» по методу Карлсона. Может, даже и плюшками. Или плюхами. На выбор.

Потом Лиля вернулась с ребенком в кабинет, и наступил кошмар.

Выглядело это так. Лиля засовывала Миранду в сундук, и мелкая вышвыривала оттуда все, что там лежало. Лиля ловила, складывала в кучку, иногда проглядывала и, убедившись, что это – не то, начинала укладку следующей кучки.

Миранда была счастлива. Лиля довольна.

На письма графа Иртона к управляющему они наткнулись в третьем сундуке из шести. Письма отца к Лиле нашлись, по закону подлости, в последнем. Лиля так и думала, что управляющий их сберег. Такие вещи не выбрасывают. Если ты не Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон... Лиля впервые подумала о реципиентке с недовольством. Да, у тебя не лучшие данные и куча проблем. Но кто-то и вовсе из помойки в миллиардеры выполз.

А ты-то что делала, кроме как лопала и плакала? Розовым стенки обивала?

А самосовершенствоваться в голову не приходило, нет? Или заглядывало и в ужасе удирало?

По уши замурзанное и довольное дите было отдано на руки Эмме с приказом умыть и переодеть. Ребенку было заявлено, что от его пыльного вида со стола пироги убегут. Мири фыркнула, но увести себя позволила. И даже обещала не орать слишком громко.

А Лиля быстро проглядела связки писем от отца.

М-да.

Мужчины, что ж вы за народ?

Или все зависит от женщины?

И то, наверное, и другое.

С Красавицей Чудовище стало принцем. Со светскими дамами Принц стал Чудовищем. С Лилей отец обращался как с ребенком. На, деточка, конфетку, скушай и не лезь ко

взрослым. Главное, что ты жива-здорова. А остальное – мелочи жизни.

Ни рассказов о своей жизни, ни каких-то серьезных расспросов, все письма примерно одного содержания. Только в первых попадают пассажи: «Альдонай заповедовал терпение...», «жена должна повиноваться мужу...», «Джес – достойный молодой человек...»

Похоже, сначала Лиля пыталась жаловаться. Но если она делала это в своем стиле, оно и неудивительно, что отец не прислушался. А отцовскими делами... а интересовалась ли она?

Верилось слабо.

Лилиан казалась Але довольно избалованной особой. Из девиц, которые твердо уверены, что солнце светит миру из их попы. Чтобы она чем-то интересовалась, кроме себя?

Ой ли!

Надо это менять. Но не в первом письме. Сначала надо покаяться.

Слова пришли словно сами собой. Лилия уселась за стол, и перо поползло по бумаге, оставляя корявые буквы:

«Любезный мой отец. – Откуда вынырнуло это обращение? Черт его знает. Может быть, от Вильяма Шекспира? А, не важно. – С горечью осознаю я, что меня настигла кара за глупость и недалекость. Я потеряла ребенка. И только потому, что была этого недостойна. Ни такого мужа, как Джерисон Иртон, ни такого отца, как вы. Вы столько для меня сделали, а я была неблагодарна и надменна. И Альдонай покарал меня. Отец, я обещаю исправиться. Я стала графиней, не сознавая своего долга. И была наказана.

Прошу вас не баловать меня более незаслуженными подарками. А если что понадобится для Иртона, я отпишу вам.

Я благодарю вас за заботу, я должна была сделать это раньше и сказать, что я вас люблю. Искренне надеюсь, что у вас все благополучно. Я буду молиться за вас и моего супруга.

Если бы я была умнее, Альдонай не наказал бы меня потерей долгожданного ребенка.

Лилия еще раз перечитала письмо, свернула, покапала воском и приложила печатку. Вот так. Тему ребенка надо подчеркивать.

А для первого раза достаточно.

Я была глупа и неблагодарна. Осознала, раскаиваюсь. Так и двигаться дальше. А что попросить у отца?

Вот Ингрид приедет, осмотрим поместье, составим смету – и вперед. Да и часть скота пригнать должны. Может, еще продуктов попрошу. Или чего другого... подумаем.

Рыбу, вон, ловить пора.

Люди у меня с голоду умирать не будут.

Письмо Тарис Брок принял и пообещал отправиться завтра на рассвете. Лилия сердечно поблагодарила его, распорядилась сгрузить подарки ей в комнату и попросила вирман помочь в этом сложном деле.

Подарки были хороши. Но.

Розовый бархат.

Розовая кожа на сапоги.

Розовое!!!

Ненавижу!!!

Но не отсылать же обратно. Надо бы отправить Хельке – авось что приличнее за это выторгует. Дорогое же все! Или это можно перекрасить? Бархат не для батика, но, может, хоть что-то можно сделать?

Эмма подвернулась как нельзя кстати.

– Где поместили травника?

– Госпожа, в комнатах для прислуги.

– Отлично. Проводи.

В комнату Лиля вошла без стука. И улыбнулась. Энтузиаст малолетний...

– Добрый день, Джейми.

Джейми Мейтл, травник неполных шестнадцати лет от роду, оторвался от ступки, в которой что-то растирал, и поклонился:

– Ваше сиятельство...

Лиля махнула рукой.

– Все в порядке?

– Да, госпожа графиня.

– Тебе здесь удобно?

– Да.

– Скажи, что у нас с краской?

– Краской, госпожа графиня?

В разговоре выяснились печальные новости. Органические краски тут известны. И зверобой варят, и луковую шелуху. И кучу других трав, но!

Все они нестойки.

Ой, не просто так живописцы прошлого только что не козлиные рога в краски подмешивали. Ибо нестойкость – это диагноз.

Батик после первой стирки превратится в половую тряпку. Увы.

А покупать дорогую ткань, чтобы выкинуть? Нет, не будут.

М-да.

Но на посуде краска же не смывалась. Вот в Хохломе посуду расписывали... из нее ведь ели. И каждый день. Но там слой лака наносили. А на гжельской? Там-то лака не было.

А как красиво, синее, белое...

Синее... Индиго? Берлинская лазурь? Лилия прищелкнула пальцами, ловя мысль. Хлорид железа и гексацианоферрат калия. И то, и другое можно получить. Тебе и карты в руки.

Есть гжельская посуда? Будет гжельская одежда! Мода, дрянь такая! Кто прогнет, тот и диктует правила. А уж развернуть пиар-кампанию в мире, где даже таких слов не знают, – запросто.

Надо только подумать, что есть в хозяйстве. А уж химию она знает.

Ладно. Начнем с простого.

Химлаборатория. И стеклянная посуда.

- Ты разбирайся тут, - улыбнулась Лиля мальчишке. - Подумай, что может пригодиться зимой, что еще заказать... У нас тоже травница есть, попроси Эмму, чтобы она тебя к ней сводила.

- А вы знаете, ваше сиятельство, что Морага не только травница, но и ведьма?

Лиля даже не сочла нужным фыркнуть.

- Ты в это веришь?

Судя по глазам мальчишки, не верил. Вот ни разу.

- Настраивайся на работу с ней. Что-то знает она, что-то ты. Если откажется говорить с тобой, сама с ней поговори. И один не езд, вирман с собой возьми.

- А они...

- Я им скажу.

- Благодарю вас, ваше сиятельство.

Лиля прищурилась.

- Заодно, может, чего у нее прикупишь... если каких трав не хватает.

- Да вроде бы все есть, на армию хватит. - Мальчик улыбался робко, но все-таки улыбался. За время путешествия обратно в Иртон он определенно стал лучше относиться к графине.

И тут у Лили промелькнула идея.

- Всего хватает? А рвотное есть? Слабительное? Или...

- А для чего, ваше сиятельство?

Лиля отмахнулась. Но от травника вышла с сенной, настойкой наперстянки и порошком копытеня. Отличная вещь. Ну что товарищ Ширви? Я немножко посолю вашу пищу, а у вас скакнет давление, откроется рвота и понос. В таком состоянии я у вас не то что письмо изыму, можно будет вас бандеролью в Африку отправить. А лучше - в Альтвер. Под охраной солдат... Вместе с Тарисом, если бог милостив, доедешь, а не сдохнешь. И может, даже к местным врачам не попадешь.

На Лейса Антрела Лиля наткнулась аккурат на кухне. Ей вдруг захотелось яблоко. А вояка сидел и жевал здоровущий кусок мяса, щедро сдобренный гарниром.

При виде Лили он попытался одновременно прожевать, проглотить, вытянуться во фронт... Короче, толка не вышло, и Лиля пожалела мужика.

- Сидите, ешьте.

Куда там! Вытянулся, глазами так жрет, что начинаешь сомневаться - графиня ты или отбивная...

- Ваше сиятельство, вы меня искали?

- Искала. Вы служите моему мужу?

- Да. Ваше сиятельство.

- Наемники?

- Нет, ваше сиятельство. Мы принадлежим к его личной дружине.

Это плохо. Или хорошо?

- И какой он вам отдал приказ?

- Сопровождать виконтессу Иртон, а также господина Линдта и господина Брока до места. Потом получить приказания от управляющего.

Лиля кивнула. Ну инструкций от управляющего вы не получите за отсутствием того самого управляющего. А остальное...

- А мои слова во внимание принимаются?

- А как же иначе, ваше сиятельство.

Лиля кивнула.

- Мой муж ничего на этот счет не говорил?

- Никак нет, ваше сиятельство.

Лиля кивнула. Не говорил. Оно и понятно. Это как если бы у табуретки глаза открылись, и она помчалась командовать. С той же вероятностью.

А вот что делать ей?

Оставить этих товарищей?

Вообще-то можно. Лишнее подкрепление не помешает. Да и черт их знает - вырвутся на волю и такого супругу наплетут... И ей удобно.

Вот сможет ли она заставить уважать себя?

Она может попытаться.

Лиля посмотрела на Лейса.

По глазам видно - натуральный солдат. Лиля не слишком разбиралась в местных нравах, зато она хорошо понимала военных. И сейчас в глазах мужчины огромным шрифтом было прописано: «баба!!!» То бишь - сидела б ты на кухне...

Если этих оставлять, то придется их строить и ломать жестко. Нужно ли ей такое?

Да еще вирмане подключатся - разный менталитет, обычаи, привычки, вкусы... Не настанет ли в Иртоне локальный армагеддец? И не угробит ли она большую часть времени на то, чтобы мирить две воюющие стороны между собой? Да и надо ли ей такое счастье?

Окажись Лейс помягче, поумнее, поизворотливее... Но - нет. Прямой, как доска. И такой же гибкий.

Но почему бы не использовать их на подсобных работах? Отослать всегда успеется. А ты поди верни обратно...

- Лейс, я оставляю ваш отряд в Иртоне. Пока. Дело найдется.

- Слушаюсь, ваше сиятельство.

- Для начала я вас отправляю с официальным поручением. Поедете в крепость Альтвер - проводите Тариса Брока к моему отцу.

Лейс кивнул:

- Как прикажете, госпожа графиня.

Лиля кивнула. Вдохнула. И подумала, что с нее семь потов сойдет. Но если она сможет сделать этого товарища своим, все окупится.

Лейс из породы собак. Не слишком умные, но верные, честные и преданные. Он ей тапочки в зубах носить будет. Надо только показать ему, что они одной крови. А вообще такой тип военных ей хорошо знаком. Обычно им надо набить лицо. Или показать, что ты

круче и сильнее. Сейчас она этого точно сделать не сможет. Ладно, что-нибудь изобретем.

Лиля попрощалась и вышла из кухни. И только потом вспомнила, что так и не сгрызла ни одного яблока. Но возвращаться уже не хотелось.

И отправилась к стеклодуву. Подмастерьев расселили друг рядом с другом. Пока в крыле прислуги. Потом Лиля собиралась выстроить целый комплекс. А сейчас... Убраться бы в этом свинарнике еще раз. Стену подновить у замка. И ров.

Эх, работы навалом.

Стеклодув сначала был насторожен, но Лиля постепенно завоевывала его доверие.

Лиля предложила ему выбрать, что понравится, под мастерскую. Любую хозяйственную постройку, кроме кузницы.

И задумалась. Идей было до хвоста. А вот воплощение...

Надо было дать всем чуть освоиться и наладить себе рабочие места.

- Ты почему удрала?! Я тебя ищущу!

Лиля поймала под мышки Миранду и попыталась подкинуть в воздух. Получилось не очень, но малышка радостно завизжала и вцепилась в женщину.

- Ну ты и медвежонок! - возмутилась Лиля.

- Я?!

- Ну не я же! Такой слоник вырос.

- Я не слоник!

- А кто ты?

- Я Миранда Кэтрин Иртон. - Малявка так задрала нос, что Лиля не удержалась от легкого щелчка по нему.

- Не-а. Ты до своего имени еще не доросла. Вон платье в пятнах, на носу грязь. Тобой полы вытирали?

- Нет.

- А где ты тогда нашла столько пыли? Значит так, у нас завтра намечается генеральная уборка.

- Это как?

- Это когда выгребаются то, что не выкинули в прошлый раз.

Миранда хихикнула:

- А зачем?

- А чтобы маленькие девочки не напоминали потом больших поросят. И на них не ругалась няня.

Миранда помрачнела. Видимо, вспомнила про Кальму. И про предстоящие нотации. Но Лиля ей скучать не дала:

- Поэтому для тебя есть очень ответственное поручение.

- Какое?

- Судя по толстому слою грязи, ты ее найти можешь. Вот и будешь искать по всему замку. А я приставлю людей, и они будут убирать, где ты скажешь.

Лиля подумала, что надо еще приставить и вирман, чтобы перегибов не было. А почему нет? Мелкая учится командовать. Все видят, что две хозяйки – заодно. Ну и... действительно ведь чище будет!

– Правда?

– Честное свинское, – поклялась Лиля и поудобнее перехватила малявку. – Вот что, киска, у тебя игрушки есть?

– Да.

Игрушки произвели впечатление своей... непригодностью. Несколько вырезанных из дерева поделок (кстати, подумать про лошадки-качалки, кубики с буквами для знати или купцов, деревянные головоломки, которые она вспомнит, Хельке передаст идею столяру, а тот развернется), пара тряпичных страшилок... М-да. Не наступило еще время мишек и зайчиков. Уютных и родных.

И Лиля, решив плюнуть на все, посвятила день малявке.

Надо же ее приручать.

Заодно и девочкам объясним про мягкую игрушку. А набивать можно сушеным мхом, соломой... да мало ли чем!

Письмо отцу написано, Ширви траванем ближе к ужину, с солдатами все решено, учителя отдохнут, а мы с Мирандой, Ирэнной, Лидией и Марсией...

Кстати, изобрести нормальные ножницы. А то этими овечьими зарезаться легче, чем что-то отрезать.

А к вечеру – к вечеру был готов первый слегка косорыленький и растрепанный мишка. С симпатичными глазками-пуговками (Хельке громадное спасибо), таким же носиком и даже открывающимся ртом.

Лиля только головой качала. Она-то могла сделать и лучше, и красивее, но девочки и Миранда смотрели с таким восторгом!

Конечно, первый экземпляр достался девочке. А Лиля прикинула и начала рисовать на бересте других зверюшек.

Мишки, кошки, зайчики – это же только начало. А есть еще крокодилы – тех вообще раз плюнуть сделать. И змеи. И куча всего... А набивать и гречневой шелухой можно. И безотходное производство, и подушка-антистресс.

Судя по горящим глазам девушек и восторженному личику Миранды, которая вцепилась в мишку только что не зубами, идея имела успех. Лиля подумала, что при правильном подходе они таких зверушек смогут сотнями производить. А еще можно ведь для них и одежду шить. И украшения делать... Хельке придумает, как это подать. Надо только написать эввиру.

Одним словом, к ужину Лиля и Миранда спускались уже лучшими подругами.

Лиля прекрасно понимала, что Миранда еще далеко не укрощена, что у нее еще будут стычки с маленькой капризницей, но...

Главное – заинтересовать ребенка. А потом с ним будет намного меньше проблем.

– Вы полагаете, это все коварство Мальдонаи?

Пастор внимательно посмотрел на собеседника. Тот поежился, но ответил, почти не думая – заранее готовился:

– Разумеется! Женщина не предназначена для дел. Разве ее супруг мог дать ей хоть какие-то поручения?

– Вы правы, дитя мое. Но это – графиня.

- Разве власть Альдоная не выше всех живущих?

- Да, выше.

Про себя пастор задумался.

Выше-то выше. Но...

Вон, поди поспорь со Львом Уэльстера! Решил один умный придворный альдон развод ему не дать. Назавтра же его на охоте собаки разорвали. Все всё понимают. Но доказать – никак.

И развод Гардвейг получил тут же. Жить всем хотелось.

И здесь может быть то же самое.

С одной стороны, жаль, что не прошла его затея. С другой же... Джес Иртон – мужчина серьезный. И в стычках на границе себя показал. Если эта коровища с изумрудным браслетом не врала, связываться себе дороже. Вывезут в море и притопят на неглубоком месте.

Так что... да, немного обидно. Но жизнь все равно дороже.

Графиня, дочь крупного кораблестроителя, плюс муж Лилиан Иртон с королем на короткой ноге, чуть ли не королевский племянник. Нет, лучше уж не связываться. Слишком основание зыбкое.

Собаки и охоты везде есть.

Божественное – да, это хорошо. Но мирские власти тоже забывать не грех. Кушать-то хочется.

Впрочем, есть хороший способ выяснить правду. А именно – отписать Джерисону Иртону про подвиги его жены. И посмотреть, что он ответит.

Оба беседующих не заметили тихого храмового служку, который шмыгнул за алтарем словномышь. А вот служка слышал все, что хотел.

И поторопился доложить своему хозяину.

- За что Альдонай наказал меня таким сыном-недоумком?! – Достопочтенный Торий Авермаль с отвращением смотрел на Дария: – Ты хоть понимаешь, кретин, что ты наделал?!

- Что именно?! – искренне удивился Дарий.

- Ты зачем поперся к пастору со своими глупостями?!

Дарий закусил губу. Откуда отец знает?

- Я...

- Молчи, идиот! Я тут не жалею сил, чтобы графиня Иртон стала относиться ко мне лучше, а он пытается записать ее в шильды! Недоделок! Тупица!

- Да шильда она и есть! А то кто ж еще? – вякнул Дарий.

И был награжден увесистой затрещиной.

- Болван! То, что женщина умна, не означает ее принадлежности к шильдам. А она далеко не дура. И цену себе знает. Если с ней сотрудничать, мы можем много получить.

- Да что она...

Торий закатил глаза. И заговорил медленно и холодно:

- Если ты. Еще раз. Хоть слово дурное по графиню скажешь. Я тебя. Из дома выгоню!

- Отец?!

Дарий был искренне шокирован. Нет, всем же ясно, женщина – это что-то вроде мебели. И своего ума у нее просто нет. Она создана для того, чтобы продолжать род. Сосуд для семени. И все. Ну еще готовить, шить, стирать может. Но ожидать от нее ума?

Женщины коварны, похотливы, лживы, глупы, и ими может пользоваться Мальдонада. И не боле того. Почему отец так злится?

- Сотрудничество с Лилиан Иртон может принести хорошие деньги. Она умная женщина. Таких единицы. И я не хочу, чтобы ты развалил то, что только начинает созревать.

Обругав сына, запретив ему все действия против Лилиан Иртон и профилактически выпоров на конюшне, Торий Авермаль отправился к эввиру в гости.

Как ни странно, ему нравился Хельке Лейтц.

Эввир был неглуп, практичен, понимал свою выгоду – то, что Торий знал и в себе. А сейчас их объединяло и общее дело.

- Моя племянник скоро поедет к графине. – Хельке угощал гостя настоем трав, который посоветовала делать та же графиня. Душмяница, ползунок, лиловый цвет... Получалось вкусно, особенно с медом.

- Отлично. Передайте ей от меня поклон.

- Обязательно, господин барон.

- Торий. Просто Торий, компаньон...

- Не смею спорить с благородным господином. – Улыбка Хельке была преисполнена ехидства. Торий ответил похожим оскалом:

- Ты? Ты – смеешь.

- Достопочтенный...

Мужчины весело переглядывались.

- Хельке, у нас есть небольшая проблема...

Пастор запечатал письмо и отдал посыльному.

Так-то ваше сиятельство. Знает ли ваш муж про ваши выходки? Теперь – точно узнает.

Но будет ли в восторге?

А утром его навестил достопочтенный Торий Авермаль:

- Пастор Лейдер, мое почтение.

- Благословен будь, дитя Света.

Покончив с обязательными формальностями, мужчины перешли к делу. Пастор указал барону на стул, тот уселся и поставил перед собой небольшую шкатулку.

- Чем я могу служить вам, достопочтенный Торий?

- Речь не об услуге, пастор. Я пришел к вам с маленьким подарком. – Торий коварно улыбался.

- Вот как?

- Да. От одной известной вам и мне особы.

- Какой же?

- Ее сиятельства Лилиан Иртон.

- Лилиан Иртон?

- Да, она перед отъездом очень сокрушалась, что не могла вас навестить лично.

Из навешанной бароном лапши становилось ясно – графиня очень высоко оценила участие милого пастора в своей судьбе и просила передать ему скромный подарок. Скромненький такой...

Золотое перо и такая же чернильница, щедро инкрустированные малахитом. Хельке лично постарался. Самые интересные вещи, те, которые пойдут высокородным, он делал лично. А что попроще... Сейчас на него уже работало шестеро подмастерьев. И он не собирался останавливаться.

- Какая прелесть!

- Графиня очень просила передать вам, что сохранит о вас самые лучшие воспоминания. И будет искренне надеяться, что Альдоной пошлет вам новую встречу.

- Я тоже буду ждать этого момента.

Пастор чуть расслабился. Вот это уже было правильно. Подарки, надежды... Боится супруга, но его обаяние-таки подействовало.

Зря он, наверное, написал графу. Но не говорить же теперь об этом.

- Вы будете писать графине?

- Непременно. И писать, и она сюда должна приехать.

- Я тоже напишу ей.

- Я с радостью переправлю ваше письмо.

На том и сошлись.

Хельке Лейтц просто зашивался. И другого слова тут было не подобрать. Жена и дети теперь видели его минут по десять в день. Вставал он до рассвета, ложился после полуночи. И радовался, что пожилым нужно меньше сна. Хотя вот уж сейчас его бессонница не мучила.

Отключиться бы. А утром – опять дела.

Дела, работа, забота...

Хотя и приятная.

Новинки Лилиан Иртон не просто пользовались спросом – их готовы были раскупать мешками. Но ты поди, наладь производство!

Сделать пять непроливаек?

Не так сложно.

А пятьдесят? Пятьсот?

Да пока только производство наладишь, с тебя семь потов сойдет.

А договориться с партнерами в других городах? А наладить сбыт?

Хельке с ума сходил.

Хорошо еще, что есть эввирские общины во всех крупных городах. Связанные между собой. Голубиная почта – вещь хорошая.

Да, про эввиров можно сказать многое. Они коварные, еретики, легко обманывают людей. Но только не тех, кто с ними одной веры. Даже поговорка ходила: «Эввир эввира не обманет».

И это была чистая правда.

Но Хельке не собирался обманывать и Лилиан Иртон. Сначала мог бы. А потом...

Иногда выгоднее вести дела честно. Да и Торий Авермаль рядом, тот еще жук... Такой свою прибыль никому не отдаст. У медведя мясо вырвет.

В ближайшее время Хельке собирался отправить к Лилиан своего племянника. А там посмотрим, что нового придет от графини.

Пока имеющееся бы освоить.

Убийца разглядывал Лилиан Иртон. Исподтишка.

Странно.

Эта женщина не похожа на бесчувственную колоду, как ее описали. Хотя... какая ему разница?

Сделать свое дело и уехать. Солдат отправляют завтра с утра. Так вот. Ночью графиня Иртон должна быть мертва.

Лиля и не подозревала, что ее жизнь уже взвесили, оценили и назначили ее срок.

Она просто занималась домом, Мирандой.

Завтра должны были прийти женщины из деревни. И мужчины тоже. Ров так и не был восстановлен. А надо. И ремонт надо довести до конца. Стены подмазать... Знают ли тут, что такое цемент?

Бетон?

Нет, кто бы спорил, раньше строили лучше. Но на куриных яйцах раствор мешать... Дорого, долго, неудобно. Не хочу!

Лиля вздохнула. И отправилась на кухню.

Ей повезло. С одной стороны, ужинать с графиней учителям и посланным было не по чину. С другой – все ж не слуги. Поэтому подносы с едой им относили в комнаты. И Лиля не пожалела «приправ» для Ширви Линдта. Во все подсыпала – кто его знает, сколько и чего он съест?

Ужин – на этот раз они ужинали вдвоем с Мирандой, а всем остальным накрыли отдельно, – тоже удался. Мелкая искренне пыталась подражать Лиле, женщина поправляла ее, шутила, смеялась. Сложно ли приручить ребенка?

Сложно.

Но Лиля уверенно шла к этому. Беда была в том, что Мирандой никто не занимался по-настоящему. Отец просто не умел ладить с девочками. С кузенами у нее тоже отношения не сложились. Кормилица, конечно, ее любит, но любить и курица умеет. А вот чтобы было интересно...

А с Лилей было интересно.

Рассказы Киплинга закончились, и женщина пересказывала теперь «Снежную

королеву». Мири слушала, как зачарованная.

– А откуда ты столько знаешь?

– Я много училась.

– А я буду столько знать?

– Мы завтра сходим на уроки и посмотрим, чему тебя учат.

– Они про такое не рассказывают.

– А я буду. Но и учиться тоже надо.

Судя по мордашке Миранды, она бы предпочла заменить учебу интересными рассказами.

И Лиля собиралась продолжать. Вот ведь готовая помощница. Только расскажи ей про медицину. Ничего, мы еще вырастим из виконтессы медика.

Лишь бы ей никто не помешал!

Женщина поиграла с ребенком в «ладушки» и «камень, ножницы, бумага» и сдала с рук на руки няне, утомленную и довольную.

– Найди ей что надеть попроще, – приказала Лиля. – У нас завтра генеральная уборка, вот чтобы ребенок портил дешевые платья.

Кальма надулась:

– Миранда – дочь графа! У нее всякой дешевой пакости нет.

Лиля закатила глаза:

– Любезнейшая, ты у меня за ворота вылетишь с волчьим билетом. Или на конюшне выпорю. Что тебе больше нравится? Ты что, решила, что можешь мне дерзить? Жить надоело?

Служанка резко побледнела. Этому способствовали и вирмане, которые, тихонько так лязгнув железом, появились рядом с графиней.

– П-простите, ваше сиятельство....

– Альдонай простит. Еще раз рот откроешь не по делу – и вякать на дороге будешь. Поняла?

Кальма закивала.

Лиля прищурилась. Да ясно же. Ее просто ревнуют. То есть не ее, а Миранду – к ней. Раньше-то все было в руках кормилицы. А сейчас появилась Лиля, и мелкая полностью переключилась на нее. Вот Кальма и пытается хоть что-то отстоять для себя. Хотя бы призрак былой власти.

Перебьется.

Лиля не была злой. Но делить ребенка ни с кем не собиралась. И как инструмент влияния на графа, и как будущую помощницу, и...

Этот ребенок может действительно стать ей родным. Дети – они ведь не держат камня за пазухой. А Лиля так устала от одиночества.

Женщина практически вползла в спальню и позвала горничную. Помочь раздеться. Да, тяжело. И здесь еще есть няньки, слуги... Как же справляются родители в ее мире? Которым еще и работать надо? За сегодня она точно килограмм живого веса потеряла.

Дети...

Убийца был уже в комнате.

Он знал, что графиню всюду сопровождают вирмане. Кроме ее спальни. А там стоят на карауле у дверей. Ну и отлично. Спрятаться в шкафу. Благо в нем можно было что угодно спрятать.

Дождаться, пока толстуха заснет, и прирезать ее. Один правильный удар, она и вскрикнуть не успеет. Не то что сопротивляться. Да что она может ему противопоставить?

И уйти через открытое окно. Он сможет. Здесь высоко, но можно простыню спустить.

А толстуха все не засыпала. Ходила по комнате, шуршала пергаментом...

Он весьма удивился бы, узнав, что дичь весьма опасна. Лиля помнила уроки своего детства. А лишний вес... Кто сказал, что он не может стать оружием?

Лиля чувствовала себя дико утомленной. Но спать не хотелось. Такое состояние.... Вроде бы тело ломит, а голова идеально ясная. И можно многое сделать. Поэтому она взялась за перо и пергамент. Фармакология. Самая нелюбимая когда-то. И надо ее записать первой, чтобы точно не забыть.

Примерно на втором метре пергамента ей надоело писать и она улеглась в кровать. Погасила свечу в массивном подсвечнике. Заложила руки за голову, задумалась.

А через пять минут и уснула.

Убийца выждал еще час – для надежности.

Лиля спала беспокойно. Металась, что-то говорила... Мозг не справлялся с обилием впечатлений и сбрасывал напряжение как мог.

Поэтому он выждал глубокого сна. И выскользнул из шкафа.

Скрипнула дверь.

По комнате пополз неприятный запах.

Лиля шевельнулась. Убийца замер.

Если проснется – придется работать грубо.

Но одной вони было мало, чтобы ее разбудить, слишком мало. После тяжелого дня – нет, Лиля не проснулась. И мужчина успокоился.

Может быть, просто подушкой? Придушить, подушку выкинуть, а там кто знает. Может быть, она во сне умерла...

Его намерения увенчались бы успехом. Шаг, еще шаг, вот и кровать, на которой вольготно раскинулась женщина... еще минута...

Но скрипнула еще одна дверь.

Попробуйте уложить перевозбужденного ребенка.

Который твердо решил спать с мамой. Ладно, с интересной тетей. И сказку!

Миранда Кэтрин Иртон не хотела спать. Она хотела слушать сказки. Но, открыв дверь, она увидела, как темная фигура наклоняется над кроватью графини.

И сделала единственное, что смогла:

– Лили!!!

Лиля проснулась мгновенно. И так же мгновенно пришла в себя.

Убийца метнулся вперед. И от души получил подушкой по морде. А подушка-то перьевая, тяжелая... Хорошо, что Лиля не успела их выкинуть или заменить на что-то более плоское.

На миг убийца просто опешил.

Лиле хватило момента оценить обстановку.

Мири!!!

Какого черта она закрылась изнутри на щеколду?! Эту дверь тараном не сразу вышибешь – дубовый массив. И то же в спальне графа. Оттуда тоже не пройти. От няньки пользы ноль.

Твою ж!!!

Лиля не думала связно, но в голове пронеслось обрывками:

Киллер! Заложники!

Кто бы ни был в ее спальне – он точно не картошки попросить пришел.

Вирмане должны слышать.

Миранда!!!

Затягивать схватку нельзя.

Убийца метнулся вперед. И получил оставшиеся подушки под ноги.

Одну! Вторую! Третью!!!

На миг споткнулся. А больше Лиле и не нужно было.

– Тревога!!! – пожарной сиреной взвыла она.

Убийца выругался и рванулся вперед, выхватывая нож.

Прирезать гадину! И уйти через окно.

Раз уж бесшумно не вышло. Главное, чтобы не поймали. А там разберемся. Отмазаться не удастся – сбежать получится!

У Лилиан Иртон были другие планы.

Женщина не тратила времени на то, чтобы встать. Она просто перекатилась и почти упала с другой стороны кровати. Благо шкаф и дверь находились в разных концах комнаты, почти друг напротив друга. И Лиля оказалась ближе к двери.

Но убежать было нельзя. Ударят в спину.

Мири прекратила визжать и замерла у двери светлым столбиком. Убийца пока не обращал на нее внимания, но Лиля помнила. И рвалась к двери, уводя киллера подальше от ребенка.

Черная тень вспрыгнула на кровать, и Лиля что есть сил рванула простыни.

Есть!

Вот теперь он свалился. Лиля бросила простыни на него сверху – пусть выпутывается, подхватила подсвечник и бросилась к двери.

Ей оставалось буквально два шага, когда она чутьем поняла – сейчас ударят. И развернулась.

Резко. Приняв привычную стойку. Пусть и не идеальную.

Ноги чуть пошире плеч, правая впереди, одна рука выставлена перед собой.

– Стой! Если ты убьешь меня, ты и сам умрешь!

Тень расхохоталась. А зря.

Потому что Лиле только и нужно было отвлечь внимание.

Она растеряна. Слаба. Беспомощна.

– Не убивай! Я дам тебе денег.

Убийца шагнул вперед.

Сейчас он прирежет эту толстуху!

Увы... Лилия опять нарушила его планы. Она просто упала. Она отлично понимала, что сейчас не справится с мужиком. А вот что она может?

Да, только весом.

Упасть на колени, уводя себя из-под удара на пару секунд. И что есть силы – по ногам убийце. Тяжелым подсвечником. По коленной чашечке! Чтобы упал не на нее!

Есть!

Только пятки в воздухе мелькнули.

Черт!

Плечо пронзила резкая боль. Нож все-таки ее задел.

Лилия взмахнула левой рукой, отбивая оружие дальше в сторону. Предплечье тоже рвануло болью. Пара секунд. Потом он оправится, а если они сцепятся, ей не выиграть.

И Лилия сделала подлость. Наверное, мужчины ее бы не одобрили.

Она же с места не двигалась. Так что подсвечник никуда не откатился. Женщина схватила его и что есть сил шарахнула убийцу по яй... простите, половым органам.

Со всей дури.

И попала, конечно.

По комнате понесся жалобный вой.

Лилия уже беспрепятственно преодолела последние метры до двери и рванула засов.

В комнату влетели Ивар и Гэл. И навалились на киллера.

– Не убивать!!! – едва успела Лилия.

Вовремя. Вирмане послушались. Скрутили героя и представили пред светлы очи.

Лилия подошла к столу, взяла с него еще один подсвечник – на шесть свечей – и зажгла. Кремень и огниво она уже научилась использовать. При свете шести свечек она увидела одного из военных с расквашенной мордой.

– Так-так-так... И что это у нас здесь за явление? Как зовут?

Убийца сплюнул на пол, отказываясь отвечать.

Лилия зашипела. Ну все, гад! Ты нарвался.

– Что случилось?!

В дверь заглядывала Кальма.

- Госпожа графиня, вы ранены?!

Олаф коснулся ее плеча.

И только тогда Лиля пришла в себя.

Огляделась.

Убийцу скрутили в бараний рог. Кажется, это один из солдат. Лилия их не запомнила – все на одно лицо.

Миранда замерла у стенки, белая как полотно. Лилия отстранила Олафа и шагнула к девочке, не обращая внимания на шум в ушах.

- Малышка, с тобой все в порядке?

Миранда всхлипнула. Бросилась вперед. Крепко прижалась.

- Лилия!!! Лили!!!

Женщина гладила ее по темной головке. На руки взять не могла. Плечо болело все сильнее, и она кивнула Олафу:

- Травника позовите.

И опять все внимание обратила на Мири:

- Ну что ты, малышка, не плачь.

- Я та-ак испугалась.

Лилия тоже испугалась. Но говорить об этом было нельзя.

- Ты же виконтесса Иртон, ты должна быть сильной и храброй. И ничего ведь не случилось.

- А у тебя кровь.

- И что? Мне вовсе даже не больно.

Вирмане глядели с уважением. На шум сбегался народ, и все замирали в дверях.

Картина маслом по бутерброду.

Толстая женщина в розовом балахоне, изрядно заляпанном кровью, успокаивает маленькую девочку в белой рубашке. Рядом – вирмане с топорами и кинжалами на изготовку. На полу связанный убийца. Из дверей в спальню графа, где и разместили Миранду Кэтрин Иртон, выглядывает перепуганная прислуга.

- Ваше сиятельство!!!

В дверь влетел Лейс Антрел. И замер как вкопанный, глядя на солдата на полу.

- Вы живы?!

- Вот уж не благодаря вам, – окрысилась Лилия. – И вообще, что это за командир личной дружины графа, у которого солдаты на графиню покушаются? – Лилия не орала в голос только потому, что не хотела пугать Мири еще больше. Девочка и так вся дрожала.

- Ваше сиятельство, это...

- Да вы подойдите, подойдите. Поглядите, руками пощупайте.

Яда в Лилином голосе хватило бы на отравление пары-тройки рек. Ну и на небольшое войско осталось бы.

- Вдруг это вовсе даже не ваш солдат. И убивать он меня не хотел, так спинку почесать... ножиком...

В толпе слуг слышались неуверенные смешки. И Лиля окончательно озверела:

– Весь ваш отряд и вас, как командира, за такое под суд отдать надо!

– Ваше сиятельство...

– Что?! Уж сколько лет, как сиятельство, – и тихо, почти шепотом: – скоро сама засияю!

Мири неуверенно хихикнула.

Лилия забыла обо всех и погладила ее по голове.

– Малыш, ты успокоилась?

– Д-да... – малявка отлепилась от Лили. – А что теперь?

– А теперь мы выясним, за каким этому уроду...

– Это Томас Дорт, ваше сиятельство, хороший парень, он у меня уж года два. – Лейс выглядел просто убитым.

Лилия даже его немного пожалела. А потом в ней проснулась мелкая интриганка:

– И сколько графинь он прирезал за эти два года?

Кажется, убийца хотел что-то сказать в свое оправдание. Но где там! Кляп – вещь хорошая. Даже если на него перевели... Млин!

Лилия обнаружила, что вирмане веревки и кляп сделали из ее нижней юбки. Вот гады!

Но ругаться не стала.

Переживем. Сейчас важнее на Лейса наехать.

– Полагаю, Лейс, вам надо присутствовать на допросе?

– Да, ваше сиятельство.

Лилия кивнула вирманам:

– Волоките его в подземелье. Можете попинать, но без меня не допрашивать, ладно? Я оденусь и приду. И вообще – выметайтесь, хватит тут на графинь в неглиже пялиться!

Все дружно закивали. И даже начали выметаться. Частично.

Гэл с Иваром поволокли убийцу. Лейс начал разгонять слуг в коридоре.

– Ваше сиятельство, вам бы ра...

Лилия так сверкнула глазами на Олафа, что тот заткнулся без пояснений. Кивнула на Миранду. Мол, не пугай мне ребенка. И бросила взгляд на Кальму.

– Вот что, голубушка. Иди-ка сюда. И занимайся своими прямыми обязанностями.

– В-ваше сия-тельство?

– Увижу, что у тебя ребенок по замку бегаёт без присмотра, – выгоню. Ты мое терпение исчерпала. Поняла?

Кальма закивала. Лилия подняла Мири за подбородок.

– Так, малыш. Дай мне одеться. Я сейчас разберусь со всем и приду. Расскажу тебе ещё одну сказку на ночь. Хорошо?

Мири закивала.

– А с тобой всё в порядке? Правда?

- Честное слово.

В дверь влетел Тарис Брок и замер, остановленный холодным взглядом. Вопль буквально замерз у него на губах.

- В-ваше сиятельство...

- Тарис, я жива и цела. Подождите, я уложу Мири, и мы поговорим.

Лиля проводила малышку в ее комнату, сверкнула глазами на няню и опять отправилась к себе. Ей было откровенно плохо. Два пореза были не очень глубокими, она это понимала. Но кровоточили и болели они по полной программе.

У-у-у...

Лиля могла бы остановить кровь. Но не хотела. Кровь шла не слишком сильно, и большой потери... Да из такой тушки литр ссудить можно - не заметит! Кто его знает, что на ноже у убийцы? Он им мог позавчера крысу потрошить или задницу чесать! А ей инфекция не нужна. Пусть лучше кровью вынесет грязи сколько получится, чем потом гноиться начнет. Антибиотиков здесь пока еще нет. И вряд ли она их изобретет, валяясь в бреду.

Джейми-таки появился. И тут же принялся за лечение:

- Ваше сиятельство, садьте.

Лиля повиновалась.

- Мне надо будет осмотреть ваши раны.

- Я сейчас позову Марту, она мне поможет. И Эмму.

- Я здесь, ваше сиятельство.

- А Марта?

- Ваше сиятельство, она ведь старенькая уже... Я ее будить не стала.

Лиля кивнула.

Действительно, по местным меркам ее нянюшка уже стара. За полтинник. Да и она себя старухой чувствует. Вот и не проснулась, когда шум поднялся.

- Хорошо. Эмма мне поможет. А остальные - вон. Тарис, друг мой, прошу вас выйти. Мне сделают перевязку, и я позову вас.

Тарис закивал и вышел вон. Глаза у него были - по рублю. Еще царских времен.

Лиля посмотрела на Джейми:

- Отвернись, рубашку сниму.

Парень покраснел, но отвернулся. Эмма помогла Лиле снять рубашку и набросить новую, без рукавов. Лиля быстро оглядела себя.

Ничего страшного.

Порез на плече, даже скорее разрез - задел, когда падал. Мышцы слегка задеты. Ну да переживем, рука все равно левая. Надо зашить и перевязать.

Без наркоза, млин! Даже без стопки фронтовых - Лиля подозревала, что ее поведет и с двадцати граммов самогонки, а голова нужна ясная.

Хотелось скулить и плакать.

Нельзя.

Она - графиня. И хозяйка этого дома. Она обязана являть пример стойкости.

Лиля стиснула зубы. И только зашипела, когда Джейми по ее приказанию плеснул самогонкой на рану. И сразу же на вторую.

Вторая, кстати, была противнее.

Чуть сухожилия не переполосовал, скотина. Что бы она тогда делала?

Не-эт... Этого гада она точно повесит!

Подумала – и сама себе ужаснулась.

«Ты же врач. Ты клятву Гиппократы давала...

Ага. И теперь обязана лечить скотину, которая бы меня прикончила? Щаз-з-з-з. Только шнурки завяжу!

Ты всех лечить обязана. А ты человека обрекаешь на смерть»...

Но особого внутреннего протеста в душе не было.

Ну обрекаю. На смерть. И что?! Не я его убить пыталась. А даже в Библии – поднявший меч от меча и погибнет. И закончим о гуманизме.

Джейми зашивал ей рану шелковой нитью, вымоченной в спирте. Лиля комкала подушку и стискивала зубы, чтобы не заорать. Эмма подавала всякие мелочи и проявляла сочувствие.

Наконец (лет так через пятьсот по Лилиным меркам) рана была зашита, щедро смазана медом и перебинтована. Остатками ее нижней юбки.

Так, все. Надо срочно озаботиться бинтами. Достали уже одежду портить!

Лиля поблагодарила Джейми и отпустила его. Эмма помогла ей одеться, сочувственно вздыхая.

– Ваше сиятельство, окаянство-то какое...

– Да уж...

Лиля вздохнула.

А не приди Мири, и ее могли бы придушить подушкой. По-тихому. И никто бы и ничего бы...

Не доросли тут до слова «экспертиза».

Да и вообще, первый ли это убийца в ее молодой жизни?

Интересно, а вот с лестницы, когда ждала ребенка, она сама упала?

Паранойя?

Товарищ, если у вас паранойя, это не значит, что за вами никто не следит. Одно другому совершенно не мешает.

Лиля благодарно кивнула Эмме и отправила ее к Мири. Пусть приглядит. Лишней там она не будет. А к себе позвала Тариса Брока. Благо, тот ждал за дверью.

– Ваше сиятельство! Да что ж это творится такое?!

– Покушение на убийство, – Лиля грустно улыбнулась, решив взять от ситуации по максимуму. – Видимо, кому-то я сильно не нравлюсь. Мало, что я упала с лестницы, что потеряла ребенка, что управляющий разворовал все что только мог, что супруг навещает меня раз в полгода. Кому-то надо меня еще и убить.

На глаза навернулись слезы. Вообще они далеко и не уходили после художественной штопки. Но Тарис растрогался и смотрел сочувственно.

- Ваше сиятельство, а ваш отец в курсе?

- Что вы, Тарис, разве я могла бы так его волновать?

- Он же ваш отец!

- Теперь перед Альдонаем и людьми ответственность за меня несет муж. Которому я безразлична.

- Ваше сиятельство, я буду вынужден рассказать вашему отцу о покушении!

Лиля пожала плечами.

- Полагаю, что это ничего не изменит. Но если вы пожелаете, рассказывайте.

- Обязательно расскажу! Отец вас любит, беспокоится, а вы тут в таком ужасе!

Лиля изобразила нечто вроде страдающей Магдалины. Или кто там из святых страдал? Не сильна она была в этом.

- Альдонай терпел и нам велел...

Еще минут десять беседа продолжалась в том же духе. Наконец Тарис заявил, что останется еще дня на три, пока не будет уверен, что с графиней все в порядке, и ушел.

Лиля коварно ухмыльнулась.

Все.

Ты уже мой.

Хотя сам еще этого не понял.

Здесь принято оберегать и защищать женщин. Пусть только аристократок. Но - принято. И ты будешь меня защищать. Ты уже считаешь, что это правильно и хорошо. И отцу все доложишь в нужном ключе. Плюс письмо. Я-то ему писать ничего не буду. Ты страшнее распишешь.

А теперь - в подземелье. Посмотрим, что там уже сделали с убийцем.

Лиля накинула теплый плащ. А волосы даже закалывать не стала. Взяла подсвечник, пару лучинок и вышла за дверь.

Там ее уже ждали. Олаф и Эльг. Лиля кивнула:

- Проводите меня?

Мужчины построились: один впереди, один - сзади.

Лиля не ходила в подземелье. Темница, пыточная.... Это ведь все было. Рядом с подвалами, где хранились запасы на зиму. Но ей не хотелось думать об этих местах. Как-то надеялась, что не пригодится.

А вот вирмане подумали.

Петли не скрипели. Горели факелы. А Ивар, Гэл, Лейс и убийца ждали их в допросной. Правильно. Ни к чему тут посторонние!

Лиля оценила тяжелый стол с кольцами, с желобками для стока крови, к которому был привязан убийца, и довольно кивнула:

- Сопrotивлялся?

- Денег обещал, если отпустим. - Лицо Ивара было откровенно насмешливым. Лиля тоже фыркнула.

- Денег обещал? Ну что, дружок, кто тебя послал? Колись!

Рядом рывкнул медвежьим басом иначе и не скажешь, Гэл, обещая убийце что-то веселое. Типа посадки на кол.

Рывк не произвел впечатления, и Лиля тут же успокоилась. Нечего орать, если не поможет.

– Что с ним делать?

Вообще-то она знала, что такое допрос в полевых условиях. Но самой... Не та специализация. И рука болит.

Вирмане глядели с сочувствием. Высказался Ивар:

– Ваше сиятельство, может, вы бы за дверью подождали? А мы уж тут?

Лиля покачала головой:

– Нет. Он хотел меня убить. Я должна знать.

Ивар глянул с уважением. И показал на большую скамью:

– Может, посидите там?

Лиля кивнула. Отошла к стенке и уселась. А Ивар склонился над пленным.

– Рот ему завяжите.

Приказание было тотчас же исполнено.

Ивар ласково глядел в выпученные глаза.

– Не страшно? Понимаешь, что мы сейчас с тобой сделаем, и пощады не просишь? Это хорошо. Я таких люблю.... Очень люблю. С тобой можно будет долго играть, прежде чем ты попросишь пощады. А то игрушки так быстро ломаются, это просто ужасно...

Голос его был искренне огорченным.

– Я с тобой буду играть. А ребята мне помогут. Ребята, у кого есть нож?

– Вы его не убьете? – поинтересовалась из угла Лиля.

– Зачем? Сначала мы что-нибудь попроще сделаем. Иголки под ногти, например. Потом ногти обдерем. А потом и шкурку драть начнем. Солью посыпая. Ради хорошего дела ведь не жалко.

– За солью сходить? – уточнил один из вирман.

Ивар пожал плечами:

– Погоди пока. Эмму среди ночи будить неохота. Мы пока по-простому.

Нащепать ножом лучинку на тоненькие острые щепки?

Пара секунд.

И вирманин цепко ухватил убийцу за руку:

– Ты со мной можешь даже не разговаривать. Я люблю людей резать.

И ловко вогнал первую щепку под ноготь.

Убийца взвыл даже через кляп и выгнулся на столе. Но кольца и веревки держали крепко.

А Ивар продолжал. Медленно, с чувством, комментируя каждое действие. Вгонял щепки, расшатывал, объяснял, что потом просто будет отдирать ногти и опять вгонять щепки уже в живое мясо. Лилю тошнило. Но она старалась не показывать виду.

Так прошло минут двадцать. И только потом вытащили кляп. Лиле это время показалось годами. Но она молчала. Не надо. Не лезь, девочка. Терпи.

Мерзко. Но необходимо. Здесь еще не придумали «сыворотку правды».

– Ты ведь не будешь говорить, кто тебя послал? Правда?

Убийца выдохнул пару ругательств. И вирмане опять взяли за кляп. Кажется, он хотел остановить процесс? Лилия не решалась ничего сказать. Она только наблюдала. Есть вещи, в которые лучше не вмешиваться. Присутствовать она обязана, как графиня Иртон. А вот пытаться самой – еще не хватало. Но... пальцев всего двадцать. Они обработали руки, сняли сапоги... Эта скотина ноги моет? Или только носки на водку меняет?

Когда закончились пальцы на ногах, убийца уже потерял всякое самообладание. Он дергался, мычал, скулил что-то сквозь кляп.... Лиле было мерзко до предела. Но простите, это ее жизнь. И жить еще охота.

А если она не узнает, кто ее заказал, где гарантия, что за одним убийцей не придет следующий?

– Пощадите!!! – завопил сломленный мерзавец, как только ему вынули кляп. – Я все скажу!!!

– Кто тебя нанял?

– Он не назвал себя.

Ивар взялся за кляп.

– Я знаю, зачем он это сделал!!!

– Вот как?

– У его телки шашни с графом Иртоном.

Лилия вскинула брови. То есть? Жена помирает в глуши, а супруг себе кого-то нашел? Очень, очень мило...

– А телку как зовут?

– Аделаида Вельс.

Главное Лилия узнала. Остальное было деталями. Женщина посмотрела на Ивара.

– Продолжайте расспросы. Я выйду. Здесь душно. Да и товарищ обгадился... Мне это не нравится.

– Как скажете, ваше сиятельство.

– И не убивайте без моего разрешения. Вдруг еще пригодится?

– Слушаюсь, госпожа графиня.

– Утром расскажете мне, что он еще скажет. Когда я вернусь с богослужения. И работайте.

– Проводи, – кивнул Ивар Олафу и наклонился над убийцей.

Последнее, что слышала Лилия:

– Если почую, что соврал, – шкуру драть не буду. Вместо этого сделаю лучинку поострее, засуну тебе в зад и подожгу. Только так запоешь...

Лилия едва прошла пять шагов. А потом упала на колени, и ее вырвало.

Не от ужаса, нет. Тут все наложилось. Страх за свою жизнь. Адреналин от схватки. Боль от раны. И пытка тоже.

Резать человека на операционном столе было не страшно. Тоже мне, трагедия. А вот наблюдать за пыткой, всем видом показывая, что тебе скучно и вообще лучше бы ты «Дурдом-2» смотрела... Это было гадко и мерзко.

И Лилю рвало.

Жестоко и мучительно, одной желчью.

Олаф поддержал ее за плечи, протянул что-то вроде тряпки. Лиля вытерла лицо и сплюнула.

– Вы его дожмете?

– Да. Не бойтесь, госпожа.

– Я не боюсь. – Лиля всхлипнула. – Не за себя. Там же Миранда была... А если бы эта мразь на нее руку подняла? Я взрослая, а она-то ребенок! Беззащитный!

Вирманин помрачнел.

– Мы будем вас защищать.

– Лучше научите нас с Мирандой защищаться самостоятельно.

Лиля кое-как доползла до комнаты и упала на кровать прямо в одежде.

Надо бы зайти к Мири, проверить, как она там, но сил не было ни на что. Даже плащ снять.

Тошно... Как же тошно... пытаться живого человека... а там, за линией горизонта, кто-то хочет тебя убить.... За что?

Просто так. Потому что ты – графиня и твой муж не держит штаны завязанными.

Просто так...

Лиля тихонько плакала.

Тихо-тихо, чтобы никто не слышал. Ей было очень плохо.

Болела рука. На душе было гадко.

Завтра она опять будет сильной. Она будет улыбаться, будет шутить и смеяться, она постарается найти подход к пастору Воплеру, но сейчас – сейчас она просто слабая женщина. Которой не на кого рассчитывать, не на кого опереться, которую предал муж.

Лиля и сама не знала, сколько в ней от Али, а сколько от Лилиан...

Ей просто было больно.

Глава 2

Свят-свят-свят...

Лиля так и не уснула. И даже не пыталась.

Болела рука, спина, колени... короче – все. А после истерики еще и горло.

Поэтому лицо в порядок она приводить даже не пыталась. Козе понятно – если его в три слоя штукатуркой не покрыть, ничего не скроешь. Ни красных глаз, ни отеков, ни... эх, не надо было плакать... А что она – не человек?

Не всегда же получается себя контролировать! Хватит и того, что никто не видел. А думать – что хотите, то и думайте. Мне на молитву надо.

Лиля напялила розовый балахон из тех, которые не продала и не перешила. Так лучше. С пастором надо искать общий язык. Так что вид должен быть традиционным. Это пока ей удавалось изворачиваться. Сначала разыграть истерику, а потом уехать. Вот пастор с ней и не пересекался. А ведь должен. Должен, потому как она самая крутая прихожанка в окрестностях. И денег с нее получить, и пример она должна подавать людям... Короче, никак им не разминуться. И это не поверенный мужа. Пастора травануть не выйдет. Да и удалось бы – следующий лучше не будет. Еще и пастор Лейдер... жиголо!

Других выражений у женщины не находилось. Но лучше уж это учесть. И не давать повода для приезда. А то, что священники между собой связаны, это и к гадалке не ходи.

Кстати, какое горе, какая беда – сильно заболел Ширви Линдт. Беднягу рвало, плющило и колбасило по полной. Всю ночь. Ему даже не до графини было – его наизнанку выворачивало. Он страдал.

Так что он на службу не поехал. Зато отправились все остальные.

Лиля окинула взором слуг вперемишку с учителями, поудобнее перехватила мелкую и уселась в карету. Храм был примерно в часе езды. Вот и считайте. Рассвет в шестом часу, выезжать надо в пять, даже раньше, а учитывая, что надо одеться и привести себя в порядок...

Мири посапывала в карете.

Эх, тяжело жить на свете белом...

Няньку Лиля брать не стала, мол, от нее потом воняет, и лук Кальма жрет без ограничений, так что няньке пришлось трястись на телеге, со слугами. Конечно, это ей не понравилось. Ну и пусть.

Переживем.

Слава Гиппократу, сегодня ночью все обошлось. Лиля приложила к лицу капустный лист, поплотнее завернулась в теплый плащ и подумала, что надо проверять всех приезжающих. Но как?

Ладно.

Лейсом сегодня же надо заняться. И так его додавить, чтобы он по струнке ходил. Для его типа людей такое страшнее динамита. В его отряде убийца. Он за него отвечал, поручился, и вдруг...

Но солдат надо бы проверить. И поселить вне дома. В деревне? Или на территории замка есть что-то типа казарм? Должно быть.

А ведь у нее в доме останутся учителя.

А к тем приставить вирман. И чтобы чихнуть втайне не могли.

Нет, так рано вставать она не согласна. Надо как-то поговорить с пастором. Пусть, что ли, службы в Ирhone проводит. Пару раз в неделю.

А почему нет?

А она оплатит ремонт церкви, ну и там что-нибудь еще хорошее. Главное, дать понять, что ее инициативы богоугодны. Потому как служанка Мальдонаи на церковь отстегивать не будет.

Ладно. Договоримся.

С собой Лиля везла подарок. Тот же самый. Перо и чернильницу. Хельке дал ей несколько штук про запас. Мало ли кому, мало ли что.

Пастору она выбрала не особо роскошный. Серебро, без украшений – нечего баловать.

В голове вертелись мысли о бумаге. Пергамент – невыгодно. Береста – несолидно. А вот если сделать бумагу... папирус. Из чего делали папирус?

Сорт камыша?

Вроде бы.

Ну тут вся округа в болотах и лесах. Послать, чтобы камыш нарезали? Почему нет. И попробовать поэкспериментировать. А там и на печатный станок можно замахнуться. Даже пусть на наборный. Все равно по местным меркам – это такое будет...

Ага, шашлык из тебя будет. Ты хоть головой думай.

Такие инициативы – и без согласования с церковью? Ай-ай-ай!

Или хотя бы с властями. Но власть-то тут она. А вот насколько? Толпа – животное. Управляемое инстинктами. Религиозность – как раз инстинкт.

С пастором надо искать общий язык.

Так, за размышлениями, Лиля и доехала до места. Надо было верхом ехать, ей-ей... Нет, ну как делались рессоры? Почему она не инженер?

Храм не впечатлил. Откровенная избушка. Только что в два этажа. А так...

Иконы внутри облезлые, свечи даже не употребляют, короче, принцип тот же, что и в России. Если храм находился на территории столицы или областного центра, священник откусывал неплохо. А если где-нибудь в деревеньке... Ну тогда посты соблюдать приходится. И лучше – все. Ибо на пожрать и то денег не хватает.

Нельзя сказать, что Лиля устыдилась. Или что у нее проснулась совесть. Еще чего!

Но как рычаг для давления она это отметила.

Пастор встретил ее на пороге.

Лиля механически совершала все положенные телодвижения, а разум холодно отмечал, что ряса старая, материя кое-где заштопана, да и щеки как-то у товарища не то чтобы сытенькие...

– Я рад видеть вас, ваше сиятельство.

– А я как рада, – соврала Лиля. – Может быть, вы уделите мне время после службы? Сейчас мне не хотелось бы отвлекать вас... Это надолго.

– Разумеется, госпожа графиня.

На том и сошлись.

Лиля послушно отдремала всю службу на скамейке. Да-да, хоть и не хотела, но глаза сами закрывались. Воздуха мало, он спертый, а нехватка кислорода так мозг отключает, что ой-ой-ой... Как это сочеталось с дикими сквозняками, шут его знает. Но одно только подчеркивало другое. Разогнать духоту у сквозняков шансов не было. А вот просквозить...

Лиля куталась в теплый плащ и мечтала об унтах.

И об анальгине с димедролом.

Мири посапывала рядом. Они обе заняли первую скамейку. Остальные толпились сзади, отсеченные бдительными вирманами. Ибо не по рылу крестьянам даже близко к ее сиятельству подходить.

Шут его знает, как бы сложилась беседа Лили и пастора. Но на помощь женщине пришла сама судьба. В виде дешевой местной лампочки. Плошка с жиром, в ней плавают фитиль – и горит. Правда, чадит и воняет, но это же мелочи!

Служба окончилась. Люди стали выходить из храма на воздух. И местный служка принялся тушить фитили. Графиня явно смущала его, он оглядывался, косился, спотыкался. И...

Из-под ног мальчишки метнулась мышь. Тот дернулся. Плошка и так висела выше его головы. Рука неловко взмахнула, и масло выплеснулось на стену.

Та вспыхнула, как олимпийский факел. словно ее неделю керосином поливали.

– Берегись!!! – завопил пастор, бросаясь к ребенку.

Насовершать глупостей не дали вирмане, которые оперативно выкинули из храма Лилю с Мирандой, а затем и пастора с ребенком.

– Там кто-то еще остался? – мрачно посмотрел Олаф на полыхающую церковь.

– Н-нет... – пастора била запоздалая дрожь.

Лиля вздохнула. Не остался – и ладушки. Сгорела – и дважды ладушки. В такую церковь и свинью-то не поселишь. Надо бы новую строить. А то народ не одобрит.

Интересно, сколько это будет стоить? Лиля посидела еще пару минут, глядя на огонь, который даже и не пытались тушить – только окатывали водой соседние дома. Чтобы они не занялись. А пастор смотрел на огонь совершенно мертвыми глазами.

Еще бы. Вряд ли здесь священники в такой громадной цене. Приходы заняты, а бродить по дорогам или искать новый... Грустно это звучит.

Одной рукой пастор прижимал к себе служку, и Лиля отметила их сходство. Отец и сын?

Ладно. Она еще узнает.

Лиля поднялась с земли, почти сама.

– Пастор, я понимаю ваше горе. Но и вы поймите меня...

– Да-да... – Опустил голову пастор. – Моя церковь сгорела, а графство бедно. Эдор говорил мне об этом каждый раз.

– Эдор воровал все, что движется. А что не движется – продавал и тоже воровал, – огрызнулась Лиля. – Графство бедно, но на храм у меня деньги найдутся.

В карих глазах пастора загорелись удивленные огоньки:

– Ваше сиятельство?

– Да, я. Пастор, где вы живете?

– У нас была комнатка над храмом.

– Нас?

– Я и мой сын.

Лиля едва успела подхватить челюсть. Сын?!

Хотя... А чего она удивляется?

Жениться здесь запрещено только с ранга альдона. А если до того – плодись и размножайся, сколько влезет.

– Пастор, это ваш единственный сын?

– Да, ваше сиятельство.

– Угу. А жена?

– Мария умерла от родильной горячки два года назад. Ребенок тоже не выжил... девочка...

Лиля положила мужчине руку на плечо.

– Пастор Воплер, вы же понимаете, что нам надо ехать в замок?

– Ваше сиятельство?

– У нас есть два варианта. Я могу написать мужу. Спросить разрешения. Потом, пока письмо дойдет, пока он ответит... Или я могу просто выделить деньги на постройку нового храма. Ну и нормального дома для вас. Вы присмотрите за строительством, а пока поживете в замке.

– Ваше сиятельство...

Вздых был определенно благодарным.

– Как зовут вашего сына, пастор?

– Марк.

– А Марк, пока вы будете заниматься постройкой нового храма и нового дома, будет учиться вместе с Мири.

– Ваше сиятельство?

Его что – заклинило?

– Ну да. Супруг прислал с девочкой аж трех учителей. Какая им разница – одного ребенка учить или двух?

– Э-э-э...

– Мири не будет возражать.

Лиля посмотрела на Миранду, которая громадными глазами уставилась на горящую церковь.

Конечно не будет. Особенно если мачеха поделится кое-чем из своей бурной молодости. Вы никогда не пробовали подсунуть учителю в стол штук пять медведек? Они так забавно визжат. Учителя в смысле. Медведка – насекомое молчаливое.

А подбросить на батарею смесь анальгина с перекисью водорода? Как, вы не знаете, что получится? А зря. Там получается очень красивый белый дым. Часто не попользуешься – рассекретят, но несколько четвертных контрольных они так отменили...

Лиля усилием воли отогнала воспоминания и улыбнулась пастору:

– Я полагаю, что у нас должен быть храм. Большой и красивый. Лес я выделю. Людей тоже. И пусть стараются. Вы приглядите за работниками. А службы... Я считаю, что в замке должна быть своя часовенка.

– Ваше сиятельство!

– Да-да. Вы подберете место, скажете слугам, и они постараются. А предметы культа закажем через моих знакомых в Альтвере. Вы не будете против?

- Что вы, госпожа графиня! Что вы!!!

- Тогда предлагаю не ждать, пока догорит, а грузиться в карету.

- Э-э-э...

- У вас есть что-то, что вы хотели бы взять с собой?

- Все, что у меня было, осталось там, – кивнул пастор на горящий храм.

- Ага. Тогда по приезде я познакомлю вас с моей домоправительницей. Эммой. Скажете, что вам нужно. И у меня живут несколько девушек-швей. Они вам сошьют облачение. Да и ребенку одежда не помешает, в том числе теплая. Зима на носу.

- Ваше сиятельство, как я смогу отблагодарить вас за вашу доброту?

Лиля могла бы с ходу припечатать – не лезь в мои дела, и будем квиты. Но...

Она уже поняла, что это за тип священника.

И поняла, почему у него могли не сложиться отношения с прежней Лилиан.

Редкий зверь, называется «священник верующий умный». Надо сказать, омерзительное существо, искренне любимое своими коллегами только в ранге мученика. А во всех остальных случаях...

Они не выжимают деньги из верующих.

Не привлекают в церковь паству.

Не говорят людям то, что они хотят услышать.

И – о ужас! – отказываются от пожертвований на церковь в пользу школ и детских домов, которым больше надо.

И за что такого любить? Нет бы, как все приличные люди, доить паству и ездить на джипе. А он! Старается помочь людям. Идиот!

Обычно таких засылают куда подальше. Что, видимо, и случилось с пастором Воплером. Изыди, противный, и не мешай братьям по вере интриговать и стричь капусту.

Такую глушь, как Иртон, еще поискать.

А вот найти такого священника – громадная удача. Они действительно целители душ. Но с Лилиан Иртон он явно не ужился бы. А вот с ней...

- Позаботьтесь о душах людей, которые живут на моей земле. Это будет главной наградой.

Карие глаза блеснули восторгом.

И Лиля внутренне расплылась в улыбке. Так его!

Ты у меня еще с рук кушать будешь.

- Пастор, в моем замке есть много книг, в которых рассказано о деяниях святых. Возможно, вы выберете себе что-нибудь в подарок?

- Ваше сиятельство!!!

Фанатик. Честный, верующий... Надо вот только выяснить, чего больше, ума или фанатизма. Если ума – они с ним сработаются. Если фанатизма – тоже. Но надо быть очень осторожной.

- Пойдемте, пастор. Здесь нам пока делать нечего.

В толпе крестьян Лиля заметила Арта Видраса. И взмахнула рукой, подзывая мужика.

Тот подбежал и согнулся в поклоне:

- Ваше сиятельство?
- Когда догорит – расчистить место. Будем строить новую церковь.
- Как прикажете, ваше сиятельство.
- Завтра пастор приедет посмотреть. А будете отлынивать, пришлю вирман с плетями.

Лиля почувствовала себя матерой феодалкой. Но нельзя иначе. И по-хорошему тоже нельзя.

Просто не поймут.

- Ваше сиятельство! – Арт рассыпался в уверениях, что все будет сделано, всенепременнейше, сразу же, как только, так и...

Лиля кивнула и в сопровождении вирман пошла к карете, ведя за ручку Мири. За ними с сыном шествовал пастор. Толпа послушно расступалась, и люди сгибались в поклонах.

Феодализм, чтоб его!

В замке Лиля поручила пастора с сыном заботам Эммы. А сама взялась за Мири:

- Малыш, ты как относишься к компании?
- Какой?
- Если будешь посещать уроки в компании Марка?
- Зачем?
- Как – зачем? Вдвоем же интереснее!

Взгляд Мири выражал сомнение. Лиля ухмыльнулась:

- Вот смотри. Если ты одна – учитель занимается только тобой. А если вас двое, то вам легче. Например, хорошие манеры, танцы... Вам будет с кем это отработать, разве нет?

Мири неуверенно кивнула. И Лиля усилила нажим:

- К тому же ты – будущая графиня. И ты обязана заботиться о тех, кто живет на твоей земле. А я вас буду еще учить драться. Вдвоем это интереснее, вот спорим, ты его победишь?

- Я?!

- А то кто же! Тебе надо с кем-то тренироваться. А побьешь его, и всех остальных тоже побьешь.

- Правда?

- Обещаю. Я тебя научу, как побить любого. Только видишь, я крупнее тебя. А отрабатывать удары надо с кем-то равным по весу.

Взгляд малявки выражал сомнение.

- Давай так. Мы попробуем. А не понравится, выгнать мальчика всегда успеем. Хорошо?

Мири кивнула.

Лиля довольно улыбнулась.

Пусть.

Во-первых, дети всегда лучше учатся в небольшой компании. Дух соперничества, если его правильно поддерживать, – это сила.

Во-вторых, она не врала насчет тренировок. Приемы надо отрабатывать на равном тебе сопернике. Мири девочка крупная, а мальчишка мелкий. Так что нормально.

И самое главное. Третье. Пусть Мири привыкает общаться с разными людьми. Будь она трижды графиня – не важно! Здесь люди делятся на господ и холопов, и это страшная инерция мышления. А если у Мири ее не будет, она сможет многого добиться.

Пусть учится относиться к людям по-человечески. И судить по их личным качествам, а не по происхождению. Да и вирмане скоро приедут. А Лиле хотелось бы, чтобы они остались. Лучший способ привязать к себе родителей – это дети. Пусть дети вирман учатся вместе с Мири, дерутся, играют. Когда-нибудь малышке понадобятся свои люди. И их не придется далеко искать.

Одним словом, ребенка Лиля убедила. А еще через час-полтора в дверь библиотеки, где она упорно записывала все, что помнит из фармакологии, постучался пастор.

– Ваше сиятельство?

– Да, пастор. Заходите.

Лиля быстро перевернула свиток, и теперь на нем красовалась история какой-то святой.

– Я пришел поблагодарить вас за прием.

– Эмма вас устроила?

– Да, ваше сиятельство. Хотя должен заметить – это необычно. Управляющий...

– Вы же знаете, пастор. Эдора загрызли волки. А замены ему до сих пор нет. Эмма же прекрасно справляется.

– Но она – женщина.

– И я тоже, пастор. Но, может быть, именно женщины, с их искренним желанием помочь всем страждущим и нуждающимся и нужны в этом мире? Альдонай создал мужчин и женщин так, что мужчины должны оберегать дом, воевать, защищать. А женщины обязаны сделать так, чтобы мужчина возвращался домой с радостью. Вот мы с Эммой и стараемся. Я понимаю, что это непривычно, но у нас просто нет выбора. Никто за нас ничего не сделает.

– Ваше сиятельство, а вирмане? Пираты, безбожники?

Лиля возвела глаза к небу:

– Да, пастор. Я знаю это. Но я полагала, что вы сможете привести их души к свету. Подумайте сами, если бы я их не наняла, они бы так и закоснели в грехе. А сейчас у вас есть шанс спасительно подействовать на их души.

Тоска вдруг грызнула с такой силой, что на глаза аж слезы навернулись. Пастор встревоженно вскинулся.

– Ваше сиятельство?

– Нет-нет.... Все в порядке... Ах, пастор, какое несчастье – этот пожар. Как хорошо, что вы у нас есть. Раньше я вас не ценила по достоинству, а вот когда случается несчастье, когда лишаешься ребенка...

Вместо ответа пастор осенил себя знаком Альдоная.

Лиля повторила за ним и принялась читать одну из молитв, которые хранились еще в памяти Лилиан. Молитва, кстати, так и называлась «Об облегчении страданий человеческих».

Пастор наблюдал за тем, как она молилась, и лицо его разглаживалось с каждым словом. Лиля заметила это и закрепила положительный эффект еще двумя молитвами.

Так держать.

Наконец пастор сотворил знак Альдоная, и Лиля поднялась с колен. Не молиться ведь на ногах! Хотя ушибленные во время драки с убийцей колени ныли нещадно. Ну да ладно. Перетерпим.

Во взгляде мужчины оставались еще сомнения. Ну да. Решительность, домоправительница, вирмане по дому бегают... И Лиля решила добавить:

– Прошу вас разделить мою скромную трапезу.

Судя по удивленной гримасе на лице пастора, он не ожидал от графини такой скромности. Овсянка, в которую она не положила ни меда, ни варенья, кусок сыра и стакан воды. Холодной, колодезной.

Есть не хотелось. Температура все-таки поднялась. Немного, но неприятно.

Самому пастору подали и мясо, и грибы, и яйца.

Несколько минут он смотрел на Лилю, а потом разродился:

– Дочь моя, вы проявляете похвальную умеренность.

Лиля опустила глазки еще раз. Может, проще и не поднимать? Точно, не споткнешься.

– Пастор, я не могу объедаться, когда на моих землях от голода умирают дети. Это страшно.

– Это...

– Это тоже после потери ребенка. Я должна вести благочестивый образ жизни, тогда меня простят за мои прежние грехи.

Глаза стали уже теплее. Так держать.

– Пастор, вы ведь не будете возражать, если Марк будет учиться вместе с Мири?

– Да, разумеется.

Еще бы ты возражал. Такая халява! Образование тут по цене брюликов.

– И в том числе учиться защищать себя.

– Ваше сиятельство?

Лиля сделала постное лицо. И рассказала про убийцу.

Пастор охал. Ахал. Ужасался. И под конец спросил:

– Ваше сиятельство, как же вы спаслись?!

– Божьим чудом, не иначе. Но ведь могли покушаться и на Мири. А девочка беззащитна. Мальчик тем более должен уметь защитить себя. Пусть занимаются вместе. Вирмане их поучат.

Сейчас это прокатило без возражений. Еще бы, на фоне таких новостей.

Лиля подумала, не закинуть ли удочку на тему своих целительских способностей, и... Мало ли, вернется муж, а она под крылышко церкви, но потом решила обождать.

Так она – графиня. Какая-никакая, но не быдло. А вот если она попадет под патронаж церкви...

Титулов там нет. Зато есть большие проблемы. На тему подчинения. И все, что она сделает, отойдет церкви. А в монастырь ей не хочется. Да и монастыри теми еще

гадючниками были в Средние века. Проверять, так это здесь или нет, Лиле определенно не хотелось.

Так что мы постоим в сторонке. Главное – напоминать, что все ее идеи – это откровения свыше.

Лиля хлопала глазками. Она вновь уверяла пастора, что детям должно быть интересно вместе и учителя будут только рады учить двоих. Что хорошо бы устроить молельню в Иртоне – тут уже лед окончательно растаял, и пастор разулыбался ей. Конечно, он должен приглядывать за постройкой нового храма, но Лиля заверила его, что до конца стройки они проживут в замке. А еще она выделит карету, чтобы уважаемый пастор ездил каждый день туда и обратно. Ей-то здесь все равно ездить некуда, к чему карета? Вовсе даже она не нужна.

Так что пастора умаслили по полной программе. К концу завтрака он, кажется, уже был готов признать Лилю любимой женой Альдоная.

А ведь вирмане тоже приедут с детьми. Тем, конечно, «изячные» манеры не потребуются. Но танцами лучше заниматься в компании. Естественные науки, история, литература – это все пойдет на пользу.

Миранде нужны товарищи по играм. А сословные различия...

Пусть научится оценивать людей по мозгам. А там, глядишь, будет у виконтессы Иртон своя дружина... Пусть учится.

Ей полезно.

Не успела Лиля разобраться с пастором, как наткнулась на Марту.

Нянюшка смотрела с ужасом:

– Лилюшка! Да как же это!!!

Лиля сдвинула брови, припоминая, что не так.

– Что, нянюшка? Что-то случилось?

– Ласточка моя! – Марта всплеснула руками, по морщинистому лицу текли слезы. – Убийца этот... Да что ж это делается-то?! А я и не слышала!

– И хорошо. А ты и так переволновалась. – Лиля ласково обняла старушку за плечи, не обращая внимания на тяжелый запах. Она всех заставляла мыться, но Марту было не переделать.

– Да как же мне не волноваться?!

– Нянюшка, так ведь все в порядке. Я жива, здорова, ну и слава Альдонаю...

– Лилюшка, разреши, я в твоей комнате спать буду?

Лиля чуть не завопила: «Нет!!!»

Вот только няньки в спальне ей не хватало! Мало Кальмы за стенкой. А дальше что? Повесить табличку «Детский сад»?

А как скрывать свои упражнения? И свою писанину?

Лиля вообще решила стереть с пергамента старое и накорябать свое.

Постепенно, по ночам, пока никто не видит. А потом – а что? Вот все, что я делаю, все написано. Шла я по базару, тут меня Альдонай под руку толкнул, и приобрела я кучку свитков со старинной мудростью.

А вам что-то непонятно?

Ну так вас Альдонай и не посещал. Хотите – попробуйте. Залетите, а потом – с лестницы. И в горячку. На какое-то время вас это точно займет.

Но такой свидетель, как Марта, ей точно без надобности. Только отказывать надо деликатно.

– Нянюшка, тебе ведь тяжело будет. Давай мы так сделаем? Я тебя прикажу переселить поближе ко мне, в господское крыло. И будешь ты рядом со мной, но не в одной комнате.

– Лилиюшка...

Лиля подняла руку, останавливая спор:

– Няня, там негде спать.

– Да я и на половичке у кровати прикорну...

– А потом будешь мучиться болями в спине. Няня, давай мы Джейми попросим, чтобы он тобой занялся?

С нянькой все было ясно. Сколиоз, простуда, искривление позвоночника... Массаж бы ей хороший... Может быть, она Джейми научит?

Надо подумать.

– Не доверяю я этому мальчишке.

– Няня, целитель он хороший. Разве ж я тебя дурному доверю?

– Молод он больно...

– А ты сходи, посоветуйся с ним. Не понравится, что он присоветует, так и делать не будем. А понравится – глядишь, и спине твоей полегчает. Да и ногам тоже.

Марта смотрела с благодарностью. А Лиля думала о грустном.

Марта знает ее очень давно. И наверняка видит происходящие в ней перемены. Это плохо. Она может что-то заподозрить.

Одно дело отмывать Иртона и избавляться от розовых платьев. Другое – развернуться во всю ширь, как она это сейчас делает. Но...

Марту любой ценой надо удерживать в союзниках. Пока она уверена, что Лиля – ее девочка и малышка, ей ничего не угрожает. Марта ее будет защищать от любого.

А вот если она уйдет. Или начнет распускать слухи...

Тут уж лучше сразу бритвой по горлу и в колодец. Марту, понятно, не себя. Ага, Лилиан Иртона в роли Доцента, спешите видеть. И вес у нее с Леоновым одинаковый. Полысеть осталось.

Но не хотелось бы. Все-таки старушка ее любит.

«Одно уточнение, – вмешался мерзкий внутренний голос. – Старушка любит не тебя. Она любит изначальную Лилиан Иртона. Дуру и истеричку. Она ее воспитала и во многом такой сделала. А вот тебя... тебя бабуся с удовольствием сдаст на костер».

Голос был абсолютно прав.

Лиля крепко обняла нянюшку, погладила по голове... И вдруг ей пришла в голову отличная мысль:

– Нянюшка, родненькая, ты не сделаешь для меня одну вещь?

– Какую, Лилиюшка?

Такие мы, женщины, за ласковый взгляд да слово доброе...

- Не поможешь мне с Мирандой? Из меня ты настоящую графиню сделала. А ею и заниматься некому. Ты ж ее няньку видела?

Судя по поджатым губам, Лиля попала в цель. Видела.

Может, даже уже и сцеплялись. А если нет – так сцепитесь, я помогу.

- Нянюшка, я хочу, чтобы ты воспитывала Мири, как меня. Это ведь твое воспитание, если бы не ты, я бы в жизни такой умной не стала.

- Лилюшка, да силы у меня уже не те.

- А ты можешь и ее няньке приказать. Главное проследи, чтобы она все в точности выполнила, – Лиля коварно улыбнулась. – Я распоряжусь, Кальма твои приказания как мои выполнять будет. Да и у пастора нашего сын...

- А с ним что, Лилюшка?

- Они тут поживут какое-то время. Пока мальчик не поправится. Ты, наверное, уже слышала?

Марта закивала.

- А под твоим руководством и он обтешется, хоть сопли подолом вытирать не будет.

Марта довольно закивала. Лиля улыбалась про себя. Так вас, гадов!

Теперь Марта будет воспитывать Кальму. Кальма – интриговать против Марты. И на Лилю с Мири у них сил и времени просто не останется. А если что, подсунем им пасторского сынка. Пусть издеваются. Авось до смерти не заласкают?

Лиля довольно улыбалась, расписывая Марте все прелести командования новой нянькой. И старшей-то она будет, и самой главной, и без нее никуда.

Кальме она все попозже скажет, как увидит.

Это классика воспитания.

Если в доме живет кот, он будет гадить в тапки, драть диваны и škодить. Как ни лупи. И лучший выход из положения – не выкидывать первого, а завести второго кота. Тогда они будут заняты друг другом. А вы понадобитесь только для того, чтобы кормить. Ну и чесать иногда. А так зверям интереснее будет друг с другом, а не с вами.

Иногда они будут пакостить. Но очень редко.

Вот это Лиля и провернула сейчас с Мартой и Кальмой.

Теперь вы есть друг у друга. А я буду заниматься делами.

Лиля пообещала нянюшке распорядиться насчет переезда и Кальмы и удрала. Якобы к пастору.

Да хоть куда бы!

Только отвяжись со своей заботой. Любить ты меня любишь, но ведь рассекретишь ни за медный грош. Я тебя тоже люблю. Но доверять тебе не смогу.

Мне больно и грустно, но я ведь не Лилиан Элизабетта.

Я другая.

Прости, няня...

Сплавив няньку, Лиля перевела дух и отправилась к Ширви. Предварительно накапав в кувшин с вином еще наперстянки и слабительного. Рвотное пока подождет, все ж таки ядовитое растение, а ей надо допечь мужика, а не угробить.

Ширви был бледен, печален и на графиню смотрел затравленным взглядом. Кстати, интересно, почему его устроили в господском крыле? Что, гостей мало? Здесь ее территория, в крайнем случае Миранды, Лейфа с Ингрид сюда можно пустить, хотя они откажутся. А учителей и всю эту присланную шушеру надо бы куда подальше... Но почему-то его поселили тут. Хотя Тариса – в гостевом крыле.

Почему? Надо узнать у Эммы.

– Как вы себя чувствуете?

Ширви принялся жаловаться слабым голосом. Сердце бьется, понос открылся, рвота опять же... Короче, мужик собирался помирать. Лиля вздыхала, поддакивала ему, сочувствовала и ощущала себя натуральным крокодилом. Сама травлю, сама сочувствую, сама лечу?

Ну в первом она не признается, а последнее можно исключить.

Лечить Ширви Лиля пока не собиралась. Наоборот – довести его до состояния нестояния, запугать так, что он без нее и Джейми чихнуть бояться будет, прочитать-таки письмо от супруга, а там и использовать товарища на свое благо, чем черт не шутит?

– Я думаю, вам надо лечиться, – взяла быка за рога женщина, когда ей надоело закатывать глазки. – У меня есть хороший травник. Джейми Мейтл. Он хоть и молод, но весьма опытен.

Ширви энтузиазма не проявил:

– А докторус Крейби?

– Я его выгнала из Иртона. Есть деревенская знахарка, но лучше Джейми не найти. Я его переманивала из Альтвера не просто так, он умница несмотря на свой возраст. Потомственный травник.

В таком состоянии Ширви был весьма неустойчив. Так что согласие Лиля имела уже минут через двадцать уговоров. Джейми зайдет сегодня вечером. Ширви должен лечиться. Обязательно. А хозяйство...

Да все будет в порядке! Обходились же как-то до сих пор?

– Неизвестно, что скажет господин граф, – вздыхал Ширви.

Но Лиле было чем крыть.

Разве он сможет обойтись без своего верного слуги? Лиля бы не смогла. Точно.

Ширви ведь такой умный, такой преданный господину, ему доверено и проверить, и отчитаться сразу по возвращении, граф ценит его доклад, несомненно.

На лесть Ширви повелся. И сообщил, что граф Иртон отправился с посольством. Зиму они проведут в Уэльстере. А потом, как станет возможно путешествовать, отправятся в Ивернею.

Так что доклад слегка подождет. Ширви отправит его в Уэльстер с нарочным. И дождетя распоряжений от графа.

Лиля довольно улыбнулась.

Что ж. Кажется, супруга раньше следующей осени не будет? Потому что пока туда, пока сюда, пока еще там...

Я буду так страдать без своего мужа! Подушки слезами залию. А слез не хватит – соленой воды добавлю. Каждый вечер по ведру проливать буду. Мне его так не хватает...

Кстати.

Лиля минуты две поборолась с собой, а потом не удержалась и поинтересовалась, знает

ли Ширви всех, кто входит в состав посольства?

Ширви знал. Не всех, но многих. Очень многих.

И постепенно выяснилось, что туда входит некая Аделаида Вельс. В числе «придворных дам ее высочества».

Кулачки сжались сами собой. Вот как?

Дражайший супруг таскает за собой свою шлюху, а родная жена – загибайся в глуши? Прислал писульку ей, указания управляющему – и свободен?

Скотина!

Гад такой!

Ну, граф, ну погоди!

Кстати, надо бы и этот мультик Мири рассказать. Только самые новаторские вещи из него выкинуть. Типа телефона. А вот организовать во дворе парк для детей...

Почему нет?

Качели. Карусель. Горка. Еще пара вещей, для которых почти ничего не требуется.

Качалка, там. Канат повесить. «Козла» поставить.

Сегодня должны были прийти крестьяне?

Вот и отлично.

Если в замке будут дети, им надо организовать детскую. Иначе – повесишься. Надо же их хоть куда-то спихивать. Хотя бы иногда.

Надо бы сказки записать и учить Мири читать.

Миранда должна быть первой во всем. В науках, в спорте.

– Лиля!!!

Ну вот. Вспомни о черте.

К женщине мчался черноволосый растрепанный вихрь. За ним, чуть отставая, катился такой же, но бедно одетый и с каштановыми волосами. Мири явно понравилась новая компания.

Крестьянки сидели и стояли во дворе. И смотрели на Лилю выжидающе.

Они уже поняли, что графиня не только требует, но и платит. И женщина принялась объяснять задачу:

– Значит так. Пока я была в отъезде, все опять засвинаячили. По углам паутина, под кроватями пыль, так что моеете все. Проверять буду не только я, но еще и виконтесса Иртон. Леди Миранда!

Повинуясь властному голосу, малявка выступила вперед. За ней шагнули Ивар с Гэлом.

– Если она скажет, что надо переделать, – переделываете. Я ясно выразилась?

Крестьянки закивали.

Лилия кивнула.

– Трое лучших получают отрезки ткани на платье.

Заинтересованности явно прибавилось. Ткань – дело дорогое, на дороге не валяется. А

мыть и скрести... Чай не из свинарника навоз выгребают. Замок – он как-то почище. Да и оттирали уже один раз.

Лиля лично расставила баб по комнатам и коридорам, поручила Миранде ходить, контролировать и проверять и подмигнула вирманам. Те согласно кивнули, мол, перегибов не допустим, и Лиля отправилась во двор строить мужиков.

Поделила их на три части. Одних отправила на расчистку рва под контролем вирман. По два человека придала травнику и кузнецу – те уже приглядели себе территорию, и требовались только рабочие руки, чтобы расчистить и привести ее в порядок. Вторая группа будет расчищать территорию, валить лес и строить новый храм. Еще десяток отправлялся к берегу моря строить коптильню и солеварню.

Лиля решила, что ремонт стены подождет. Авось не рухнет за недельку, а вот солеварня – это дело необходимое.

Привыкнув к тому, что соль поваренная не исчезала с прилавков и в самые голодные годы, ибо минерал галлит – вещь часто встречающаяся, Лиля вдруг столкнулась с тем, что в этом мире соль стоит бешеных денег.

Да таких, что ей чуть вакцина не потребовалась. Кстати, а есть ли тут оспа? И вакцина от нее?

Итак, надо поставить на берегу моря солеварню, выпаривать морскую соль и использовать по назначению. В Алином мире морскую соль употребляли в пищу. Еще и деньги драли за коробочку размером с наперсток – в пять раз больше, чем за пачку обычной соли. Если не в десять. Алину маму чуть кондратий не хватил, когда в магазине за коробочку соли – 200 граммов веса – с нее сто сорок рублей потребовали. В то время как обычная стоила шесть пятьдесят! За килограмм!

Выпарить соль из морской воды Лиля могла. Надо только дозы брать поменьше. А так еще и полезнее будет.

Скоро рыба пойдет на нерест, вирмане просветили. Так что надо плести сети и организовать рыболовную артель. Грустно, конечно, сидеть на рыбной диете. Но на голодной – еще грустнее.

Что Лиля и объяснила в доступных выражениях крестьянам. Мол, стройте то, что приказано. Соль выпаривать будем. И рыбу коптить, заготавливать.

Ничего, вирмане научат и как солить, и как коптить. Засолка сильно не распространялась из-за того, что соль дорогая. А коптильня – Эдор, скотина... – та, что в замке, вообще плесенью заросла! Проще эти развалины было снести и новые выстроить. Но Джейми Мейтл уговорил отдать ему – мол, он тут травы развесит, стол поставит, полки... Жить-то все равно в замке, а для работы – милое дело!

Лиля махнула рукой и не стала возражать.

Хочешь отдельную территорию?

Только учти, если идеального порядка не будет, сам потом все вылизывать будешь.

Джейми это не испугало. Мелочи какие!

Лиля подумала и решила строить коптильню поближе к источнику рыбы.

Заготавливать она ее собиралась в промышленных масштабах. И лучше делать это на месте. Привезли. Рассортировали. Разделали. Что засолили. Что закоптили. Что отправили в замок, что сырым в деревню...

Если все это делать в замке – вы представляете, как мерзко будет вонять вся округа? Рыба – это вам не роза. Одни потроха чего стоят! Да и доведи ее попробуй, чтобы не протухла.

Нет уж! Коптильня будет там, где удобнее. А потроха и в море можно. На прикормку.

Вирмане горячо одобрили и отрядили Гэла и Хейра приглядывать за процессом.

Лиля порадовалась и заодно отправила еще десяток – на ремонт и постройку лодок. Также под контролем вирман. Пусть все будет в одном месте. И пристань, и общественные лодки. Хочешь – бери. Но пятую часть улова – на кассу. И рыбзавод.

Кстати говоря, Лейф пойдет вдоль побережья, и ему надо будет подать сигнал. Так они уговорились.

Еще несколько человек отправились на подсобные работы в конюшни и на двор. А оставшихся Лиля повела за собой.

На заднем дворе было очень удобное место. Для чего оно – женщина откровенно не знала. Но детскую площадку собиралась устроить именно там.

Объяснила, что надо делать, на тему цепей, уголков и прочих радостей приказала обращаться к кузнецам – мол, они в курсе. Заставила все повторить пару раз, убедилась, что ее поняли, и принялась носиться.

Нет, а вы как думали?

Вы себе хотя бы представляете количество халявщиков на квадратный метр?

Люди работать не любят. В принципе. Особенно если не на себя, а на хозяина. Тут же возникает: судорога, мышцу потянул, перекурить сел, задумался, голубь на голову нагадил и еще куча всяких причин.

Нет уж.

Работа строится по четкому принципу. Строгий контроль с моей стороны и полное подчинение с вашей стороны. Третьего не дано.

Кому не нравится?

Сейчас вирман позову! Они конкретнее объяснят. Поленом по черепу.

Так что работаем, ребятки, работаем! Солнце еще высоко. И зарабатываем себе на жирного поросенка. Ибо лишней скотинка в хозяйстве не будет.

– Ваше сиятельство! Вас надо перевязать.

– Джейми, мне сейчас некогда.

Но куда там.

Лиля впервые подумала, что учить медицине надо и Мири, и Джейми.

Травник чуть ли не силком затащил ее в свою комнату, снял старую повязку и осмотрел раны. Лиля тоже посмотрела.

Поморщилась.

Полностью воспаление предотвратить не удалось. Да и шрам может остаться. Ну ладно.

– Джейми, ты мне завари сбор. Кора ивы, ромашка, земляника. И давай мы на ночь луковый компресс сделаем. Мед с луковым соком. Я за тобой вечером Эмму пришлю.

– Как прикажете, ваше сиятельство.

Лиля уловила иронию в голосе травника и подумала, что слишком он непрост для обычного полудеревенского паренька. Слишком умен. И врет много.

Есть у него странности, есть...

Ну и ладно.

Лишь бы не во вред, а дальше будет видно.

– Эмма, а почему Ширви в моем крыле? Я не отдавала такого приказа.

– А он доверенное лицо господина графа.

Лиля вскинула брови:

– И что?

– Госпожа, в прошлый раз господин граф распорядился не помещать Ширви вместе со слугами.

– Вот как... Супруг ему доверяет?

Эмма закивала. Лиля поощрила ее улыбкой. Мол, высказывайся, я даю свой одобрямс.

– Эмма, а в прошлый раз он приезжал еще при вашем супруге?

– В прошлый раз он приехал вместе с господином графом и Эдором. Вы тогда еще не...

– Не были женаты?

Эмма кивнула, понимая, что графиня не только не сердится, а наоборот, предлагает ей посплетничать.

– Ваше сиятельство, господин граф тогда назначил Эдора. Я собирала вещи, чтобы уходить из замка, – Эдор приказал мне убираться.

– А Ширви?

– Ему словно было все равно.

– Они с Эдором были хорошо знакомы?

– Они разговаривали как друзья.

Лиля кивнула. Эмма рассказывала о «случайно услышанных», читай: подслушанных разговорах между Эдором и Ширви, о господине графе, который мотался на охоту каждый день, о стерве-Таре, которой самая дорога в волчью пасть...

Картина вырисовывалась интересная.

Графу все по барабану.

Ширви и Эдор хорошо знакомы. Даже слишком хорошо. И судя по рассказам Эммы – Ширви был главнее.

И что мы имеем?

Эдор воровал. Для себя или делился? И вообще, ее супруг дурак или как?

Лиля напрягла память. Но ничего из нее не выплывало.

Ладно.

Есть два варианта.

Первый – Эдор решил наворовать побольше и смыться, пока не замели.

Второй – это долгосрочная программа. И его кто-то прикрывал сверху. Типа сын – бизнесмен, папа – прокурор. И спокойная жизнь гарантирована.

Могло так быть?

Спокойно.

Мог ли Ширви прикрывать Эдора?

Еще как мог.

То есть отпускать товарища нельзя. Надо поговорить с Джейми. А лучше самой поить Ширви калиной, наперстянкой и прочими радостями жизни. Белладонна тут растет? Белена?

Дурман?

Я тебе устрою... До смерти не отравлю. Но ты еще сильно об этом пожалеешь.

Женщина выразила Эмме горячую благодарность и намекнула, что надо бы в замке налаживать шпионскую сеть: «Милая Эмма, ты же понимаешь, чтобы хорошо принимать гостей, надо знать, кто чего хочет, кто за чем приехал, а то вдруг человек – охотник, а мы его в музыкальный зал, или ему велено пост держать, а мы его жирной и мясной пищей соблазняем... Все для блага гостей...»

Судя по лицу Эммы, она поняла. И сделает все как нужно.

И намекнула, что хорошо бы к Ширви приставить Мэри. Девушка поведения облегченного, за свое место держится, потому как шлюху терпеть никто не будет, это госпожа добрая. Если что – и прислужит господину, и расскажет все, что от него услышит.

Лиля дала разрешение и отправилась по замку этакой зондеркомандой с двумя вирманами за спиной.

М-да. Каша заваривается...

Какого черта я не читала Макиавелли? Советовала ж Эллка! Даже книгу подсовывала, но на носу был зачет по патанатомии. Зато сейчас бы разбиралась в поведении местных интриганов. А то ведь даже на психологии фармакологию читала.

Как же не хватает знаний и опыта!

– Ваше сиятельство, как вы себя чувствуете?

– Хорошо, Тарис.

– Как рана?

Рана болит просто зверски, но Лиля улыбается.

– Что вы, все в порядке! Альдонай заповедовал терпение...

– Ваше сиятельство, я буду вынужден поговорить с вашим отцом!

– Вы ничего этим не добьетесь, Тарис. Я не стану вам ничего запрещать, но я прошу вас прежде выполнить мое поручение.

– Съездить в Альтвер?

– Да.

– Я съезжу, ваше сиятельство. Но вашему отцу я расскажу всю правду.

Лиля пожала плечами. Мол, как пожелаете. Я вам ничего запретить не могу. Рассказывайте, воля ваша.

Лиля старалась успеть везде. Но все равно бы сбилась с ног. И сбивалась.

День остался в памяти отдельными картинками.

Вот Миранда залезает под шкаф и вытаскивает оттуда гору пыли. Грозно смотрит на женщин, и те принимаются оттирать полы. А мелочь лезет куда-то за камин. Ладно. Главное, что в замке пока не топят. Вирмане с одобрением смотрят на малявку.

Для нее это игра. Но она уже учится. Отдавать приказы, добиваться их выполнения, проверять работу. Это тоже важный навык. У Лили он был с армейских времен, но крохотный. Она-то не служила.

А ребенка надо воспитывать уже сейчас.

Вот Джейми строит своих крестьян. В пылу спора обе стороны чихать хотели на зашедшую в гости графиню. Один из них что-то вякает в ответ и нарываясь. Вирманин, сопровождающий Лилю, отвечает ему ладонью по шее. Вроде бы и не сильно, но спор затухает. Лили улыбается Джейми:

– Надеюсь, вы друг друга поняли?

Судя по выпученным глазам, и поняли, и приняли, только вирман уберите.

Вот она на детской площадке, где уже врыли несколько столбов. Для качелей, карусели, турника... Отлично! И нечего тут на небо поглядывать. Не спустится оттуда Альдонай. Не дождетесь.

И опять замок, двор, замок, двор...

Откуда-то возникает лицо Лейса:

– Ваше сиятельство, как я могу искупить свою вину?

Лили вскинула брови:

– Вину?

– Я проглядел подлеца.

– А, вы вчера были на допросе. Что он сказал?

– Тома наняли, чтобы убить вас. Он играл в карты, много задолжал, и ему предложили или отдать долг, или его пощекочут ножичком, или он может убить вас.

– Как мило...

– Он согласился на последнее. Он не убийца.

Лили кивнула. Спорить было сложно. От настоящего убийцы так легко не отобьешься. Но кто сказал, что такого не будет?

– Я понимаю, что он не убийца. Но прощать его не стану.

– Я и не прошу об этом, ваше сиятельство.

– Хотя повесить его я всегда успею. Пусть пока сидит в подземелье. Он видел заказчика?

– Их свел хозяин трактира «Ржавая крыса».

– А сколько ему заплатили?

– Долг простили. И пару золотых на дорогу дали.

– Ага. Опознать заказчика он сможет, если что?

– Может, и да, если увидит.

Лили кивнула:

– Тогда пусть пока живет. Ах, Лейс, как же вы его проглядели?

Лейс потупился. И Лили добавила:

- Как я теперь смогу вам доверять...

- Ваше сиятельство, да я...

- Надо написать об этом случае мужу. И пусть он решает, что делать.

- Ваше сиятельство, я оправдаю! Отслужу!

Отстрадаю. Отсижу.

Лиля едва не фыркнула. Страдалец на страдальце.

Но роль требовала.

- А если он не один?

- Ваше сиятельство!

Лейс смотрел с такой мукой в глазах, что Лиле даже стало стыдно за себя.

Совести у тебя нет, зараза. Доводишь мужика. Видишь же, что служака честный, что для него это как нож острый, и доводишь.

Бессовестная.

Но Лиля продолжала вздыхать, страдать и давить Лейсу на психику. Вспоминала через слово графа Иртона, ужасалась, ведь убийца мог и Миранду убить, намекала, что купить можно любого... В итоге Лейс почти вымолил у нее разрешение остаться в Иртоне и верой и правдой отслужить и искупить.

Лиля прекратила ломаться и с сомнением посмотрела на Лейса.

- Значит так. Отрядишь пятерых солдат для сопровождения уважаемого Брока до крепости Альтвер. Полагаю, он поедет дня через два. Проводят - и рысью назад. Если Тарис им даст поручение, не отказываться. А остальные будут следить за крестьянами. Мне нужно привести в порядок замок. Сам видишь - стены разваливаются, ров засыпан, обороноспособность никакая. Вот и приведите все в порядок.

- Как прикажете, ваше сиятельство. Только мы ведь не строители... И разбираемся в этом плохо.

- Так ведь и я не лучше. Но где взять строителей? Вы хоть знаете, что должно получиться. Сказала же - будете указывать крестьянам, что и как делать. Вирман я от этого освобожу. И выдели пару солдат - будут меня сопровождать. Мне надо на днях к морю съездить. Понял?

Лейс угрюмо кивнул. Он явно был недоволен. Но поди поспорь. Лиля вспомнила армию и применяла все, что увидела или слышала.

Кто виноват, того можно построить.

Ей нужны верные люди. А Лейс именно такой. Надо только аккуратно культивировать у него чувство вины и постепенно приручать мужика. Не доверять же только вирманам. Уедут на Вирму - и ищи-свищи. А этим уезжать некуда. Эти будут на нее долго работать.

Она справится.

Должна.

К вечеру Лиля чувствовала себя так, словно это она сама все разгребала.

Руку дергало, как воспаленный зуб. Лоб был горячим. Поэтому противовоспалительный настой она пила литрами. Эмма явно общалась с Джейми, потому что раз пять на дню ее находила служанка с горячим настоем трав. И Лиля была им благодарна. А то было бы хуже. Намного.

Миранда набегалась так, что заснула прямо за столом. Проснулась, когда Лиля укладывала ее в постель, и потребовала сказку.

Лилия тихо рассказывала ей про Элизу с дикими лебедями. Только мачеху переделала в сестру с сыночком. Мол, приехали, захотели братьев Элизы уничтожить, а ее саму замуж за парня выдать, а он толстый, некрасивый, и воняет от него, как от помойки.

Лучше уж так. Она все-таки Мири тоже мачеха, как ни крути. Вот и не будем рассказывать девочке ненужного. А то подсознание – штука страшная. Скажешь в детстве, а это в подростковом возрасте как попрет крапивой. Бывали прецеденты.

Так что Лилия дожидается, пока малышка заснет. Повествование льется гладко, но перевозбужденное дите почему-то не погружается в сон. Вот Элиза уже на острове, вот она плетет из крапивы...

Черт!

Вслух Лилия продолжала рассказывать сказку про принца на охоте, а в мозгу крутилось – вот же оно! То самое!

Крапива.

Если из нее можно сделать нитки и рубашки... Можно ли из нее сделать бумагу? Она же должна быть плотной, волокнистой. Вообще-то, пока от нее огород избавишь – навоюешься.

Лилия задумалась.

Ладно. Это в следующем году. Или попробовать хоть что-то запасти? Надо завтра отрядить деревенских детей и намекнуть, что это за вознаграждение. Столько припрут...

Это сейчас не знаешь, куда бежать, за что хвататься. А зимой, когда все заметет, когда работать толком нельзя... Там-то и найдется время для химических опытов.

Простите, лопухи – вещь хорошая, но иногда Лилия чувствовала, что душу готова продать за рулон нормальной туалетной бумаги, дезодорант, вкусно пахнущее мыло и отличную мочалку.

Вот, кстати. Люфа – это наше все. В следующем году надо бы поискать. А то скрестись куском ткани достало.

Миранда сопела в две дырочки. Лилия укрыла ее получше и вышла из комнаты.

Перевязка, настой на ночь. И все-таки наркомовские сто грамм. Самогонка – гадость. Но заснуть помогла. И Лилия отключилась. Сейчас ее могли бы и зарезать – не проснулась бы. Но у дверей обеих спален весь день дежурили вирмане. А перед сном еще и проверили каждый угол, включая камины.

Ночью Лилия обнаружила мелкую у себя под одеялом. Явно ребенок проснулся, решил, что тут будет лучше, и приполз. То ли греться, то ли...

Женщина вспомнила, как сама забиралась к маме в постель. Вдыхала родной уютный запах и понимала, что она дома. Ее любят. Вот и малявка ищет в ней близкого человека. Неосознанно, как умеет, но ищет.

Ну да ладно, не выставлять же ее теперь...

Лилия погладила здоровой рукой черноволосую макушку, поудобнее устроила под одеялом больную конечность и провалилась в сон. Утром разберемся.

Джерисон, граф Иртон, смотрел на кузена с тоской.

Братцы стояли на палубе. Понемногу отпивали из горлышка бутылки красное вино, любовались ночным морем.

- О чем думаешь?
- Какие они, Анна и Лидия?
- Сложный вопрос.
- Очень. А мне ведь с одной из них век жить.
- Ну посмотри, у кого сиськи больше...
- Джес, они нам одинаково выгодны. А выбирать за сиськи? Странный ты... Я же не для себя женюсь, а для государства.
- Если бы было так, отец бы тебе приказал.
- Как тебе?
- Мне он не приказывал. Понимаешь, мы же занимались торговлей. У Августа ненаследуемое дворянство. Уже во втором поколении. Верфи, корабли, люди, торговля опять же...
- Ну да. Лилиан почти нашего круга.
- Но ложиться с ней в постель откровенно противно.
- А с твоей Аделью?

По лицу Джеса расплылась мечтательная улыбка. Адель пока еще ему не уступила. Но – пока. И они были уже почти близки... Сорвалось из-за дуры-служанки!

- Вижу, дело на мази, – поддел его Рик.
- А ты хоть с кем-нибудь...
- Нет. Не хочу рисковать. Мало ли, что могут наговорить моим невестам.
- Так и будешь жить альдоном?
- Нет. Прибудем в порт, я там немного погуляю.
- Эй, ты гуляй осторожнее. А то не болячка, так еще чего...
- Составь мне компанию?

Джес кивнул:

- Составлю. Еще и каждую твою красотку сам проверю.

А что? Чего Адель не знает, то ей не повредит. Точно.

Рик рассмеялся, и разговор пошел о важном и нужном. То есть о бабах.

Джерисон и не подозревал, что служанке были даны четкие указания – больше чем на пятнадцать минут госпожу одну с графом не оставлять.

Адель подозревала, что устоять не сможет. Что уж там – молодая здоровая женщина, привыкшая к регулярным отношениям, и красивый молодой мужчина, настроенный весьма решительно. И как тут устоишь?

Пра-авильно, никак. Но поломаться надо подольше.

Побольше побеждает – повыше оценит. А у Адель были серьезные планы на графа.

Молодой, симпатичный, а жена... А что – жена? Сегодня ты жена, а завтра Альдонай призвал – и твоим мнением не поинтересовался. А кто будет утешать скорбящего вдовца?

Адель довольно кивнула.

Посмотрелась в маленькое зеркальце.

Полированная особым образом металлическая пластина стояла дорого. Раньше у нее было старенькое, с царапинками. Но Джес подарил новое. В дорогой оправе, удобное, красивое... Нет, упускать такого мужчину нельзя. Но надо вываживать.

Для себя Адель решила, что никаких отношений у них не будет. Пока они не окажутся на твердой земле.

А там... Посмотрим.

О любви с ее стороны речи не шло, еще не хватало. Но использовать Джеса по полной программе... Почему бы нет?

Хочу!

Интересно, что там у Алекса?

Кузен слов на ветер не бросал. Сказал, что уничтожит мерзавку, значит, так и будет.

Вот только что потом делать с самим Алексом? Адель искренне сомневалась, что Джерисон Иртон согласится делить любовницу с кем-то другим. А тем более жену.

А оставит ли кузен ее в покое?

Ой ли...

Если она будет богата и знатна, избавиться от Алекса ей не удастся. С другой стороны...

По лицу Адель зазмеилась ледяная улыбка.

Кто сказал, что надо избавляться? Они с кузеном – два сапога пара. Алекс ей нравится, он умный, красивый, а какие у него таланты в постели... О да! Стоит только вспомнить, и она уже готова кончить.

А Джерисон Иртон... В конце концов, ему нужен наследник.

Ей – тоже.

А потом...

Несчастные случаи на охоте и с королями случались, ей-ей.

Адель мечтала, лежа на неудобной корабельной койке. Ей хотелось денег. Власти. Кузена.

Кто сказал, что у нее всего этого не будет?

Она очень постарается.

Увы, иногда мы предполагаем, а Бог располагает.

Лиля, на следующий день планировавшая поездку к морю, проснулась с высокой температурой. И мрачно подумала, что это тело не рассчитано на сильные нагрузки. Дома она бы на рану внимания не обратила. Хлопнула пару таблеток и помчалась бы на работу. Были прецеденты.

А сейчас...

Все тело ломило, голова болела и кружилась, ее тошнило. Короче, состояние нестояния. Явный воспалительный процесс.

Лиля попыталась встать, но едва смогла поползти до ночного горшка.

Проснувшись Мири смотрела на нее с ужасом.

– Марту позови, – попросила Лиля.

Марта, спавшая в соседней комнате, примчалась через три минуты. Взяла и принялась хлопотать вокруг ребенка. То есть Лилиан Иртон.

Лиля потерпела минут десять. А потом взбунтовалась:

– Няня, позови мне Эмму. Срочно. И займись Мири. Малыш, вперед, умываться и одеваться. Если Марта скажет мне, что ты была умницей, обещаю тебе несколько сказок. Скажем, одну после обеда и две вечером.

– А две после обеда?

– И одну вечером? Можно и так.

Мири помотала головой:

– И две вечером!

– Я подумаю. А сейчас – вперед!

Малышка умчалась.

Марта только головой покачала:

– Лилиюшка, ты ж на ногах не стоишь, какие сказки?

– Нянюшка, Эмму мне позови.

На большее Лили просто не хватило. Тошно было до изумления. Нет, не с ее новым телом так активно носиться по замку. Да еще после ранения. Вечно ты, дура, себя перегружаешь, вспомнить только, как ты бегала с температурой 39,9 на занятия. Все зимние каникулы потом провалялась, хорошо хоть соседки по общежитию заглянуть не дали.

Эмма, увидев красную графиню с больными глазами и шатающуюся даже под собственным весом, ахать не стала. Вместо этого она позвала Джейми. И весь следующий час Лилию поили горькой настойкой, втирали в изрядно распухшую руку противную мазь и готовили вонючие примочки на лоб.

Женщина не сопротивлялась. Ладно. Сейчас она действительно не в форме. И может просто лежать. А вот на что бы употребить это время?

Первым делом она попросила перенести сюда все бумаги из кабинета. И махнула рукой на возмущенную Марту. Мол, как это так, да графине не подобает, да и вообще... Лучше бы Лилиюшка поела и уснула, оно для здоровья полезнее...

Попросила позвать няню Мири и с удовольствием заявила Кальме, что отныне та обязана слушаться Марту. Ибо старушка лучше знает, что делать с Мирандой. А не нравится – скатертью дорога! Вали к чертям! Не жалко!

Кальма даже не возмутилась. Видимо, поняла, что действительно нарвется. По полной программе. Нет, воевать она еще будет. И гадить тоже. Но это уже скорее Марте. На Лилию ее сил уже не хватит.

Тем более в своем кругу Кальма не сможет удержать язык и неловко выскажется о Лиле. А Марта бросится ее защищать. И будет весело и интересно.

Но это была так, разминка. Бухгалтерия ждала. И после часа изучения тетрадей и свитков Лилия готова была убить мерзавца Эдора.

Воскресить и опять убить. Нет, ну это ж надо!?

До двойной бухгалтерии тут не додумались. Поэтому в одну книгу заносилась прибыль, а во вторую – расходы. В том числе и покупки-продажи. А даты не ставили... Оставалось только материться. Может быть, опытный бухгалтер или бизнесмен могли бы во всем

этом разобраться. Но не девчонка-медик. Мало того, что тут математика была в зачаточном состоянии, так еще воришка постарался запутать любого проверяющего, если бы таковой нашелся.

Единственное, что пришло в голову Лиле, это провести полную инвентаризацию. Вплоть до ковриков для мышек. И тапочек для тараканов. Составить полную опись и уже по результатам завести новые приходно-расходные книги.

Надо бы поговорить с Эммой. Это как раз по ее части. И шпионскую сеть пусть налаживает. Надо. Информация – наше все.

А вот кому и сколько ее давать?

Лиля задумалась. В подземелье сидел убийца. И с ним надо было что-то делать.

Убить? То есть законно казнить. Покушался – а теперь прогуляйся на виселицу, дружок. Самое простое. А вот верное ли?

Как свидетель он ей очень пригодится. Надо бы пустить к нему Тариса Брока. Пусть послушает и подскажет, как ей быть. Убийцу послали по ее душе. Потому что у ее супруга шагни с какой-то шлюхой. Это может быть козырем?

Да! Ты там развлекаешься, а меня из-за тебя чуть тут не того-с...

И еще неизвестно, сама ли я с лестницы полетела. Лиля честно пыталась вспомнить хоть что-то. Но в памяти стояла только постоянная тошнота. И боль. Не сильная, но занудная.

Кажется, токсикоз. А черт его разберет! Особенно сейчас.

Лиля запустила пальцы в волосы.

Надо поговорить с Тарисом и с пастором. Какие у них тут законы? Стоит ли запротоколировать признание убийцы? Или лучше его предъявить живым? Можно и то, и другое.

Стоит ли пожаловаться отцу?

Хм... Тарис так и так ему все расскажет. (Если она не напишет, это будет странно.) И пусть признание убийцы отвезет. Надо писать еще одно письмо. Ну это она сделает. Только лучше вечером. А сейчас...

А что сейчас? Лежать. Отдыхать, думать, сопоставлять. А то с момента возвращения домой все куда-то торопишься, все что-то делаешь, и все бегом и кругом.

Давай смотреть конкретно.

Что тебе сейчас нужно? Первое. Крепить оборону замка. Сделано ли это?

Лиля подтянула к себе лист пергамента и принялась сосредоточенно грызть ручку, то есть сделанное Хельке красивое серебряное перо с чеканкой.

– Ваше сиятельство, к вам Лейс Антрел. Примете?

В дверь заглянул один из вирман. На ловца и зверь бежит? Лиля кивнула:

– Приму. Пустите.

И в дверь вошел запыхавшийся капитан:

– Ваше сиятельство. Как вы себя чувствуете?

– Отвратительно. Но жить буду. Вы мне хотели что-то сказать?

– Мне не хватает рабочих рук. Мы закончим ремонт стены в лучшем случае к зиме.

Лиля вздохнула:

– И что вы предлагаете?

- Ваше сиятельство, что вы приказали крестьянам устроить на месте площадки для тренировок?

Площадки для тренировок? Лиля вскинула брови:

- Это где?

Совместными усилиями выяснилось, что речь идет о детской площадке. И Лиля почувствовала себя душой.

Вот что сейчас сказать? Что дети важнее? Тогда ее точно уважать перестанут.

- Мне хотелось усовершенствовать площадку. Что именно они сделали?

По результатам Лиля узнала «коня», турник и чурбачки, вкопанные в землю на разных уровнях. Угу. Отлично.

- Это для укрепления мышц и равновесия.

Минут пять Лиля рассказывала, какие упражнения можно делать на построенных спортивных снарядах. Но Лейса это не впечатлило:

- Ваше сиятельство, воля ваша, это несерьезно.

- Почему?

- Потому что нам бы стену укрепить. И ров почистить. А это все до зимы подождет.

Лиля мученически вздохнула. И дала согласие перевести крестьян с одной работы на другую. Уточнила у Лейса, сколько ему времени надо. И кивнула:

- Не справитесь - спрошу по всей строгости. Лейс, а какой у вас чин?

- Я десятник в личной дружине господина.

- Лейс, вы видели, в каком состоянии дружина в замке?

- Видел. Ее нет.

- Да. Ваш отряд - единственная боеспособная часть. Поэтому я прошу вас принять пост капитана гвардии Иртона.

Лейс выпучил глаза и стал похож на окуня:

- Ваше сиятельство...

- Да, господин Антрел. Я - графиня Иртон. И пока моего супруга нет дома, могу распоряжаться хозяйством. Если он отправил сюда ваш отряд, доверил вам свою дочь и меня, значит он высоко ценит ваши способности.

- Ваше сиятельство...

- Я полагаю, господин граф одобрит мое решение. Сам он отправлен с посольством, вы ему до лета точно не понадобится, поэтому служите. Здесь.

Радости Лилино предложение явно не вызвало. И женщина добавила меда:

- Разумеется, капитан будет получать больше. Какое жалованье у вас сейчас?

- Три серебряных.

- Хорошо. Теперь - шесть.

- Ваше сиятельство...

- Шесть серебряных в месяц. И должность капитана гвардии Иртона. Здесь, конечно, захолюсь, но...

Судя по лицу, Лейс понимал, что предложение выгодное. Так и так здесь оставаться, почему бы не с выгодой для себя?

– Об этом надо написать господину графу.

– Разумеется. Как только Ширви поправится – и напишем, и отправим.

Судя по глазам, Лейс не поверил. Но поклон отвесил весьма почтительный:

– Как прикажете, ваше сиятельство.

Лиля с трудом дождалась, когда Лейс уйдет. Откинулась на подушки.

Итак, с обороной замка разобрались. Кажется, на Лейса тут можно положиться. Пусть работает.

Теперь домашнее хозяйство.

Повод еще раз обругать себя душой. Вот зачем она вчера носилась по всему замку? Отдохнула бы, глядишь, и не была сегодня в состоянии тряпки. Что, ей так необходимо самой за всем присматривать?

А Эмму она тогда для чего завела? Чтобы было?

Если слушать ее не будут – плетей!

Ее дело – маячить на заднем плане и проверять пыль батистовым платочком. А вовсе не пахать самой.

В оправдание можно сказать только то, что раньше она ничем таким не занималась. А принцип «хочешь сделать хорошо – сделай сам» ей вдалбливался с детства.

Не-эт. Ее дело не стоять над душой. А приказать Эмме нанять еще десяток слуг. И контролировать.

Далее. Наладить обмен «идеи – деньги» с Хельке. Еще? Просмотреть бумаги поместья. Этим она сейчас займется. Далее. Кузнец и стеклодув обустраивают рабочие места. Коптильня строится. Солеварня тоже. (Лиля попросила поставить их так, чтобы с моря видно не было. Мало ли что.) Надо подумать, как их защищать.

Ну и знания.

Хм... Лиля, а такой вопрос – крестьяне намного дурее тебя? При управляющем ворюге и хапуге они давно должны были местные ресурсы освоить. Вот рыбалка, охота – это графское. Тут им нельзя было. А то, что касается собирательства, они еще тебе сто очков вперед дадут.

Чуть позже сказать Лейсу – пусть отберет пару десятков крестьянских парней и начинает гонять. Курс молодого бойца – вещь полезная. За сколько в армии делают солдат из салаг? Порядка полугода? Надеюсь, это время у нас будет.

Самое важное и страшное – время.

Оно идет. И близится визит супруга, который ей ни за каким чертом не нужен. А в связи с этим хорошо бы знать свои права-обязанности. Она тут на уровне табуретки или все-таки что-то может?

Лиля с удвоенной энергией закопалась в бумаги. Ее усилия увенчались успехом. Она нашла свой брачный контракт.

Оказывается, здесь это уже было возможно. Замечательно!

Опуская все юридические термины Средних веков, Лиля старалась выцепить суть. И результат ей нравился.

Договор заключался между графом Иртоном (Джайс Иртон – папаша нынешнего? Кажется, да. Что-то такое теплится на дне сознания) и Августом Броклендом.

Лиля становилась графиней Иртон. И муж обязался почитать, уважать и любить ее. Взамен он получал нехилое приданое. Несколько кораблей, крупную сумму в золоте, долю в торговле.

Ребенок Лили становился законным графом Иртоном – только родился бы мальчик. Август обязался завещать ему свои верфи и прочее имущество. С правом управления за собой, а в случае своей смерти – за Джерисоном Иртоном.

Угумс. А ребенка-то нет. А если не будет, приданое останется за графом, а остальное отойдет, к кому Август скажет. Церкви, например. Или еще кому... А кому, правда?

Пока у Лили нет ребенка, где-то есть богатый наследник. А если ребенок появится...

Надо выяснить этот вопрос у Тариса. Или уточнить у отца. Только не в первом письме, конечно.

Отдельно оговаривалось хорошее обращение с женой. И Лиля прямо-таки прониклась родственными чувствами к отцу.

Жену нельзя было бить, обижать и издеваться.

Хм... Ну условие граф формально выполнил. Ее никто не бил. Не издевался. Просто пренебрегал. Но неземная любовь в контракте и не значилась. Живет она в родовом замке графа, а что замок в глуши, а управляющий вор – это уже детали. Лиля-то всем была обеспечена. То есть отец о ней позаботился.

Мало того, Лиле полагалась доля из верфей. Да, с правом управления за ее супругом, но в случае смерти отца ей выделяются пай и капает денежка. Случись что – голодной и холодной не останется. В монастырь всегда примут с таким приданым. Хотя туда Лиле хотелось меньше всего.

Одним словом, ты – мне, я – тебе. Хочешь верфи – позаботься о том, чтобы они достались ребенку моей крови. А племенная кобыла содержалась в достойных условиях.

Но кто же все-таки наследник, если Август умрет и умрет Лиля?

Из письма, которое осталось неизвестным широкой общественности:

«Господин, должен сообщить вам, что корова жива и вполне благополучна. О потере ребенка даже не вспоминает. Супруг ожидается не раньше лета. Зато сюда прислали ее падчерицу. Жду ваших приказаний».

– Твари поганые!!!

Дарий Авермаль грохнул по столу кружкой. Дрянной эль выплеснулся через край, и юноша невзначай промокнул его рукавом рубашки. Но даже не заметил такой мелочи.

– Безбожники! Мерзавцы!

– Это точно, – поддержал его Томми. – Мальдонаины выродки! Сосут кровь честных людей.

– Наживаются на нас, а мы все терпим и терпим.

– А они на золоте жрут, на золоте спят...

Разговор велся, как можно было догадаться, об эввирах. Дария они не устраивали по вполне понятной причине. Мерзавец-эввир общался с гадиной-графиней. И к тому же был возмутительно богат. А сам Дарий вынужден был даже на кабак просить деньги у отца. Который давал их с таким видом, словно одолжение делал. Вот ведь!

Неужели не ясно, что благородный молодой человек имеет право поразвлечься? А как это сделаешь без денег? Вино в кредит нигде не нальют... увы. Да и шлюх тоже без денег

не снимешь.

А как приятно прийти в кабак, кинуть на стол горсть золота и гулять всю ночь напролет. Восхитительное ощущение своей силы, власти, всемогущества...

Отец его просто не понимал.

Да что он вообще понимает, этот старый пень?! Бегаёт к этому гаду-эввиру что ни день. А когда Дарий пришел подзаныть у того деньжат, подонок скроил постную рожу. Мол, я бы с удовольствием. Но все отдал господину барону. Может быть, достопочтенный господин спросит у своего отца?

Ага, у него спросишь, как же!

Дарий вскипел, но только он настроился поучить вежливости мерзавца-эввира, как появилась охрана. Такие здоровущие лбы, что медведя в одиночку заламают. А негодяй Хельке, приторно улыбаясь, сообщил, что господин барон будет очень недоволен, если его наследник нанесет увечья бедному старику. Ведь Хельке в каком-то смысле работает на барона.

Ага, как же!

На эту Мальдонаину дочь он работает. Все знают.

И в то же время бабы просто пицат от восторга. У Томми подружка недавно попросила серьги с новой застежкой – чтобы не потерять. А гаденыш столько за них ломит! И в долг не верит. Мол, с него хозяева прибыль требуют, а не расписки. Поэтому платите, господа.

Отец Томми тоже не может понять нужд своего сына. Девушка и вильнула хвостом. Теперь вертится под купцом, который в два раза старше Томми и в три раза толще. Зато оплачивает ее услуги по полной программе.

Так что Томми тоже был обижен на эввиров.

А про Савла можно и не говорить. Отец парня хотел войти в долю с Хельке, так тот уперся. И не сдвинется. И из-за чего? Да пустяк! Савл как-то его племянничка плетью вытянул пару раз.

Вы же понимаете, что молодой человек спешил к девушке. И торопился. А этот щенок не успел вовремя выскочить из-под копыт. То есть он отскочил, но недостаточно проворно. Конь шарахнулся, напугался, едва не скинул седока. Хорош был бы Савл на свидании по уши в грязи!

Конечно, пришлось проучить негодяя-эввиреныша. Ну и что? Не сдох же! И даже калекой не остался. Кажется, пару дней провалялся в горячке, и все зажило как на собаке. А теперь Хельке из-за этого случая отказал отцу Савла. Впрямую не сказал, но все и так знают.

– Горел бы этот гад зеленым пламенем! – пьяно рявкнул Томми.

Парни поддержали. Но потом Савл замотал головой:

– Вы что, ребята! Нельзя...

– Нам нельзя? Благородным? – изумился Дарий.

Впрочем, добротой поротая задница тут же напомнила, что отец может и не одобрить. А если отец не одобрит, будет весьма грустно. Он уже обещал выгнать сына из дома.

И ведь выгонит.

– Ребята, надо это как-то обставить, чтобы не попасться, – прочитал его мысли Томми. – Чтобы все знали, но никто нас там не видел.

– И сам эввир?

- А что эввир? Ему, если что, можно и рот заткнуть, - ухмылка Савла сделалась хищной, - или прорезать. Ножичком. Поперек горла.

Никто не слушал болтовню трех пьяных аристократов. Никто не обратил на них внимания. А зря. Потому что три пьяных идиота твердо решили выжить ювелира-эввира из города. И для начала собирались поджечь его мастерскую.

Следующим, кто навестил Лилю, был Тарис Брок:

- Ваше сиятельство, какое омерзительное злодейство!

«Злодейство было раньше, сейчас речь о его последствиях», - фыркнула Лиля. Но про себя, исключительно про себя. Внешне же она была сама невинность. Глазки к небу, личико бледное... С беспомощной маргариткой изрядно диссонировала куча бумаг на одеяле. Но Тарис благородно притворился, что их не замечает.

- Как вы себя чувствуете?

- Не слишком хорошо. Голова болит. И все тело тоже, - честно призналась Лиля.

- Может быть, отвара? Или послать служанку на кухню, пусть принесет покушать?

Лиля пресекла все это движением кисти.

- Мне надо с вами поговорить о покушении.

- Ваше сиятельство, я намерен рассказать все вашему отцу. И даже не уговаривайте меня поступить против совести!

Лиля опустила глазки:

- Что вы! Никогда! Напротив...

- Что напротив, ваше сиятельство?

- Я напишу ему еще одно письмо. И если вас не затруднит его передать тоже...

- Разумеется, госпожа графиня. Я все передам.

- И я прошу вас... Сейчас я полагаюсь только на вашу честь.

Лиля изображала этакий беззащитный цветочек. И Тарис купился:

- Ваше сиятельство, я могу дать вам клятву сохранить все в тайне.

- Тарис, я не могу взять у вас слово. Я не знаю, стоит ли рассказывать об этом отцу.

- О чем, госпожа графиня?

- Мой муж изменил мне. И убийца был послан, чтобы расчистить дорогу его любовнице. Если меня не станет, господин граф женится на ней...

Судя по лицу Тариса, она все рассчитала идеально верно. Мягко говоря, такое не приветствовалось.

- Госпожа графиня, убийца сознался?

- Да. И я хотела бы, чтобы вы и пастор Воплер его выслушали. Если понадобится, записали его слова.

Тарис усердно закивал. Он был согласен. Но...

- Ваше сиятельство, ваш отец обязан узнать об этом.

- Тарис, это такой позор...

- Он не станет говорить об этом и разносить сплетни по свету. Вы же знаете. Но отец любит вас и позаботится, чтобы такого больше не было.

- Как? Как это можно вообще предотвратить? Я просто не вынесу этого кошмара!

Вообще рецепт был. Но женщина подозревала, что кастрировать графа ей не дадут.

Лиля играла откровенно не ахти. Но Тарис знал ее плохо. И Станиславский еще не родился. И если мужчина не поверил до конца, то вид сделал.

- Ваше сиятельство, я сегодня же этим займусь.

- Я прикажу вирманам...

- Вот кстати, вы им доверяете?

- У них нет любовницы, которая мечтает стать графиней Иртон.

Получилось коряво, но доходчиво.

- Ваше сиятельство, господин граф просто слепой, если мог променять вас на какую-то идиотку. Ему Альдоной послал такое счастье, а он....

Ага, и в таком количестве, что лошадь спотыкается, вздохнула про себя Лиля.

Тарис все еще говорил комплименты, а она уже размышляла. Наверное, пастор должен быть у себя?

- Я сейчас прикажу найти пастора и пригласить к нам.

- Ваше сиятельство, вы не только красивы, но и умны.

Тарис опять засыпал Лилю комплиментами. Женщина не особо слушала, думая о своем.

- Вы поможете мне разобраться?

Пришедший пастор застал Лилю и Тариса согнувшимися над каким-то документом.

- Ваше сиятельство. Вы желали меня видеть?

- Да, пастор. Надеюсь, я не оторвала вас ни от чего важного?

- Нет, ваше сиятельство. Я был в деревне. Мой храм прогорел, но пепелище еще слишком горячее, чтобы его расчищать. Пока я с вашего позволения воспользовался библиотекой.

- Да, разумеется. Вы нашли там что-то интересное?

- У вас очень много божественных свитков. Я бы даже переписал кое-что для себя.

- Моя библиотека в вашем распоряжении. Вы приготовили список того, что нужно заказать?

- Пока еще нет, ваше сиятельство.

- Как приготовите - отдайте уважаемому Тарису Броку. Он отвезет его в Альтвер, а оттуда пришлют что нужно.

- Как прикажете, ваше сиятельство.

- Разместили вас нормально?

- Да, ваше сиятельство. Ваша доброта не знает границ.

- Пастор, все мы в руках Альдоной. А он велит помогать людям.

Пастор сотворил знак Альдоной и принялся молиться. Лилия и Тарис поддержали его. А по окончании молитвы перешли к делу. Не соблаговолит ли любезный пастор поговорить

с убийцей и наставить его душу на путь истинный? А то и признание зафиксировать?

Ходят тут, покушаются всякие...

Конечно, пастор был согласен. А то ее сиятельство может и передумать на тему помощи неимущим. Нет? Не передумает?

Ну так помогать ближнему все равно надо. Особенно если на нем графский браслет.

Лиля рассказывала Миранде сказку на ночь и думала, что привязывается к этой девочке. Просто привязывается. Тяжело жить в мире, где нет никого родного и близкого. Очень тяжело.

Только вот, могут ли сойтись человек двадцать первого века и человек из Средних веков?

Лиля не знала.

Не сделает ли она из девочки белую ворону?

И что будет тогда делать Мири?

Лиля вздохнула.

Делай, что должно, и будь что будет.

Проснулась Лиля от того, что в носу нестерпимо чесалось.

Еще бы! Мири, проснувшись раньше, щекотала мачеху перышком, выдернутым из подушки. Лиля не осталась в долгу и принялась щекотать мелкую. Так что утро началось с визга и смеха. Рука пока еще ныла, но уже намного меньше. Да и воспалительный процесс не сильно доставал. Температура спала.

На шум прибежала нянька и тут же получила подушкой. А Лиля подумала, что надо бы сделать малышке прашу. И рогатку.

А есть ли тут трусы с резинкой? Она-то ею пользовалась при изготовлении важного оружия. С другой стороны, луки тут делают. Возьмем тетиву, отрежем кусок – и нормально! Она же тоже должна тянуться. Хоть немного? Если этот номер не пройдет – прашу малышке сделаем. С прицелом на будущее.

Лиля выпроводила малявку и откинулась на подушки. Сегодня она еще отдыхает. Никуда не денешься, тело не казенное.

Бо-ольно...

Верная своей программе, Лиля с утра вызвала Лейса и выслушала отчет о ремонте стены и расчистке рва. Лейс не жаловался. Хотя рабочих рук хотелось бы побольше.

Лиля обрадовала мужчину, что ему надо проехать по деревням и набрать себе еще десятка два парней. Как раз за зиму их можно обучить военному делу. Зачем? Ну так уважаемый Лейс понимает, что граф не может постоянно обходиться без такого воина. А Иртон кто-то защищать должен, когда его отряд отсюда уедет. Почему не эта дружина?

Антрел согласился и отправился по своим делам.

Была еще и другая причина. Но о ней Лиля молчала.

Вирмане.

До конца она Лейфу не доверяла. Как ни крути, как ни верти...

И как противовес ему станут солдаты Лейса и новобранцы.

Может, у него и не будет мысли вырезать кого можно, а остальных продать в рабство. Но... Доверяй, но проверяй. И контролируй. И вообще – противовес умные люди

изобрели.

Потом Лилию посетила Эмма, отпрапортовала, что дом моется, и была осчастливлена предложением нанять еще десяток слуг. Эмма кивнула и заметила, что она уже присмотрела нескольких человек на кухню и в комнаты. И если госпожа графиня ей доверяет...

Госпожа полностью доверяла.

Потом к графине попытался прорваться Дамис Рейс, но вирмане не пустили. И правильно. Нечего тут шлаться. Ладно, если бы по делу. А то осведомиться о самочувствии. Лилиа попросила служанку послать учителя к Эмме. И занялась бумагами поместья.

Приход и расход капитально не сходились. И где граф набрал столько ворья на должности управляющих? Лиле казалось, что последние лет десять (а может, и поболее) порядочных людей на этом посту не бывало. Иртон жил практически на самообеспечении. Крестьяне отдавали почти половину всего, что наработали, графу плюс еще пахали на графских полях. Избытки продавались за бесценок на ярмарке. Но везти туда сельхозпродукцию просто не было смысла. Перевозка была дорога и не оправдалась бы, даже если урожай продать в пять раз дороже нормы.

Но почему граф так запустил свой дом?

В принципе Иртон же не помойка. Родовое поместье.

Лилиа плохо себе представляла, как жили в Средние века, но подозревала, что о своем доме заботились все.

А тут – такое. Странно.

Лилиа чуть поломала голову, перекусила и принялась писать письмо отцу. Чтобы к моменту, когда заглянет Тарис Брок, все было готово. Вручить ему, и пусть отчаливает.

Лилиа раза четыре соскоблила написанное и вконец озверела, пока получился более-менее приемлемый вариант:

«Любезный отец.

С прискорбием должна сообщить вам, что, пока я выполняла свой долг по вынашиванию наследника, супруг мой завел недостойную связь с некоей Аделаидой Вельс.

Эта негодяйка, презрев все законы божеские и человеческие, подослала ко мне убийцу, от руки которого едва не погибли как я, так и дочь супруга моего, юная виконтесса Миранда Кэтрин Иртон. В результате покушения я была ранена. К счастью, в этот раз мне повезло.

Но подозреваю, что падение с лестницы, из-за которого я потеряла ребенка, также произошло не случайно. К сожалению, как ни пытаюсь, я не могу вспомнить тот миг – память словно закрыта от меня пеленой боли. Присланный же супругом моим доктор пытался пустить мне кровь, что повлекло за собой усиление родовой горячки, и если бы не заботы верной моей Марты, я не пережила бы потери.

Вынуждена сообщить также, что управляющий, коего супруг мой назначил в Иртон, нагло обворовывал поместье, а будучи уличен в этом, попытался бежать и был загрызен волками.

Прошу вас, отец, выразить мою искреннюю благодарность господину Броку, который оказывал мне всяческую поддержку и помощь. Он передаст вам также и признание убийцы. Что делать с этими бумагами – воля ваша.

Надеюсь, что ваше здоровье благополучно и у вас все хорошо. И прошу отписать мне, дабы я не волновалась. Я буду молиться, чтобы миновали нас зависть человеческая и жадность, кои толкают людей на самые страшные непрощаемые грехи.

Лиля пробежала письмо глазами, довольно ухмыльнулась, запечатала его обнаруженной у Эдора печаткой и довольно кивнула. Поставила на конверте цифру «2». Вот так. А на том поставим цифру «1». И пусть Тарис отдаст оба. С комментариями. И признанием убийцы, записанным пастором.

И в дорожку, в дорожку. Нечего тут расслаиваться!

Лиля закончила писать письмо.

Вот так.

В обед забежала Мири.

Девочка носилась по замку, как понимала Лиля, прячась от учителей. И заодно играла в прятки и салочки со своим новым другом. И пускай няньки что-то запрещают. Запретное интереснее вдвойне!

Обедали вместе. Лиля – куриным бульоном и кусочком сыра. Мири лопала тушеное мясо с пряностями. Заедала сыром, а под конец упледала засахаренные фрукты. И слушала Лилю, которая рассказывала ей сказку. С прицелом на будущее.

Ту самую. Волкова. «Волшебник Изумрудного города».

И приводила в пример девочку Элли, ее верного друга Тима, пса Тотошку... Почему нет? Пусть ребенок заведет себе домашнее животное. И воспитывает.

Пусть дружит с сыном пастора.

Пусть играет с детьми вирман.

Глядишь, на человека похожа будет. А не на средневековую феодалку. Результат – он в зеркале виден был. И Лилю не радовал. Во всяком случае, пока.

А, ладно.

Будем живы – все поправим.

Лонс давно потерял счет и дням и ночам, бултыхаясь в трюме вонючего корабля. Отсутствие света, скудная еда, цепи... Теперь никто не узнал бы в нем щеголеватого учителя юных принцесс. От плохой пищи расстроился желудок, но в трюме и так воняло, что хоть топор вешай. Шатались зубы. Кружилась голова. Большую часть времени Лонс проводил в каком-то полубреду. Кажется, иногда рядом с ним кто-то умирал. Тогда приходили работоторговцы, ругались и вытаскивали мертвых.

А Лонс думал только об одном.

Анеля, Анеля, Анелюшка...

Солнышко, свет, радость... Что они с тобой сделали?

Если мерзавец-шут рассказал все твоему отцу... или нет? Лонс не знал. Но искренне переживал за жену.

Что будет с ним?

Что будет с ней?

Все в руках Альдоны...

А еще иногда ему виделся в полубреду королевский шут. И Лонс представлял, как смыкает руки на тощем горле мерзавца! Убить!

Не просто убить.

Медленно и мучительно.

Ничего... Это у мертвых все закончено. А пока он жив, у него будет возможность вырваться и отомстить. Он подождет, он терпеливый.

Лонс силой заставлял себя есть протухшую похлебку, пить воду, от которой несло тинной, и мечтал о мести.

Два демона поддерживали его, не давая умереть. Хотя одного из них он искренне считал ангелом.

Анелия Уэльстерская была очень занята. Она втирала в кожу благовонные масла, примеряла новые платья и белье, ругалась с камеристками, фрейлинами, мастерицами, портнихами, обувщиками, ювелирами... Не ругалась она, только когда на горизонте появлялся королевский шут. Его женщина боялась до безумия.

Она честно применяла снадобье старой ведьмы. Но отлично понимала – пойдя что-то не так, и она обречена. Отец первый выдаст ее с головой, как опозорившую честь семьи.

Ах, почему она не подождала?! Почему связалась с Лонсом?

Хотя ответ был очевиден. Ей хотелось жить. А Лонс был рядом. Молодой, красивый, яркий... Им так легко было увлечься. Что удивительного, что она увлеклась?

И наедине с собой Анелия даже признавала, что Лонс ей безумно нравился. Ей было хорошо с ним.

Но корона!

Власть, деньги, целое государство.

Шут... пронзительные глаза которого преследовали ее даже во сне.

Анелия знала – у нее нет выбора. Или Ричард, или смерть. И готовилась сражаться за себя. Ей все время казалось, что она может быть лучше, изящнее, красивее... От двора были удалены все миловидные дамы. А те, которые остались, не привлекли бы и самого невзыскательного кавалера. На их фоне Анелия смотрелась настоящей мечтой.

Ей очень хотелось жить.

Граф Альтрес Лорт только ухмылялся, глядя на развернутую вокруг приезда посольства суету. Он как раз не слишком надеялся на Анелию. Будь женщина умна, она вела бы себя по-другому. Но дура она и есть дура. Да, по-бабски она еще ничего. Но дальше чем на два шага вперед не видит. Не может. А Ричард далеко не дурак.

Поэтому граф готовился провернуть и свою комбинацию. И заранее готовил людей, места, обстоятельства. Из Уэльстера Ричард должен уехать в Ивернею. Поступить иначе – это скандал и позор. Но уедет он, будучи крепко связан обязательствами с Анелией. А потом визит невесты ко двору ее жениха – и свадьба. И никак иначе.

Надо готовиться уже сейчас.

Да, Ричард умен. Но и у него есть уязвимые места. Он доверяет своему кузену, и он любит женщин. Да, не бабник. Но попасть под чары Анелии может. А дальше уже начинается работа скромного и незаметного начальника тайной службы.

Лошадь понесла на охоте.

Или слишком много вина выпил.

Или...

Мало ли можно организовать случаев, в которых Ричард и Анелия останутся одни на

несколько часов. Если Анелия не дура – она своего не упустит. А если Ричард не захочет войны – он женится. И у них будет мирный договор с Ативерной. А Ивернею они вместе завоюют.

Эх, если бы Гард прожил еще лет двадцать! Но столько он не проживет.

Альтрес искренне любил брата. Но не закрывал глаза на слова докторусов. Язва на ноге, от которой ничего не помогало. Боли в желудке. Головные боли. Три – пять лет.

Так мало, так невероятно мало...

Милия суетилась вокруг мужа, и Альтрес ценил ее усилия. Но она не сможет править. Не сможет даже быть регентом. А это – регентский совет. И гадючник вокруг трона.

Так нельзя. Этого он допустить не может.

А если он будет один, при Милии, его сомнут. Другое дело, если он договорится с Эдоардом. И даже поддержит назначенного Ричардом регента. При Ативерне за спиной он многое сможет. Тут его убирать поостерегутся, полагая, что лучше свой, чем чужой.

Ах братец, братец...

Ты ведь и сам в глубине души все понимаешь. Пусть даже мы с тобой об этом никогда не разговаривали. Но ты все знаешь.

Готовиться к смерти брата и сюзерена цинично?

Плевать! Важно другое. Сохранить его жену и детей. И королевство.

Ради этого Альтрес был готов на многое.

После просмотра трех бухгалтерских тетрадей Лиля просто бросила это гиблое дело.

Ясно же – вранье. Причем клиническое. Для графа, проверяющих, королевских чиновников. Простите, не бывает такого.

Зерно. Продали на ярмарке по две серебрушки за мешок. Выручили пять золотых. На эти деньги закуплены две кольчуги для дружины. Вроде бы сколько получили, столько и потратили. А на самом деле...

Какие кольчуги, если дружина разбежалась? То есть разогналась?

Если Эдор не идиот, он должен вести минимум три бухгалтерские книги. Для графа, для сообщников и для себя, любимого. Не просто так ведь воровал. С кем-то делился, кому-то отстегивал... Да и масштабы. Лилля помнила, сколько с него стрясла. Гигантская сумма.

Эти книги должны быть где-то спрятаны. Наверняка.

Почему она так думает?

А слишком неожиданно все свалилось на бедного воришку. С утра графиня была не в духе, поехала в деревню, вернулась с подкреплением и начала разгон. Да и из замка его выгнали с одним мешком. Много ты туда свитков запихнешь? А ведь надо еще и поесть с собой, и смену одежды, и денежку на дорогу. Не стоит забывать, что местные тетради – это не школьные в клеточку. Это такие мамонты, что в мешок положишь, и все. Места не останется.

А если графиня в озверении и обзывает вором – где гарантия, что тебя не обыщут на выходе? Реальный вариант. Не говоря уж о том, что ты обратишься к поделщику – и тащить к тому кучу компромата и признание на самого себя...

«– Это что?

– Это бухгалтерия для вас.

- А это?

- А это - для меня...»

Угу, шикарно звучит.

Можно, конечно, выкинуть это дело со стены замка, а потом подобрать.

Можно. Если не забыть о том, что ров долго не чистили. Выкинуть можно, найти будет сложно. Да и зачем? Проще оставить все где-то в замке. Припрятать, а потом попросить кого-нибудь вынести. По дружбе или за монетку. Почему нет? Но где?

Вообще, обыскивать эту кучу камней можно долго и упорно. При отмывании всего и вся тайников не нашли. Но это и понятно. А вот...

Лиля срочно вызвала к себе Эмму. А затем Мэри, Илону и Сару. И принялась расспрашивать их вдвоем с Эммой. Увы.

Где должен быть тайник?

Допрошенные с пристрастием девушки подтвердили, что большую часть времени Эдор проводил или в кабинете, или на кухне. Но на кухню Лиля много бы не поставила. Да, Тара и Эдор были супругами. И она была кухаркой. Но уж больно место неудобное. Кто-то постоянно толчется, входит, заходит... нелогично.

А вот кабинет или пара комнат рядом с кабинетом...

Лиля выставила служанок и принялась расспрашивать Эмму. Та задумалась и сообщила, что пара ниш в кабинете ей известна. Все-таки ее муж был управляющим. И если госпожа графиня доверит...

Лиля доверила. Правда, вызвала одного из вирман - Олафа - и попросила его помочь Эмме открывать и перетаскивать. А сама продолжила.

В сундуках не было ничего интересного. Договор на покупку, договор на продажу, один, второй, третий, двадцать третий... По закону подлости, интересное нашлось на дне последнего сундука. Связка старых пергаментов. Писем.

Лиля вздохнула - и начала читать их, с самого верхнего.

«Любезная матушка.

У нас все благополучно. Алисия сейчас пребывает при дворе. Джерисон и Аманда растут, они бодры и веселы. Джесси просит вас кланяться и спрашивает, не перестали ли вы гневаться. Она ведь не вольна в своем сердце. У них с Эдоардом также все замечательно. Они искренне любят друг друга. Я также прошу вас смирить свое негодование. Если на то была воля Альдоная, что они встретились и полюбили друг друга, не нам роптать. Даже отец простил их и благословил перед смертью. Как дела в Иртоне? Не нуждаетесь ли вы в чем-либо? Если так - отпишите мне, я тотчас же пришлю. Налоги мной уплачены и все благополучно.

Лиля почесала кончик носа.

Джерисон. Супруг. Джайс - его отец. И пишет он своей матери. Которая, судя по всему, жила в Иртоне. И сильно не одобряла некую Джесси. Причем это была не жена и не любовница сына, если с Эдоардом...

Эдоард?

Это, часом, не Восьмой? Который еще тут немножко правит?

Вообще, может быть и так. Эх, у кого бы сплетен поднабраться? Лиля подумала и приказала позвать девочек-швей.

Ровно через полчаса она уже знала всю подноготную письма. Ну не всю. Но про короля - точно.

Женился. Влюбился. Пикантность в том, что это были две разные женщины. И любимую, как легко догадаться, звали Джессимин Иртон. То есть сокращаем до Джесси.

А матушка, видимо, сильно эту любовь не одобряла. И почему бы это? Неужели сейчас не почетно быть фавориткой принца?

Или это касается только короля?

Лиля смутно помнила из «Анжелики и короля», что это было большой честью. И народ пресмыкался перед очередной королевской любовью. Ага... мечта поэта. Людовик Четырнадцатый, любитель... Выстроил Версаль, привел в порядок страну, прикрутил халаву феодалам, развлекался тем, что прилюдно громко портил воздух... Кто-то еще исторический анекдот про него рассказывал...

Или здесь не почетно? Может быть.

Тогда ясно, что маман была немного недовольна решением дочки лечь под принца. А может быть еще и так. Женщина – товар для заключения союзов. Типа подписал договор? Женись! И неизвестная ей Джесси могла быть кому-то обещана.

А у нее любоф-ф-ф! И все союзы побоку.

Или маман на всю голову ушиблена местной Библией, то есть Книгой Света, где ативернским по белому отписано, что блуд без брака есть происки Мальдонаи. Могло быть и так.

В своем мире Лиля знала девчонку из семьи баптистов. Та жила на стипендию и подработки. Папаша, видите ли, когда дочка поступила в медицинский, взбеленился и выгнал. Ибо нечего на голых мужиков смотреть! Даже на мужа. Ляг на спину и молись.

Лиля не знала, какой именно вариант тут осуществился. Да это и не важно.

Даже то, что вторую королеву, как легко догадаться, звали Джессимин Иртон, положения не поправило. Лиля читала письма и убеждалась в этом с каждой строчкой.

Неизвестный ей Джайс уговаривал мать простить, понять, не держать зла. Рассказывал о внуках. О Джесси... Нашлось и несколько ее писем. Там было то же самое. Мол, дорогая мама, прости, но мне без него легче сразу сдохнуть. Воля Альдоная и прочее...

Судя по тому, что тема повторялась из раза в раз, на письма либо не отвечали, либо посылали дочку куда подальше. И жила эта маман в Иртоне. В родовом замке.

Граф писал в среднем раз в месяц. Джесси тоже не сильно отставала. То есть что мы имеем?

Мамашу, которая сидит, как жаба на болоте. Папа помре. Граф пребывает в столице. И в родовое гнездо не приедет, потому как сын почтительный. А здесь ему мозг вынесут и печень, причем одними нотациями.

И даже то, что Джесси стала королевой, не слишком поменяло ситуацию. Джайс уговаривал мать, но куда там. Ответов и их черновиков не было, судя по всему, старушка уперлась рогом. Отказалась выезжать и решительно не желала видеть дочь. И скрипела, скрипела, скрипела...

Письма сохранились. Лиля поняла, что Эдор так и не осмелился утащить ценные пергаменты для своих нужд. Потому что было письмо о рождении дочерей у королевы, ныне королевы, и о ее смерти...

Надо сказать, что Лиля читала с интересом, продираясь сквозь невнятный почерк с завитушками и витиеватые обороты. С другой стороны, медики и путаннее пишут. Вы историю болезни видели? Или рецепты?

Вот-вот...

Прочитать было несложно. Разложить по годам и проанализировать – сложнее. Но по всему получалось, что бабуся померла не так давно. Даже своего сына пережила. И

последние письма писал ей уже внук.

Их Лиля прочла с особым интересом. Но – увы. Складывалось полное впечатление, что бабушка не любила внуков. Причем со стороны сына. Ну дочь – там понятно. А сына-то за что? Вроде бы любит, заботится, свет в окошке... По идее его дети должны быть обласканы бабушкой. Но в некоторых письмах Джайса отчетливо прослеживалась горечь. Да и не привозили их сюда ни разу.

Каково?

Граф Иртон, тогда виконт Иртон, лет до двадцати с хвостиком в своем родовом поместье не был. С жирным хвостиком. Пока бабуся не преставилась.

Это – норма?!

Это чушь.

Судя по количеству книг в библиотеке и их направленности, бабка и правда была религиозной. Легко ли при такой воровать?

Ну смотря кто и как...

Но этой, видимо, был бы пастор, а там трава не расти. Вот и перли все, что гвоздями не приколочено. А что приколочено – перли вместе с гвоздями.

Лилия покусала губы.

Конечно, при такой постановке вопроса вряд ли Иртон был нужен его владельцу. Вырос в столице, к королевской семье приближен, остальное по принципу: заплатил налоги и живи спокойно.

Олаф постучался в дверь спальни и сгрузил женщине на постель еще несколько сшитых тетрадей и свитков пергамента.

– А Эмма?

– Она на кухне. Там буза какая-то случилась.

– На день заболеть нельзя. Как освободится – позвать ко мне, – буркнула Лилия и опять зарылась в письма.

Интересно, что там за буза?

Его величество Эдоард Восьмой прочитал письмо.

Потом еще раз.

А потом принялся вовсе не по-королевски чесать в затылке. Благо никто не видел.

Письмо было доставлено голубиной почтой и недавно переписано придворным писцом.

И повергло короля в тихое изумление.

Ибо – непонятно.

Писал ему градоправитель Торий Авермаль. Барон. Направленный королем в Альтвер и не дающий поводов для недовольства.

«Ваше величество!

Заверяю Вас в своем почтении и уважении...»

Ну тут славословия... Эдоард привычно пропустил их, а что поделать? Если каждый подданный уверял его величество в своей верности и преданности страницах так на двух, а потом только переходил к делу? Это еще хорошо, что голубиная почта сильно снижает подобные возможности. Не трех же голубей отправлять?

«Спешу сообщить Вам, что ее сиятельство графиня Лилиан Иртон побывала у нас в Альтвере и отбыла назад в Иртон. Графиня поистине украсила наши скучные серые будни своим присутствием. Она, как истинное солнышко озаряет...»

И еще пять строчек славословий графине.

Можно подумать, что они – в Ханганате.

И умница. И красавица. И замечательная мудрая женщина, пребывание которой в городе стало для него истинным счастьем.

Каково?

И это про вздорную толстуху, от которой его величество скривился еще при первой встрече. И кто из них двоих бредит? Он или барон?

Эдоард общался с Лилиан один раз. Но мнение о ней составил. Или зря? Все-таки день свадьбы, тут любая женщина ведет себя неадекватно. Но Джес потом...

С другой стороны, женился мальчик по расчету, ради верфей, так что ожидать от него любви к истеричной толстухе не приходится.

А если не истеричной? Умной... и даже красивой?

Эдоард только головой покачал.

Концы определенно не сходились.

Еще после визита дочери он отписал барону Авермалю с голубиной почтой, приказывая разузнать все о графине Иртон. Все-таки мало ли что... Если графиня чудит... Там же Миранда. Нельзя сказать, что Эдоард безумно любил внучку. Но чем-то она напоминала ему Джесси. Те же волосы, глаза, губы. Только была капризной и нервной.

Да и часто общаться не удавалось. Как приказать приводить малышку во дворец? Втайне? Можно и так. Но долго секрет не сохранить. Люди начнут сплетничать. Да и не умел его величество находить общий язык с маленькими детьми. Разве что в присутствии нянек и гувернанток.

Но Эдоард все равно иногда думал о малышке.

С одной стороны, она в Иртоне. Вроде бы в поместье все в порядке. Отчеты Джес получал регулярно. Мачеха тоже не должна ей интересоваться. С чего бы?

Но вот если она рехнулась, выгнала докторуса, к которому раньше прислушивалась, и чудит? Не опасно ли с ней малышке?

До письма он надеялся на лучшее. Теперь же...

Непонятно.

А что непонятно, то опасно.

Эдоард потер лоб для душевного равновесия и взялся за перо. Надо написать Авермалю, пусть разъяснит, что там с Лилиан Иртон. Уточнить ее описание – светловолосая толстуха? С кем она была, что делала, почему барон назвал ее умной женщиной?

В первом письме Эдоард не требовал подробностей. Но сейчас...

Пусть Торий направит в Иртон гонца, доверенного, да кого угодно! И подробно опишет о состоянии дел в поместье и о Миранде Кэтрин Иртон. Как девочка, доехала ли до поместья, поладила ли с мачехой.

А Эдоард подождет второго письма. А потом и отчета гонца.

Неладно что-то в Иртоне. Но не рубить же плеча?

За годы своего правления Эдоард отлично усвоил простую истину: «Решения, принятые на основе недостаточной информации, чаще всего оказываются неверными».

Да, иногда нет времени ждать. Но разве сейчас тот случай? Как бы ни рехнулась Лилиан Иртон – с ребенком стража, учителя, гувернантки плюс доверенный Джеса. Да и управляющий, и пастор... В обиду ребенка не дадут.

А рубить сплеча...

Зачем?

Подождем, посмотрим, что напишет Торий.

Буза во многом произошла по вине Лили. Была запланирована и продумана. Только девушка не рассчитывала, что это произойдет так скоро.

На кухне сцепились няньки леди Миранды.

Причиной действительно послужила Кальма. Которая, будучи дико недовольной, отправилась на кухню и за обедом высказала слугам все, что думает о мерзавке-графине.

К чести служанок и даже крестьянских девушек, те махнули на Кальму рукой. Мол, чего ты петушишься?! Графиня не зверь, никого, кроме одного конюха, не выпорола, за работу даже доплачивает, хотя мы и так должны на нее пахать, от барщины освободила, мельницей крестьяне попользовались, да и сейчас трое лучших уборщиц от нее красивую крашеную ткань получают, какую здесь не сделаешь... Одним словом, не самый худший вариант. Так чего возмущаться?

Поддерживала и Мэри. Она отлично знала, что нравственность – больной вопрос. А здесь ее спокойно терпят. Хотя она ожидала, что выгонят сразу же за управляющим. А графиня иногда и мелочью жалуется, то платочек, то еще чего...

Эммы в тот момент не было на кухне. А Кальма расходилась все больше и больше. И ломилась вперед.

– Да ваша графиня! Она, может, вообще шильда! Нормальная женщина себя так вести никогда не будет! А эта! Безбожников в дом привела! Они по ночам ее спальню охраняют и Альдоной знает еще чем там занимаются!

Вот на этих словах, не дав развить тему, в кухню вошла верная Марта и вскипела:

– Ах же ты дрянь бесстыжая! Да как твой поганый язык только поворачивается Лилиюшку поносить?!

Кальма даже напора не потеряла.

– А то вы сами не видите, что ваша Лилиюшка творит?! Весь замок вверх ногами!

Вообще-то Марта тоже иногда так думала. Но... мало ли что откроется у человека, который побывал на грани смерти?

И это же ее Лилечка, это она ее такой воспитала, вырастила, с ложечки кормила, ночей не спала... Нянька искренне считала, что все с ее девочкой нормально. А что странности... А кто бы тут остался прежним? Чуть ли не с того света ее вытащили, убийцы, опять же, бегают...

– Твое какое дело, гадюка подколотная?! – отбрила Марта. – Ты и за своей-то госпожой уследить не можешь, а на графиню киваешь! Скажи, что она тебя изругала по-всякому за недосмотр, так это правдой будет!

– Да у меня ребенок всегда присмотрен! И ухожен!

– Чуть под ножом убийцы не оказался! Так-то ты за девочкой смотришь!

Кальма немного сдулась. Но ненадолго.

- Это случайность! А убивать вашу графиню приходили! К хорошему человеку убийцы не придут!

Ну тут Марте было что сказать:

- Да ее чуть из-за мужа не убили! Он там завел шашни с какой-то вертихвосткой, а та убийца наняла! А госпожа моя страдает...

- Ага, весь замок вверх тормашками стоит!

- А твое какое дело? Ты приказы исполняй да помалкивай! Чай не свиньи - в грязи-то жить!

По правде говоря, большинству было безразлично, в чем там жить. Но... они ж не свиньи, правда? Этот аргумент прошел на ура.

- Да ненормально это! И моется каждый день! Потом начнет еще за мужиками бегать! Попомните мои слова! Шильда она! Точно!

Этого Марта уже терпеть не смогла и вцепилась Кальме в волосы.

Их бросились разнимать, и тут на кухне появилась Эмма.

- Что здесь происходит?!

Выслушав обе стороны, женщина нахмурилась. И отправила Кальму мыть нужники. А вот нечего гадости про госпожу говорить. А Марту - к лекарю. Потому как Кальма, будучи моложе противницы, выдрала у старушки клочок волос и успела поставить пару синяков.

А заодно Эмма отметила, что надо бы поговорить об этом с госпожой графиней. Она поймет.

Лиля была рада видеть Эмму. У нее как раз накопилась кучка вопросов. Но с ними пришлось повременить. Выслушать про драку, одобрить решение Эммы и продлить наказание на десять дней. А вот нечего языком молоть.

На востоке провинившийся язык вообще отрубали. Вместе с головой. Лиля так не смогла бы. А впрочем... Когда на одной чашке весов твоя жизнь, на другую еще и не то бросишь. Так что Лиля чертыхнулась. Про себя. И решила запустить еще одну сплетню. Ибо чем же еще с ними бороться? Сделала скорбное лицо.

- Что я могу сказать... Альдонай заповедовал нам терпеть и прощать врагов своих. Я понимаю, Кальме не нравится, что она должна подчиняться Марте. Но нянюшка меня вырастила, и Миранду она сумеет вырастить не хуже. А от Кальмы толку нет. То ребенок весь чумазый ходит, то истерики устраивает, то вообще едва убийце не попался. Какая ж из нее нянька? Подопечная уходит, а она спит и не слышит.

- Такое терпеть нельзя, госпожа графиня.

Эмма сделала нарочито постное лицо, уже прикидывая, что расскажет слугам на кухне. Лиля ответила ей такой же гримаской.

- Ах, Эмма, я все понимаю. Но ведь она тоже человек, а все мы слабы и подвержены искушениям. Таким, как грех сплетен, злословия, лени.

- От греха лени я ее живо вылечу, - пообещала Эмма.

Они переглянулись с Лилей, отлично понимая друг друга.

Если Лиля - шильда, то все вокруг - дело лап Мальдонаи. А это не есть хорошо. А слухи вещь устойчивая.

Этого допускать нельзя.

Инерция мышления – вещь страшная. Если народ привык везде видеть происки сатаны, он их увидит. И плевать, что сатана здесь женского рода. От этого не легче.

Так что пастора от себя отпускать далеко и надолго нельзя. Вирман тоже. Солдат делаем своими людьми. А вот с деревнями...

Надо бы запустить сплетню на тему: «Графиня хорошая, только после потери ребеночка слегка умом тронулась, не хочет, чтобы дети голодали». Это первый вариант. И второй: «Кто работает – тот получает от графини вкусные плюшки».

Вопрос – как?

Ну да ладно. Вспомним СМИ XX века. Чтобы после такого и не научиться запускать слухи? И уж молчим про гарнизонные городки. Вот где чихнуть не успеешь – тебе платки со всех сторон притащат. А какие там ходят сплетни! Просто шикарные! Вот и вперед.

Плохо, что она графиня. И сплетничать сама о себе она не может.

Ничего, используем подручные средства. Эмму, например. И Лиля промокнула глазки уголком одеяла.

– Ах, Эмма, разве шильда стала бы строить храм? Ты же понимаешь, что это глупости. И зрочки у меня нормальные, а мужчины мне и не нужны. Мой дорогой супруг далеко, а достойнее него мужчины просто нет. Надо бы попросить пастора прийти сюда, помолиться вместе со мной за его здоровье и благополучие.

Эмма закивала. И Лиля добавила сахарку:

– Да и вирмане... Ты же знаешь, что староста продавал девушек работоторговцам?

– Все знали, ваше сиятельство. – Эмма ловко вклинилась в трагическую паузу. Умница-тетка.

– Вот! Ворье, разбойники... Они ведь опять пожалуют. Сколько наших ребят поляжет в схватке с ними? А вирмане справятся, это их дело – воевать. Чтобы мои люди были защищены, я бы и больше вирман наняла. Я же не знала, что господин граф людей пришлет.

Эмма опять закивала. Явно сплетня будет запущена в народ.

– Кальма даже и не думает, что эти вирмане будут и ее защищать. Или ей так хочется в рабство? Или она предлагает, как придут работоторговцы, ее перед воротами выставить? Пусть взглянут, ужаснутся и уплывут? Ой, что-то я сомневаюсь.

Эмма тоже сомневалась.

– Кстати, я ведь так и не сказала, сколько буду тебе платить. Сколько получал твой супруг?

– Две серебрушки в месяц, госпожа.

– Ты будешь получать четыре. Я умею награждать верных людей и за хорошую работу.

Эмма кивнула. Ох, непроста была женщина. Явно непроста. На миг у Лили даже мелькнула мысль – не она ли сообщница Эдора?

С другой стороны, зачем тогда ее выгонять из замка? Чтобы жила в деревне и осведомляла? А какая от нее польза? У Эммы до сих пор авторитет невысок. Да, баба она умная. Но в Средние века одного ума мало. Да и не рассматривал бы Эдор женщину как сообщника. Инерция мышления. Все та же инерция.

Но проверить не помешает.

Надо посмотреть, что из тайников выгребли. И отправить завтра вирман простучать кабинет. Их ремесло разбойничье, им привычно тайники искать и вскрывать... Глядишь, что и найдут.

Окрыленная Эмма удалилась, пообещав позвать пастора. А Лиля решила придумать еще что-нибудь хорошее. Например, поговорить с Мири при девочках-мастерицах. Она найдет как.

Сплетню надо запускать с нескольких сторон и в разных видах. Тогда приживется.

Август Брокленд, если быть точной – достопочтенный Август, ненаследный барон во втором поколении, был занят. Он как раз проглядывал письмо зятя.

Из одного следовало, что в Ирhone все спокойно, Лилишка ждет ребенка (дай Альдонай мальчика), король размышляет над переделкой кораблей для большей быстроходности, и, судя по всему, заказ должен достаться именно их верфям. А один из компаньонов привез ценный груз специй.

Так что после продажи они станут еще богаче.

Август положил себе купить Лилишке что-нибудь хорошее.

Дочку он любил. Искренне и нежно. Одна, кровиночка. Жена Августа умерла, когда Лилишке был год. И мужчина решил больше не жениться. Дочь у него есть, если что – он малышке все оставит, найдет управляющих, и будет его доченька жить как сыр в масле.

Тогда у него еще не было верфей. Но оказалось, что у Августа талант. Да, вот такой.

Кораблестроительный. И в придачу – верфеуправительный. Брокленд просто чуял, кого и куда надо поставить. Он знал, что этот плотник хороший, а вот этот хоть и поет красиво, но врет. А вот это дерево плохое. И инструмент негожий. Здесь недосушили. Там недодержали.

Он не знал как. Но это было словно чутье.

И всегда восхищался кораблями. Сам он сначала просто торговал, а потом купил почти разоренную верфь. И дела вдруг так рванули в гору, что за ними бы тесто из кадушки не успело. Он нутром чуял, что может пойти на пользу скорости, что – остойчивости... Он не знал как. Но, взяв в руки чертеж корабля, понимал, что и к чему.

Дар Альдоная?

Не иначе.

Кто-то рождается поэтом. Кто-то видит корабли насквозь.

От глаз Августа на верфи ничего не могло укрыться. И это при том, что в море он выходить физически не мог. Морская болезнь скручивала его даже на реке. Но корабли он нутром чуял.

И за это его ценили. За двадцать лет управления верфями со стапелей Августа Брокленда не сошел ни один некачественный корабль. Да, дорого. Но зато он посреди моря не развалится. Чего уж, единственные корабли, которые превосходили броклендовские, это были корабли вирман. Но те – язычники, им сама Мальдоная помогает, это же ясно. И кто бы понимал, что у вирман от корабля зависит вся жизнь. И их, и их семьи. Останется без кормильца – и что дальше? Поэтому к кораблю относились как к ребенку.

Да что там! Ребенка можно было сделать еще раз. И даже не один раз. А вот корабль...

Тот же Лейф знал каждую доску в своем корабле. На ощупь. Сам выбирал. Сам выглаживал.

И корабли платили вирманам любовью за их заботу.

Неодушевленная деревяшка? За такие слова на Вирме язык бы вырвали!

– Достопочтенный Брокленд?

Август с удивлением посмотрел на эввира, который воздвигся на пороге его кабинета.

– Да... Чем обязан?

С эввирами он дела вел. Тут главное не хлопать ушами. А так – партнеры они надежные. И плевать, что безбожники. Золото – оно у всех звенит хорошо. Главное об этом пастору не говорить.

– Я прибыл с посланием от ее сиятельства Лилиан Иртон.

– Что?!

Сказать, что Август удивился, это еще мягко. Он впал в шок.

У его скромной, богобоязненной дочери дела с эввирами?! Солнце кошку родило! Не иначе!

Эввир чуть улыбнулся:

– Достопочтенный Август, мое имя Торес Герейн. Я племянник ювелирных дел мастера.

– Хальке...

– Хельке Лейтца. Дядя будет польщен, что вы его помните.

– Ваш дядя славится как искусный ювелир. Где он сейчас?

– В Альтвере.

– Захолустье...

– Вы же знаете, скромному мастеру лучше быть подальше от сильных мира сего.

Август тоже улыбнулся. Ну да. Особенно если ты ювелир не из последних. Эввир. И не имеешь никакого желания отдавать свои творения за бесценок или за долговые расписки. Или и то и другое. А это и ждало бы Хельке в столице.

Но ювелир был умен. Он быстро сделал себе имя и уехал, не дожидаясь неприятностей. Как оказалось, в глушь.

Но...

– И что же за дела у вашего дяди с моей дочерью?

– Господин барон, ваша дочь приезжала на ярмарку в Альтвер. И познакомилась с моим дядюшкой. Он был искренне восхищен незаурядным умом и талантами ее сиятельства. И они стали компаньонами.

– С Лилиан?!

– С ее сиятельством графиней Иртон.

Август молча хлопал глазами. А что тут скажешь?

Он сговорил дочку за графа Иртона сразу же после смерти его второй жены. Потом у графа умер отец, они выждали положенный срок траура, и брак был заключен. Август знал, что неплохо пристроил свою дочку. Но...

Да, Лилу он любил. Обожал. Готов был для чадушка звезду с неба достать. И искренне списывал ее истерики и вопли на извечное «ребенок растет без матери... ей не хватает любви и внимания».

Да и видел он дочурку не так часто, будучи занят по уши делами верфи и торговлей.

Но! В мыслях у дочери были дом, семья, Альдонай. Все.

Какие там таланты? Божественная вышивка, что ли?

Или молитвы? Ага, да Лилиан и разговаривать с эввиром не стала бы. Ибо безбожник.

И.... какую ярмарку? Она же беременна!

- И дочка предприняла путешествие в таком деликатном положении? Странно...

- Как мы поняли... да простит меня достопочтенный барон...

Барон нетерпеливым жестом показал, что прощает, ибо почта ходит медленно, и он рад услышать вести о дочери из любых уст. И не считает это неуместным любопытством или сплетнями. Ты будешь рассказывать, гад такой?!

Гад поклонился:

- Как я понял, ее сиятельство потеряла ребенка, и это сильно повлияло на нее.

Гость замолчал, видя что Август осознает новость.

Потеряла ребенка? Бедная доченька. Она так радовалась, когда наконец ее молитвы были услышаны.

- Она здорова?

- Госпожа графиня была в добром здравии на ярмарке. Хотя признавалась дяде, что многое передумала после этой потери. И если бы она не была так равнодушна к нуждам людей, живущих на ее земле, может, Альдонай и не покарал бы ее так сурово.

Август чуть расслабился. Это уже больше походило на его доченьку. Торес, кстати, не врал. Будучи в Альтвере, Лилия обосновывала свою деловую активность именно этим. Вот, Альдонай покарал, теперь буду крутиться, как белка в мясорубке, чтобы он простил и опять благословил.

Не дословно, конечно, но смысл был именно такой.

- Бедная моя девочка. И в чем же заключались ее дела с вашим уважаемым дядей?

Гость верно понял, что пора переходить к делу, и протянул Августу небольшой сверток.

- Здесь то, что они придумали. Прошу вас посмотреть.

Август поднял брови и развернул тонкую кожу, запечатанную личной печатью графини Иртон. Лебеда этого он хорошо знал. Что же, видимо, его дочка отправила ему подарок из Альтвера.

- Она не просила передать письмо?

- Только на словах. Что будет молиться за ваше благополучие.

Побоялась доверять пергаменту? Странно...

В свертке оказались две шкатулки. Одна побольше. Вторая - поменьше.

- Что здесь?

Август начал с той, которая поменьше. И кивнул.

На алом бархате лежали серьги. Небольшие сапфиры в окружении бриллиантов. Очень красивые, тонкие, изящные, великолепной чистоты и огранки, как и все, что выходило из рук Хельке, вот и клеймо.

Клейм было два. Одно из них было знакомо. Второе - обычный крест.

А самым интересным в серьгах была их застежка.

Август попробовал ее пальцем. Застегнул, расстегнул, и так несколько раз.

- Чтобы не потерялась на балах?

- Да, господин барон. И не только на балах.

Идею Август оценил. Да еще как.

За такими серьгами в очередь выстроятся.

- Надеюсь, у вас есть запас товара?

- Несколько образцов. И всегда можно написать дяде. Идею этой застёжки подсказала госпожа графиня.

Август почесал затылок:

- А еще?

Гость указал на вторую шкатулку:

- Вот.

«Вот» оказалось серебряным стержнем со странной насадкой на конце и серебряным приспособлением странной формы.

- Что это?

Гостю пришлось продемонстрировать чернильницу-непроливайку, налив туда воды и прокатив по столу.

Август оценил. Уж сколько раз – то свитками заденешь, то одеждой, то еще что...

- А это?

Перо привело его в еще больший восторг. Писать им было определенно удобнее, чем гусиным. Плюс еще работа.

- Это тоже идеи госпожи графини Иртон.

- А исполнение твоего дяди...

- Да, господин барон.

- Просто произведение искусства.

- Дядя сказал, что такие можно выпускать нескольких видов. Для господ дворян золотые и серебряные, с гравировкой, с камнями... И попроще, из меди или бронзы, для всех остальных.

Август кивнул.

- Я вскоре собирался ко двору. Сумеет ли Хельке Лейтц сделать нечто, достойное короля?

- Он обещал. И скоро должен прибыть груз перьев.

- Перьев?

- Да. Перо и чернильница-невыливайка.

- Забавное название.

- У дяди многие хотели их купить, у него ведь право на пять лет. Но он отказывал, решив, что вы, достопочтенный, сумеете распорядиться лучше.

Август снова кивнул. М-да. Надо ко двору. Или даже ближе. Эдоард сейчас буквально в неделе пути... по морю.

Стоит ли это дело таких усилий?

Еще как стоит!

- Моя девочка является партнером Хельке?

- Я не знаю точно об их договоре, господин барон, вы же понимаете.

- Но это принесет ей ощутимую выгоду.

Улыбка на лице гостя была достаточно тонкой.

- Надо бы мне съездить ко двору. Попросить аудиенцию у короля. Эх, годы мои глубокие...

- Господин барон, да вам никто и никогда не даст ваших лет. Вы замечательно выглядите.

- Еще бы так себя и чувствовать...

Но Август ворчал от неизбежности предстоящего. Да, морская болезнь. Перетерпит. Дождется посылки из Альтвера и отправится ко двору.

Мужчина был практичен до мозга костей.

Лиля уже потеряла ребенка. Но с ней все благополучно. Жива-здоровая, даже какие-то отцовские качества в ней проснулись, что вызывает гордость. Вроде бы и нехитрое приспособление, а поди ж ты выдумай! Да еще договорись, да еще чтобы на пользу тебе пошло, да не ободрали как липку...

Определенно, его кровь!

И чего переживать?

Дочку он любит. И беспокоится о ребенке. Но в Иртон был послан Тарис Брок с подарками и приказом доложить о состоянии дочери. Вернется – отчитается. А пока достаточно того, что Лилюшка жива. Здорова. И в ней просыпаются отцовские качества. А дети... даст Альдонай, еще наделают.

- Много у вас с собой образцов? Здесь гостит герцог Лормский, неплохо бы сделать ему небольшой подарок.

Август не знал о таких вещах, как бренд, его продвижение на рынке, реклама, маркетинг и тому подобное. Но отлично знал: если хочешь сделать вещь продаваемой, заработать на ней деньги, – введи ее в моду в высшем свете. Там потянутся купцы, а потом и все остальные. Вещь-то и правда нужная. Что дворянам, что купцам, что святошам.

Умница, Лилюшка... Какая же умница!

Умница Лилюшка в этот момент беседовала с пастором, который поклонился, осведомился о здоровье и протянул Лиле свиток пергамента.

- Ваше сиятельство, здесь копия признания убийцы. Заверенная мной и уважаемым Броком. А также Лейсом Антрелом. Полагаю, нашего свидетельства более чем достаточно.

Лиля благодарно кивнула. Но убийцу решила на всякий случай придержать. Запас карман не тянет. Посидит в подземелье, подумает о жизни... Прибить несложно. Воскресить труднее.

- Копия, уважаемый пастор?

- Да, ваше сиятельство. Еще одна у Тариса Брока. И еще одна будет у меня. Так сказать, во избежание потерь и неточностей.

Карие глаза сверкнули. И Лиля подумала, что пастор-то не дурак. Просто он в рамках своего времени и мира. А она смотрит совсем с другой точки. И не факт, что это хорошо.

Она развернула свиток и принялась читать.

Глубоко неуважаемый Томас Дорт рассказывал, как, будучи пьян, пришел в таверну

«Ржавая крыса», там еще выпил и решил поиграть в карты. Играл он с человеком (описание прилагается. Хотя по такому описанию полстраны опознаешь. Волосы светлые, глаза не помню, вроде как высокий), до чего доигрались – тоже черт его знает. А на следующий день парню предъявили кучку долговых расписок. И ласково намекнули, что надо платить по счетам. Причем намекал хозяин таверны, а сам кредитор не светился... умен, тварь! Ей бы там оказаться, она бы клубок размотала. А так придется полагаться на отца. Интересно, что сейчас в моде – мистер Холмс или инспектор Лестрейд?

И Томасу намекнули, что либо он платит, либо с ним произойдет несчастный случай из разряда чистил саблю и упал на нее шестнадцать раз. Горлом. Помирать товарищу не хотелось, денег таких тоже не было, и ему предложили отработать. Намекнув, что даже денежку подбросят. Далее известно.

Лиля сморщила нос.

А что можно вытащить из признания?

– Пастор, как вы думаете, заказчик – явно новичок в этих делах? Или даже в столице?

– Почему вы так решили, ваше сиятельство?

– Слишком это... если бы меня хотел убить кто-то серьезный, послал бы своего человека. А не солдата, который, как ни крути, привык сражаться, а не убивать втихую.

Лиля не могла объяснить, но это очень напоминало ей «работу на лоха». Когда от денег отказываться не хочется, но и подставлять своих людей – тоже. А лоху и такое сойдет. Получится – хорошо. Нет – так мы старались. Еще заплатите? Еще сделаем...

Но объяснить это пастору, не показывая кое-чего, что не должно знать графине, она не могла. И поэтому только хлопала ресницами, изображая клиническую блондинку. Если умный – сам поймет. А если дурак – все равно расследование не ему вести.

И верно, пастор покачал головой:

– Не знаю, ваше сиятельство. Убийство – страшный, смертный грех, который выжигает душу...

Лиля закивала – и, пока пастор не завелся:

– Разумеется. Я буду молиться, чтобы Альдонай простил этого несчастного.

– Ваше сиятельство, а что будет с убийцей?

– Даже не знаю, пастор. Правосудие на наших землях – господин граф, а сейчас мой возлюбленный супруг в отъезде.

– Это верно. Но есть еще и королевские представители. Можно отписать, чтобы приехали и разобрались.

Лиля согласилась:

– Да, разумеется.

Вот королевский представитель – это хорошо. Пусть кто может, знает, что ее заказали. И покушались.

– С вашего позволения, госпожа графиня, стоило бы отписать в Альтвер.

Лиля уточнила:

– Достопочтенному Торию?

– Да. Чтобы прислал представителя.

– А вот как потом...

- А потом отправите с ним убийцу. И все.

Лиля пожала плечами:

- Можно попробовать. Я напишу письмо барону. А убийца пусть пока посидит. Либо представитель с ним разберется. Либо господин граф приедет и скажет, что с ним делать, - нагло свалила Лиля все шишки на Джеса.

А чего я? Я графиня, я женщина, я тихая и хрупкая, как подсвечником хряпну - только хрупнет...

И невинные зеленые глазищи так и хлопают, так и хлопают...

Пастор поворчал о ее милосердии, но куда там.

Лиля спрятала бумагу в сундук и подумала, что надо бы замок изобрести.

Ага! Для начала хотя бы вспомни, как дверные ручки устроены. Из самых простых. Чтобы двери глухо закрывались, и слуги у них не подслушивали.

Эх, почему она не инженер?

Ладно, посидим, подумаем...

Или навестить Ширви? Почему бы нет! На волне озверения Лиля не то что письмо с него сдерет, еще и последнюю шкурку!

Одеться было несложно. Слава богам и героям, девочки сшили ей такие одежды, которые можно было натянуть и без участия служанки. Юбка на завязках и с запахом. Жилет. Блузка - по образцу, нарисованному Лилей. Девочки оценили фасоны и уже сделали несколько вещей и для себя. Из простого некрашеного полотна. Лиля не возражала. Она даже не будет ругаться, если что-то подобное появится на служанках. Пуговицы - вещь полезная. И нужная. Все лучше, чем через голову тряпку тянуть.

- Илона!

Служанка явилась практически мгновенно. Сидела она, что ли, под дверью?

- Кто меня сейчас охраняет?

- Ивар и Олаф.

- Позови.

Вирмане вошли и тут же выразили свое веское «фи»:

- Госпожа графиня, вам бы еще пару дней полежать.

- Полежу. А сначала вы меня проводите к Ширви Линдту, - зло ухмыльнулась женщина.

Что же мне написал супруг? То есть мне - понятно. А управляющему?

Она прихватила свиток, оперлась на Олафа - авось выдержит - и вышла из комнаты.

Ширви было плохо. Джейми явно «лечил» товарища своими методами. Так что посланник выглядел подозрительно зеленым и исхудавшим. Но Лиля не собиралась ему сочувствовать. Ей было немногим лучше. Голова слегка кружилась, мутило и вообще хотелось вернуться в кровать. Рано она встала.

Но заговорила она мягко. Сначала:

- Доброго дня. Как ваше здоровье?

- Ваше сиятельство. - Ширви даже не сделал попытки подняться с кровати. - Полагаю, что я найду здесь свою кончину. О, эти ужасные боли!

О болях Лиля ему распространиться не дала.

- Вы знаете, что меня пытались убить, любезнейший?

Ширви еще и побледнел. Точно – знал.

- Ва-ваше сият-тельство...

- Солдат, который прибыл с вами. Он сделал признание. Хотите узнать, что в нем?

Ширви подскочил на кровати и замотал головой:

- Ваше сиятельство! Я никогда бы...

- Что никогда? – мягко осведомилась Лилия – Не решились бы нанять убийцу? Но вы его привезли сюда. Благодаря вам я ранена и лежу сейчас в кровати. И чудом не убита Миранда Кэтрин Иртон.

Ширви пополз по кровати подальше от Лили. Словно это могло помочь. Кажется, он представлял себе, чем ему грозило такое обвинение. Если и не убивец, то сообщник... Графиня здесь – власть. Она имеет право судить и решать в отсутствие супруга. Скажет – казнить. И ведь казнят... А жить так хочется...

Лилия смотрела на его корчи минуты две. А потом сочла, что клиент созрел.

- Значит так. С первой же возможностью я отправлю вас отсюда. Моему мужу про убийцу отпишете сами. Кто он, откуда взялся, как попал в замок. Я проверю.

- Ваше сиятельство! Да господин граф же меня своей рукой...

Лилия ухмыльнулась. Злобно.

- А я вам почему-то не сочувствую. Благодаря вам я ранена. А благодаря Эдору тут бардак. Меня даже защитить не смогли по его вине.

Вообще-то потому, что Лилия по старой привычке закрыла спальню изнутри на засов, но кто бы это Ширви объяснил. Виноват – и все тут. И вообще не спорить с графиней. А не то вообще прикажу тебя в бочке в море запустить.

- В-ва-ваше сият-тельств-тво...

Лилия вздохнула:

- Заодно отпишете супругу, что Эдор воровал, я его выгнала и наняла нового управляющего. Которому вы и передали его письмо. Ивар!

Вирманин сделал шаг вперед. Если Ширви и хотел посомневаться, то при виде здорового медведя все желания тут же пропали. Еще бы.

Лилия живо представила себе диалог:

«- Вы новый управляющий?

- А вы сомневались?

- А ваши рекомендации?

- Топор, кинжал и копье – вот мои рекомендации...»

Ширви, видимо, тоже что-то представил. Уставился на топор вирманина, сглотнул – и вытащил из-под подушки свиток. М-да. Еще бы в трусы засунул.

Лилия взяла письмо и резким движением сломала печать.

Текст был коротким:

«Деньги с поместья и отчет пришлешь, как всегда, вместе с Ширви. Отпиши о здоровье моей супруги. Как ребенок? Что говорит докторус? Благополучно ли протекает

беременность? Позаботься о моей дочери и проследи, чтобы графиня ее не обижала. Приеду – за все спрошу».

Лиля сжала кулаки.

Нет, все было вежливо. Но в то же время...

Да, графу наплевать на Иртона. Налог пришлешь – и свободен. И на нее наплевать. Единственная, о ком проявлена забота, это Мири. А она сама мужа интересуется только как племенная кобыла. Впрочем, она и так это знала. И все окружающие – тоже.

Что же такого в этом письме, что Ширви не хотел его отдавать?

Первая фраза?

Может быть.

Эдор воровал. И если Ширви его прикрывал...

Лиля уставилась на лежащего нехорошим взглядом:

– Прибыль пополам делили?

– Г-госпожа графин-ня...

Еще бледнее вроде и быть-то некуда было. А Ширви сделался.

Лиля оскалилась:

– Что, я непонятно говорю? Эдор все время воровал. Если ты возил его отчеты и деньги с поместья и ни разу не заметил неладного, – вы точно делились. Кто еще был в доле?

Ширви замотал головой. Мол, не был, не знал, не участвовал...

Лиля посмотрела на Олафа:

– В подземелье его. В камеру. И поспрашивать. Вашими методами.

Олаф кивнул:

– Госпожа графиня, вы изволите присутствовать на допросе?

Лиля отказалась:

– У меня и так голова кружится. А вы ведь начнете шкуру драть, иголки под ногти загонять, зубы напильником стачивать до основания, ногти вырывать...

– Напильником, ваше сиятельство?

– Точильным камнем, – тут же поправилась Лиля.

– Зубы мы не стачивали, ваше сиятельство, – задумался вирманин.

– Дарю идею. Можете на нем и опробовать.

По лицу Ширви покатались крупные капли пота.

– Ваше сиятельство, господин граф будет недоволен.

Ты еще и угрожать вздумал?! Ах ты дрянь!

– Олаф! Можете приступить. Состояние тушки меня не особо волнует.

Женщина сжала кулаки. Есть предположение, что при встрече с мужем и так возникнет куча вопросов. И проблем. Вряд ли он благосклонно отнесется к ее начинаниям. Судя по письмам, она для него просто табуретка. Загаженная. А вам понравится, если это начнет по комнате бегать? Нет? Значит, конфликт неизбежен? Не знаю. Но семь бед – один ответ.

Вирманин сгреб из кровати заверещавшего посланца и поволок из комнаты. Лиля посмотрела на Ивара.

– Проводи меня до комнаты. И скажи Олафу, чтобы не перестарался. А то сдохнет раньше времени.

Ивар послушался.

А Лиля, оставшись одна, задумалась. Все-таки у нее непоправимо портится характер. Раньше она так к людям не относилась. Даже тот же Эдор. Что бы она сделала сейчас?

Да в подвал его! И пытатель, пока всю захоронку не сдаст. А как сдаст – казнить. Вместе с женой. Сейчас Лиля отдала бы такой приказ, и голос не дрогнул бы.

Ты меняешь мир, а он меняет тебя. Нравится тебе это или нет.

Надо выжить? Вот и будем выживать. Даже такой ценой.

Джейми спешил. Старенький домик неодобрительно глядел на молодого травника окошками, затянутыми рыбьими пузырями.

Солдаты оставались в седлах. Они к ведьме в гости не собирались. А Джейми...

А ему была безразлична репутация Мораги. Сам такой. Если бы госпожа графиня не забрала его из Альтвера, скоро он оказался бы на виселице. Или на костре. В зависимости от везения.

Бабушка не зря его предупреждала – пока она жива, терпеть будут. А потом увы. Надо будет уносить ноги. Угроздило ж бабку пригреть плод чужой любви. С другой стороны – если б не она, его бы и в живых не было. А так...

К бабке часто обращались за помощью знатные дамы и иногда на большом сроке беременности. Вот и тут. Зелье обычно сбоев не давало, дети рождались мертвыми, но не в этот раз. Джейми выжил. А бабка... То ли пожалела пищавший комочек, то ли подумала об одинокой старости, то ли хотела потом слупить денег с его настоящих родителей. Кто знает?

Она и сама была не из простых. Это Джейми понимал. Читать-писать, считать, травы знать. Да и манеры были те еще...

Нет, бабка была не абы кто. Но тайны унесла с собой к Мальдонае. А после ее смерти к пареньку в гости наведалься пастор Лейдер. Ласково поговорил, попросил средство от кашля, а глаза так и пронизывали. Тут-то Джейми и понял, что надо удирать. Пока еще цел.

И так удачно подвернулась графиня Иртон. Надо сказать, женщина Джейми нравилась.

Не злая, не дура... Ну не красавица. Ему больше были симпатичны маленькие и темненькие. Но для графини она вообще была нечеловечески хороша. Разбиралась в травах, не твердила о гневе Альдоная. Вообще она говорила, но Джейми видел – это игра. Для окружающих. Надо – она и не такое скажет. А всерьез верить – нет. Не верит. Джейми это даже немного задевало.

А с другой стороны, если его казнят во славу Альдоная, вот радости-то будет?

Так что не стоит злить госпожу графиню, другое место ему найти намного сложнее. И съездить к местной травнице без проблем. Что-то она знает, что-то – Джейми. Права ведь графиня – что смысла на своих знаниях сидеть, как наседка? Цыплят ты не высидишь.

Джейми сделал пару шагов к домику и решительно постучал в дверь.

Ждать пришлось недолго. Дверь распахнулась, и на пороге возникла женщина, живо напомнившая травнику его бабку.

– Чего надо?

Джейми почтительно поклонился.

– День добрый, бабушка.

– Ишь ты, внучек нашелся. Надо-то чего?

– Меня Джейми Мейтл зовут, бабушка. Я теперь графине служу.

– И кем же?

– Травник я.

– Вот как?

– Госпожа графиня сказала, что я травник да ты травница. И не худо бы нам поработать вместе.

– Ишь ты... А гнева Альдоная она не боится? Травницы ж Мальдонае служат, всем известно.

Джейми улыбнулся.

Бабка была тоже умная.

– Госпожа графиня изволила сказать, что вранье всегда всем известно. – Теперь он говорил тихо, чтобы не услышали солдаты.

– Вранье?

– Меня тоже слугой Мальдонаи назвать хотели. Она не поверила.

– Вот как...

– А мне сказала, что надо обмениваться опытом.

Бабка подумала еще немного и кивнула на домик:

– Ну заходи, раз уж пришел. Говорить будем.

С тех пор Джейми повадился ездить к старой травнице каждый день. Уж очень она напоминала его бабку. Да и знала много. И запасы трав у нее были хорошие.

Ему тоже было чем поделиться.

А два умных человека всегда могут найти общий язык.

Этот разговор состоялся в тот же день за свинарником.

Да, и там можно услышать много интересного. Но рядом, увы, никто не проходил.

– Дорогой!

Мужчина чуть покривился. Кальма была приятна в пути, это факт. Но в Ирhone она превратилась в обузу. Когда он начинал с ней шашни, он рассчитывал, что нянька молодой госпожи будет хоть что-то значить. Но – увы.

Дурища не смогла придержать язык...

Сейчас, с поротой задницей, грязная и пованивающая навозом так, что мухи со всего двора слетались, она вызывала только брезгливость.

Кто ее просил злить графиню?

Вот еще одно заблуждение. Он рассчитывал увидеть безразличную ко всему, кроме еды и молитв, тушу. Так ее описывал граф. Но куда там!

Да, Лилиан Иртон была... мясистой. Даже слишком. Жирной. И другого слова тут не подберешь.

Но в то же время...

Что-то в ней было такое.

Внутренний свет? Искра в глазах? То, как она говорила, двигалась, жила, организовывала все вокруг себя? Мужчина не мог сформулировать точнее. В его мире слова «харизма» не знали.

А в женщине было именно это. Личность пробивалась из-под слоев жира, и уже сейчас она производила впечатление. Тем более в красивой одежде, которая была ей к лицу, с простой прической, а как от нее приятно пахло...

Мужчина поморщился – и решительно отстранился.

– Ты мне одежду измажешь!

Кальма остановилась.

– Но я думала, что ты...

– Что – я?

– Поговори с графиней. Пусть она отменит свой приказ.

– Ты с ума сошла?

Просьба была, мягко говоря, глупой. Как же, станет графиня Иртон что-то отменять... сейчас.

Тем более по его слову. Вот если бы у них что-то было – тут открываются большие возможности. От подарков до шантажа. А сейчас – его вирмане даже выразить свое почтение не пустили. И на уроках она не присутствует, хотя и обещала.

Дамис даже не сомневался: если у него будут время и возможность, графиню он обаяет. И не такие ему в руки падали. Видели мы и получше, и покрасивее. И Кальма тут лишь помеха.

– Как ты себе это представляешь? Госпожа графиня, она дура, но больше не будет?

– Что?

– То! Кто тебя за язык тянул, сумасшедшая?! Графиня здесь власть! А ты ей дерзить в лицо? Нарвалась? Довольна?

– Неправда! Это все ее нянька... Дрянь старая!

– Дура, – бросил мужчина.

Но смягчился, помня о гнусном характере женщины.

– Если представится случай что-то изменить, я постараюсь. Обещаю тебе. Но для этого нас не должны видеть вместе.

– Как?! Но ты же.... Я же....

– Вот так. Если нас увидят вместе, станет ясно, что я твой любовник, и графиня перестанет мне доверять.

– Но мы ведь будем встречаться? Ты меня не бросишь?

Именно это мужчина и собирался сделать. Но сообщать об этом не хотел. Ни к чему.

– Да, разумеется. Но не сегодня. Мне сейчас надо идти.

Кальма всхлипнула, но мужчина был непреклонен:

– Нам надо быть на ужине. Госпожа графиня распорядилась подавать учителям отдельно, в малую трапезную.

– Вот еще! Я же говорила – она обезумела.

– Это ты обезумела. Если такое говоришь. Задница зажила?

Кальма прикрыла рот.

– Госпожа графиня сочла, что мы должны знать, кто и чему обучает леди Миранду. – Дамис на миг задумался, вспоминая слова экономки. – Если мы будем работать совместно друг с другом, учеба пойдет лучше.

– Глупости какие!

Дамис пожал плечами.

Может быть, и глупости, но было что-то в таком подходе.

– Ты бы язык придерживала, донесут графине, что ты болтаешь, – век ничего, кроме навоза, не увидишь. А то и погонит со двора...

– Ты же меня не бросишь.

Ага, как же! С тобой, дурой, бродяжничать уйду. Да кому в этом захоlustье учителя нужны?

Мужчина грязно выругался про себя.

И принялся успокаивать женщину. И такая она чудесная, и хорошая, и замечательная, и он ее не бросит, и уговорит графиню...

Зачем?

Да чтобы не оставлять за спиной разгневанную женщину. Пока графиня не начнет его поддерживать, с Кальмой лучше не ссориться. А то ославит на весь свет. Одно дело – тихонько поблудить. Другое – растрепать об этом по всему замку. Тут и выгнать могут.

А этого ему не хотелось. Иртон – неплохое местечко. Тем более после одной истории...

Ивар зашел к графине поздно вечером, когда Лиля уже готовилась спать.

Но ругаться женщина не стала. Ерундой вирмане не страдали. Раз пришел, значит, надо. Марта посмотрела неодобрительно. Лилия как раз рассказывала Мири сказку. Дождалась, пока девочка заснет, и попросила вирманина отнести ее в кровать. И возвращаться.

Ивар так и сделал.

Лилия сильно подозревала, что Марта подслушивает под дверью, но ничего тайного обсуждать не собиралась.

– Что скажете?

– Раскололся мужик, как сухое полено. Ему и так плохо было, а когда мы еще добавили, потек свечкой...

– И?

– Воровали они. Эдор воровал, а этот его прикрывал перед графом. Доходы делили пополам.

– Ага. А здесь сообщники были?

– Ширви говорит, кто-то из старост. Но кто – не знает.

– Точно не знает?

- С точильным камнем спрашивали, госпожа графиня.

Лиля злобно ухмыльнулась. Хорошая вещь - «Молот Ведьм», там такого нахватаешься...

- Ага.

- Сами его допросить изволите?

- Вот еще... Бросьте под замок, потом, если что вспомню, - допрошу. А пока пусть пишет признание. Также в присутствии пастора и Тариса Брока.

- А потом?

- А потом подождем королевского представителя. И сдадим ему мерзавца с рук на руки.

- Как прикажете, ваше сиятельство.

- И, конечно, расспросите его, где деньги.

Лиля подозревала, что в столице. Но вдруг есть надежда хоть что-то выцарапать? Если деньги куда-то вложены, в корабли, ценные бумаги, дела... Отписать отцу - пусть поработает на благо дочки?

- Расспросим, ваше сиятельство.

Лиля кивнула.

- Может быть, я и сама поприсутствую, но не сейчас. Мне бы еще пару дней полежать.

Лиля и правда чувствовала себя не слишком хорошо. Утешало одно - аппетита не было, есть хороший шанс похудеть еще.

Эх, тяжело жить на белом свете...

На следующее утро уехал Тарис Брок. Распрощался с графиней, обцеловал ручки, пообещал передать письма и был таков. Лейс отрядил шестерых солдат ему в сопровождение, а Лиля слезно попросила передать отцу, что она будет молиться за его здоровье. И еще попросила прислать сюда кого-нибудь из Альтвера. Пусть разберутся с убийцами и ворами, а то ж в замке жить страшно!

Тарис обещал и это. А заодно передать письмо Торию Авермалю. Внутрь Лиля вложила записочку и для Хельке. Но одно дело - барону, а другое - ювелиру-эввиру. Ни к чему Тарису лишняя информация. Да и слишком уж он ее взглядами раздевает.

Нехорошо.

Лиля понимала - в этом мире она должна быть вне подозрений.

Как жена Цезаря. Пусть даже Цезарь весь Рим отымел.

Ничего, дорогой супруг, дайте мне только на ноги встать и развернуться по-настоящему. А потом мы с вами еще рогами посчитаемся...

Глава 3

Взгляды со стороны не всегда равны

– Хельке, тебе придется уехать из города.

– Мне?!

Хельке с изумлением воззрился на говорившего:

– Почему вдруг? Что случилось?

– Тебе имя такое – Авермаль – знакомо?

Говоривший имел хмурый вид. И неудивительно. Обсуждать свои дела молодчики умудрились в «Свинье и собаке». А ее владелец очень не любил этих парней. Виду он не показывал, но терпеть их не мог еще с того мига, как они начали приставать к Ингрид, едва не подведя Лейфа под стрелы. Все-таки свой, вирманин, кому ж такое понравится?

Владельцу трактира точно не нравилось. Да и недавний поджог...

Эввиры хозяину тоже не слишком были дороги, но ведь эти три идиота... Еще из-за их дури полгорода выгорит. Даже если их потом повесят, толку не будет. И беспорядки начнутся, торговле убыток. А кого при беспорядках громят в первую очередь?

Эввиров и трактиры.

Эввиров – потому что эввиры. Всегда крайние. Трактиры – потому, что там вино есть. Нет, это не дело.

Пусть Альтвер живет спокойно.

Хельке помрачнел, когда мужчина пересказал ему услышанное. И сдвинул брови:

– М-да. Так и правда подпалят... Ты сам слышал?

Слышал мужчина сам. Еще бы! Они б громче орали по пьяни.

– Градоправителю сказать?

– Хельке, тебя это не спасет. Я их не люблю, вот и пришел предупредить. Так что смотри. Не подпалят – так железом ткнут, сам понимаешь.

Хельке встал и отвесил поклон, как принято у эввиров. Руки скрещены на груди, глаза подняты на собеседника.

– Благодарю тебя. Я запомню твое благодеяние.

– Думай...

Мужчина хлопнул ювелира по плечу и ушел. А Хельке серьезно задумался.

Он даже и не усомнился. Слишком уж это в духе молодчиков – нагадить ему. Тем более, есть причины его не любить. Главная – он эввир. И еще он богат. У него есть чем поживиться.

Защитит ли его бургомистр?

Да, когда речь идет о выгоде – сынка он не пожалеет. Но что это даст?

По-простому – ни хрена не даст.

Можно отлупить Дария. И? Можно даже приставить к Хельке стражника. И к его родным. Его семье. К его овдовевшей сестре и ее детям, которые стали для Хельке родными.

Ой, вряд ли...

Если эти трое подонков серьезно настроены его изжить, они своего добьются. И выход только один. Поговорить с Авермалем и уехать самому.

Но куда?

Где будут рады эввиру?

Где не захотят содрать с него три шкуры или обратить в истинную веру? Где его защитят?

Есть ли вообще на земле такое место?

Как все запущено!

Лилиан Иртон так и сказала бы. И повертела бы в руках толстую косу. Она всегда ее теребила, если была чем-то недовольна.

Лилиан Иртон...

Губы Хельке расплылись в улыбке. Кажется, он знал, куда ему ехать. Согласится ли графиня?

Почему нет? Ей все равно, где он будет работать. Даже наоборот – он постарается, чтобы ей было выгодно.

Только вот как бы добраться в Иртон целым и невредимым? Осень наступает, дожди скоро ливанут, по дорогам не проедешь. А ведь он не один. Сестра, ее дети, инструменты, материалы для работы, а они у ювелира дороги.

Хельке ненадолго задумался. А потом довольно кивнул головой.

Вот чей сынок, того и проблемы. Пусть градоправитель думает, как все совместить. И сына, и выгоду, и порядок в городе. Эввирские погромы случались. Хотя и не часто. Но король это не приветствовал. Эввиры – это деньги. А золото нужно всегда. А ведь его можно и не найти. Так что Эдоард Восьмой крепко гневался на градоправителей за такие мелкие радости жизни.

Если Хельке уедет в Иртон, какие плюсы?

Графиня – умный человек. Но что скажет граф? Там все неопределенно. С Лилиан Иртон Хельке и уживется, и сработается. Можно бы и к кому-то из родственников в другой город, но те же проблемы и там начнутся – эввирам везде тяжело.

Ладно. В крайнем случае уедет. Ему бы зиму переждать. И пережить. Пусть Иртон захолустье, но Авермаль туда точно не доберется. То есть еще и денег можно сэкономить. А на своей земле графиня барона так далеко пошлет, что он за год не дойдет. Зато семья эввира будет в безопасности.

Какие минусы?

Захолустье. Пока кому напишешь, пока что отошлешь... С другой стороны, было бы что сбывать, а куда и как – найдем. Организовать доставку не так сложно.

Безопасность важнее.

Хельке довольно улыбнулся.

И не такое бывало, и в одной рубашке из горящего дома убегали. Было и такое в его детстве, так ведь выжили. И выживут!

Лиля отлеживалась еще три дня. Читала показания Ширви, который сидел в подземелье по соседству с несостоявшимся убийцей и пел, как соловей.

Как ни странно, пастор принял горячее участие в допросе. И выяснилось, что у Ширви вообще-то накоплена неплохая кубышка. А еще имеются жена и двое детей.

На последнее Лиле было наплевать. А вот первое...

Надо бы поговорить с отцом. Сама она до имущества Ширви точно не доберется. Да и ободрать его как липку.

Стоило бы. Но и его семью жалко. Женщины в этом мире права голоса почти не имеют. И жена могла не знать. Оставить ей на жизнь, а остальное конфисковать.

Отец, Хельке, кто-нибудь еще, даже тот же Авермаль за процент, пока супруг в отъезде, и вложить деньги в производство.

Вопрос – где производить будем? В Иртоне?

А если муж твои инициативы прикроет?

Может. Еще как может.

Прикупить какую-нибудь землю?

А где? Как?

Женщина может здесь владеть землей только с королевского разрешения. Такого у нее нет. И вряд ли будет. Оформлять свое дело на кого-то? Простите. После реаций двадцатого века Лиля с подозрением относилась к подобным вещам. Сегодня ты его считаешь нанятым, а завтра он тебя заказал или просто кинул – и сиди, обтекай.

Или просто создать какого-нибудь мужика де-юре. Хотя... Не с этой фигурой. Можно переодеться, загримироваться, понизить голос, но куда ты сиськи денешь?

Этот вариант она даже не рассматривала. И приходила к неутешительному выводу.

Надо искать общий язык с супругом. Или с отцом.

Лучше второе. Потому что отец ее явно любит. А вот Джерисон Иртон...

Лиля надеялась на личную встречу, но отдавала себе отчет, что ломать стереотипы – занятие неблагодарное. Если супруг привык, что она – дура, так и будет считать. И подсознательно ждать пакости.

Вариант с разводом и самостоятельностью?

Вот честно, Лиля не знала, стоит ли. Графиня Иртон – все-таки титул и статус. А разведенная дочь барона, будь она хоть трижды умной и красивой?

Ладно. Время и не такие узлы развязывало...

За это время она перекопала все бумаги поместья и пришла к неутешительному выводу.

Глушь. Пока что-то отсюда вывезешь или сюда привезешь – столько сил и нервов угрохаешь. Не-эт, овчинка выделки не стоит.

Или стоит?

Разве что в случае очень дорогой продукции.

Лиля записала все, что помнила про стекло, и позвала к себе стеклодува.

Тот прибыл, и с порога выяснилось, что сырья у него с собой мало. И хорошо бы съездить к морю. Ибо песок нужен мелкий, белый, чистый и прочее. Да и сода не помешала бы. Лиля осведомилась, готова ли мастерская, и получила уверенный кивок. Хоть завтра запускай. Кое-что в Альтвере купили, кое-что уже здесь кузнец сделал. Если госпожа графиня изволит...

Госпожа графиня пока не изволила. Успеется. А сырье – поедem к морю, поедешь с отрядом. Если что, там и присмотрим. А возить его с берега – так все равно ж: рыбу, соль, крестьян... Короче, надо прикинуть и делать из тропинки хотя бы направление. Чтобы телеги проехали.

Да, нефти тут нет. И продуктов ее перегонки – тоже.

Вот ведь печалька, она знает, что нужно добавлять в стекло для получения нужного тона, но как это что-то найти в природе?

А, не трагично. Отрядить крестьянских детей – пусть приносят ей все образцы. А она посмотрит и подумает. И в лаборатории похимичит.

Кстати, за это время не то что лабораторию – зверинец сделать можно. Была вызвана Эмма, которая рассказала госпоже графине, что все в порядке, комнаты уже готовы, даже кое-какая глиняная посуда есть, и камин там есть.

Лиля вздохнула. И поклялась себе надеть спиртовок и пробирок. А заодно самогонный аппарат и спирта побольше. Вообще хорошая была бы идея – им торговать. Графская пшеничная, крестьянская свекольная, народная картофельная. Разливать в оригинальную тару с крестом, запечатывать и продавать по особой цене. То есть втридорога. От обморожений, как растирание, для употребления внутрь. Эх, надо бы с Хельке поговорить. Хоть тот и обещал не выбрасывать новинку на рынок, но вдруг да не удержится?

А она смогла бы многое огрести за ноу-хау.

Письмо ему написать?

Почему нет...

Август Брокленд чувствовал себя омерзительно после путешествия по морю. Но визит ко двору откладывать не стал.

И попал как раз на малый прием. Тихо, спокойно, народу немного, но далеко не самый простой. Августу бы и не попасть, но верфи – дело хорошее. Эдоард был умен. И понимал, что в руках Августа верфи – золотое дно. Не факт, что так будет с кем-то другим. Талант – это все. Кроме того, семьи нет, из детей одна дочь... Август и дневал и ночевал на верфи. Хотя дела зятю потихоньку передавал. Все ж таки возраст. И все внуку пойдет.

Хотя когда он будет, внук?

С другой стороны, все можно оставить и дочери. Но женщина могла управлять своим делом или имуществом только с разрешения короля. А тот, естественно, разрешал крайне неохотно. Зачем ему?

Да и не нужно это женщине. Ей семья надобна, дети, а не постоянная война за свое место в мире. Лиле придется доказывать свое право ежедневно. Раньше она не смогла бы.

А сейчас?

Август подробно расспросил племянника ювелира о делах Лилиан в Альтвере. И был искренне доволен. Похоже, в девочке проснулась отцовская хватка.

Умница, какая же умница!

А вот ее нынешнее положение пока оставалось неизвестно. Но разве это повод не действовать?

– Ваше величество. – Август вежливо раскланялся перед королем.

Эдоард милостиво кивнул:

– Рад видеть тебя в столице, Август. Ты так редко бываешь на приемах.

В переводе на ативернский это означало: «Что случилось? Чего приперся?»

Август не стал тянуть кота за хвост.

– Ваше величество, я прибыл с просьбой...

– Да? И о чем же?

– Ваше величество, вы не уделите мне буквально пару минут?

– Наедине?

– Нет, ваше величество. Я не смею просить о такой милости. Я просто хотел, как ваш верный слуга, первым преподнести этот скромный подарок вам. – Август с поклоном протянул бархатный футляр.

Эдоард взял его и с любопытством открыл.

Август знал, что внутри. Хельке превзошел самого себя. Золотая чернильница и золотое же перо были инкрустированы бриллиантами и украшены искусной чеканкой. Дарить такое было не стыдно. Наоборот.

Эдоард вскинул брови:

– Что это?

– Ваше величество, это перо и чернильница-непроливайка.

– Вот как?

– Если ваше величество распорядится принести пергамент и чернила...

И то, и другое принесли быстро. И Август продемонстрировал свой подарок в действии. Эдоард посмотрел с недоверием, но остался доволен:

– Непривычно. Но неплохо, очень неплохо...

Придворные зашумели. Август ухмыльнулся. Не было сомнений, что после окончания приема его начнут расспрашивать, что и как. В кармане у него лежало еще одно перо. А остальное...

Дарить он никому и ничего не собирался. Заказывайте. Заказывайте, господа. А доставку я обеспечу.

– И скромный подарок юным принцессам, чтобы оттенить их красоту достойными украшениями.

Еще две коробочки.

Дорогой розовый жемчуг для старшей, черный – для младшей. Но суть была не в жемчуге. А в застежке. Эдоард осмотрел ее и поднял брови.

– Полагаю, девочки оценят. Очень удобно. Кто это сделал?

– Мой знакомый ювелир, ваше величество. И если вы прикажете...

Эдоард взмахнул рукой:

– Очень неплохо. Зайдите ко мне после приема, я хочу поговорить с вами подробнее....

Август поклонился, рассыпался в уверениях своей преданности и отступил назад. К выходу из зала, где его тут же атаковали придворные. Короля тем временем занял очередной проситель. И Август подумал, что выгодно отличается от присутствующих. Те выпрашивают милости, а он просто дарит подарки.

Да, потом Хельке оценят по достоинству. И он получит много заказов. Но это потом. Август и сам готов поторговать новинками, почему нет? Он-то знает, сколько и с кого можно взять. И ради родного дитятка расстается по полной.

Слово «маркетинг» было бы для Августа пустым набором звуков. Но он отлично знал высший свет.

Если что-то ввести в моду... почему бы и не перья?

И плевать, что половина дворян кое-как свое имя царапает! Главное – не как, а чем. Не простым гусиным пером, а изящной палочкой в бриллиантах.

Да и серьги.

Простите, но ни одна женщина не потерпит, чтобы у соперницы – было, а у нее – *не было!!!* В лепешку расшибется, мужу плешь прогрызет, но добудет.

И серьги с новой изящной застежкой мимо их внимания не пройдут.

Наверняка.

Али Ахмед посмотрел на своего помощника. Осторожно попробовал опереться на ногу.

Держала. И не болела. А хромота.... Ее просто не было!

Шаг. Другой. Третий.

– Господин, – склонился в поклоне Омар. – Вы не хромаете. Совсем...

Али согласился:

– Да. Графиня совершила чудо.

– Признаться, я ей не верил.

Али и сам не слишком верил. Но положенный Лилей срок в лубке вылежал. Вытерпел и массаж, и неподвижность, и боль. Не зря.

Все было не зря.

Он еще не опротивел Звездной Кобылице. И та послала ему Лилиан Иртон.

Али много размышлял об этом, пока лежал. И выходило так: если он останется хозяином для своих людей, ему придется крепко благодарить графиню. Впрочем... есть за что.

Надо бы плыть в Иртон. А по дороге зайти в Альтвер.

Мало ли что графиня еще придумала вместе с ювелиром, благодарность – благодарностью, а деньги никому не помешают.

Август ждал приглашения в приемной.

Лакеи были любезны, что означало королевское благоволение. Принесли засахаренные фрукты, пирожные, вино. Брокленд блаженствовал. Хотя и не сильно. После путешествия по морю его желудок до сих пор заявлял о себе в самый неподходящий момент.

Так что мужчина потягивал вино и ждал вызова.

Минут через двадцать его позвали пред светлые королевские очи.

Август послушно вошел в кабинет, раскланялся. Эдоард взмахнул рукой, приглашая его присесть:

– Садись, Август.

Август поклонился еще раз и присел на табурет.

Да, табурет. Что-то более серьезное барону не положено. Но табурет был обит бархатом и с мягким сиденьем. Если бы Эдоард был недоволен, его бы вообще сесть не пригласили.

– Чем я могу служить вам, ваше величество?

- Я опробовал новинку. Мне понравилось. Откуда это?
- Это придумала моя дочь.
- Что?!
- Да, ваше величество.
- Ваша дочь?
- Лилия, графиня Иртон. Она потеряла ребенка, сейчас живет одна, в глуши.
- Я в курсе. Она, кстати, выгнала докторуса, которого ей прислал супруг.
- Ваше величество, если Лиля мне и писала, то письмо еще не дошло. Но я полагаю, что у нее были серьезные причины.
- Неужели?
- Ваше величество, Лилиан – здоровая молодая женщина. С чего бы ей терять ребенка?

Король на миг задумался.

- Докторус сказал, что в результате падения с лестницы.
- Моя бедная девочка! Как же так получилось?!

Эдоард пожал плечами.

- Полагаю, голова закружилась. И предлагаю вам прочитать еще и это.

Его величество подвинул барону копию письма Тория Авермаля. Август пробежал его глазами и кивнул:

- Да, ваше величество. Я знаю.
- И что вы можете об этом сказать?

Что могут сказать родители о своих детях? Станный вопрос. Ровно через пять минут Эдоард пожалел, что его задал. По мнению Августа, женщины лучше Лилиан земля еще не носила. Умная, красивая,мышсленая, чудесный ребенок и не менее замечательная девушка. Короче, Джерисону Иртону досталось сокровище, которое он, паразит, не оценил. Запер жену в Иртоне и приезжал раз в год. А зря. Зря...

Вот, перья она придумала, застешку на сережки, может, еще чего изобретет. Умничка, вся в папу!

Эдоард своих эмоций не проявлял, но...

Информации становилось все больше и больше. И все более противоречивой.

Кому верить?

Кто прав?

Эдоард подумал...

- На дворе зима. И вызывать Лилиан Иртон ко двору я не буду. А вот летом, я надеюсь, она к нам присоединится. Я напишу ей приглашение и отправлю с прево.
- Ваше величество, это огромная честь для Лилиан и для меня...
- Графиня Иртон имеет полное право бывать при дворе и без моего приглашения. Просто она им ранее не пользовалась.
- Лилиюшка – тихая домашняя девочка.

Эдоард кивнул:

– Ладно. Приглашение я отошлю. А пока... Что у нас по фрегатам? Сколько заложено, сколько готово, что нужно для завершения строительства в более короткие сроки?

– Ваше величество, разрешите?

Август достал из поясной сумки свиток с записями, развернул его и принялся подробно отчитываться.

Эдоард внимательно слушал. И думал, что надо бы на все посмотреть сначала глазами доверенного человека, а потом и своими.

Кто врёт: Джес, изображающий жену истеричкой и дурой? Август, говорящий о ее уме и доброте?

С одной стороны, он – отец. Но Торий Авермаль не стал бы просто так рассыпаться в комплиментах.

Джес – супруг. Но Эдоард знал сына. Просто так он не стал бы плохо отзываться о жене. Или стал? Ему этот брак был не слишком нужен. Джес постарался для блага короны. И своего личного – тоже. Но не дурак ведь мальчик, чтобы не разглядеть душу в человеке? Или неприязнь к жене по расчету закрыла ему глаза?

Кто знает...

В любом случае, надо разобраться самому.

Джерисон, граф Иртон лежал на узкой корабельной кровати и смотрел в потолок.

Мечтательно.

Адель...

Сегодня у них все случилось. Вообще *все*. Правда, для этого пришлось приказать одному из своих воинов прижать в углу ее служанку. Чтобы не путалась под ногами. Но это мелочи. Ничего же с дурой не случилось, так, придержали часок.

И Адель наконец сдалась.

Она была такой хрупкой в его руках, такой изящной, а ее стоны.... Джес почувствовал, что все опять встает дыбом.

Но идти сейчас к Адели... Нет уж. И так потом час ее утешал. После любви она ударилась в слезы, причитая, что теперь он перестанет ее уважать, теперь она сама перестанет себя уважать, что она предала память покойного супруга, что такую ее никто не возьмет в жены.

Вообще-то он бы и сам женился. Но в графстве Иртон жила-поживала его супруга, а возможно, уже и его ребенок. Или еще слишком рано?

Кажется, рановато.

А, не важно. Главное – она была.

Джес с отвращением припомнил рыхлое расплывшееся тело под собой. Вечные слезы, молитвы, розовый цвет.

Почему ему так не везет с женами?

Первый раз он был помолвлен очень рано. Когда ему исполнилось восемь, был заключен его брак с Элизой Эрролустон. К сожалению, через четыре года девочка умерла от красной сыпи. Но брак все равно считался и признавался церковью.

Второй раз Джесу было пятнадцать.

Магдалена. Стройная брюнетка с пышными, несмотря на юность, формами. Джесу было

с ней хорошо. Магдалена много смеялась, ее темные глаза сияли добротой, а звонкий голос походил на звон хрустального колокольчика.

Ровно через два года она родила Джесу девочку. И умерла в родах.

Джес долго горевал. Но через четыре года отец опять заговорил с ним о свадьбе. И предложил ему Лилиан Брокленд.

Джес искренне удивился. С одной стороны – баронесса. Но титул ненаследуемый. Да еще перестарок. Обычно женщин выдавали замуж лет в пятнадцать. А тут... Восемнадцать, и еще в девках? Что-то не так?

Но Джайс объяснил.

Лилиан – любимое и единственное дитяtko. Позднее. От третьей жены. И до пятнадцати Брокленд просто не хотел с ней расставаться. Кроме того, она была в детстве очень болезненна. А потом, когда начал приглядывать женихов, столкнулся с серьезной проблемой.

Отдать дочь купцу? Не хотелось. Все-таки барон. Хоть пока и не потомственный, всего второе поколение, но барон. Август как бы завис между двумя мирами. С одной стороны – титул. С другой – занимается верфями и торговлей. Кошмар!

Так что сватались к нему определенно не те. Либо слишком бедные, либо вдовцы, либо младшие сыновья знати. Не то!

Сажать себе на шею бездельника-зятя Август точно не собирался. Вот еще не хватало. Зять должен был принять верфи после его смерти. И не разбазарить. Да и к Лиле многие из этих «женихов» отнеслись бы, как к заведомой отщепенке. Дочь торговца... зачем такое в семье?

Так что Август изволил перебирать, полагая, что с таким приданым и наследством Лилу и в сорок лет замуж возьмут. И не прогадал.

Джерисон его устроил со всех сторон. Молод, богат, не дурак, торговлей не брезгует, к королевской семье близок, да еще и граф.

И помолвка была заключена. Почти брак. Но тут посыпалось все, одно за другим, одно за другим. Недаром говорят, если Мальдонада кого полюбит, то воздаст сторицей. Джес явно ходил у нее в любимчиках.

Почти сразу после помолвки умер отец. И Джес вынужден был объявить глубокий траур. На год. Помолвку он, естественно, расторгать не стал. И собирался жениться по окончании траура. А пока мотался по всей стране. Он и не предполагал, сколь многое лежало на отцовских плечах. И торговля, и государственные дела. Эдоард доверял Джайсу Иртону. И так же доверился Джерисону. И мужчина из кожи вон лез, чтобы оправдать доверие.

Вроде бы получалось. Но увидеться с невестой времени не нашлось. Джес получил ее портрет и остался доволен. Пышногрудая зеленоглазая блондинка ласково улыбалась полными розовыми губами. Она ничем не напоминала его Магдалену, но так было даже лучше. Да и Август нахваливал дочь.

Лилия жила в Брокленде – подальше от городов. Там воздух был чище, да и спокойнее. А ехать туда Джесу было просто некогда и неохота. Спустя полгода после отца умерла и бабушка, жившая в Иртоне. Джес изучил наследство – при бабушке как-то ни он, ни отец туда не ездили – и остался недоволен.

Захолустье.

Денег с этой земли не выжмешь, разве что поохотиться приедешь. А так... Даже приличной гавани не сделаешь – рифы мешают.

К Мальдонаде такое наследство. Джес назначил управляющего и выкинул родовое гнездо из головы.

Приехал только к своей свадьбе.

Так вот получилось.

И разочарование было огромным.

Невеста оказалась раза в два крупнее, чем на портрете. Глаз почти не видно за пухлыми щеками. Она постоянно что-то жевала, краснела, мямила. Он попытался заговорить с ней, но куда там. Сплошное опускание глаз и невнятное бурчание. Джесу как-то не пришло в голову, что он безумно понравился невесте и та его просто стесняется. Застенчивость он принял за глупость, робость – за жеманство, а усталость после путешествия и несоответствие Лилиан его идеалу довершило дело.

В брачную ночь он выпил вина для храбрости и приложил все усилия, чтобы сделать наследника. Но с первого раза ничего не получилось.

Жена ничем не напоминала Магдалену, да и его подруг тоже. Она не смеялась, не радовалась его ласкам. Она просто плакала или лежала, как мертвая. Да, благородная дама не должна получать удовольствие в постели. Но Джес привык к другому.

Одним словом, не сложилось.

И трещина пошла шириться. Сначала узенькая, а потом все больше и больше. Супруга постоянно молилась, смотрела на него испуганными глазами, и Джес не понимал почему. Он не бил ее, не оскорблял. Но и выносить этого не мог. И отправил жену в Иртон. Куда бы и подальше отправил, но ссориться с Августом не хотелось.

Джес чувствовал себя в ловушке.

Чем дальше, тем больше росли отвращение и брезгливость. А невозможность их выплеснуть заставляла чувствовать себя загнанным оленем.

Не обидеть жену, не разозлить тестя – дядя Эд подчеркивал, что верфи важны для страны, да и Джес это понимал, но мучительно, так мучительно чувствовать себя частью сделки.

О чувствах Лилиан он просто не думал. Какие чувства, вы о чем? Жена ему не нравилась. Ему тошно было в ее присутствии.

Не то что Адель. Милая, нежная, хрупкая. Но что он может ей предложить? Любовница, всего лишь любовница. Он в ловушке. Увы.

И развестись ему не удастся. И избавиться от дуры-жены тоже. Чтоб ее Мальдоная прибрала!

Дура-жена в это время опять перечитывала письма Джайса к матери.

Что-то ее цепляло в порывевших строчках. Что-то было не так. Почему бабка не любила ни одного из своих внуков? Почему она так негодовала?

Любовница? Ну и что, не так уж страшно. Все ж королевская фаворитка, а не в борделе работает. И это... «Альдонай дважды благословил нас...»

Джесси просила прощения, говорила о своем счастье: «Я снова буду счастлива...»

Наконец Лиля разложила все письма по датам и принялась внимательно их перечитывать, подчеркивая наиболее подозрительные места. А потом и выписывая для себя вопросы.

Почему Джайс ни разу не привозил детей в Иртон?

Почему мать, более-менее нормально относившаяся к сыну, не интересовалась внуками?

Почему ни разу не написал о беременности своей супруги? Почему он вообще о ней почти не писал? Алисия Уикская – и все. И кратко – «Альдонай благословил меня сыном,

дочерью»... то есть сначала-то дочерью. Не похоже это на счастливого отца. А что она знает о местных папашах?

Да ничего.

Лиля задумчиво кусала губы. Что-то ей не нравилось. Терзало ощущение неправильности.

Черт! Информации не хватает капитально! А информация о дорогом супруге ей нужна вся. Какую только собрать удастся.

Надо написать Хельке еще и об этом.

Пусть разузнает подробнее, что там случилось в благородном семействе Иртон. Ну побыла Джесси любовницей принца. Даже если бы она от него родила, детей признали бы бастардами. И ничего страшного. Не он первый, не он...

Пришедшая в голову идея была невероятна. Настолько, что Лиля боялась в нее поверить. А если....

Если ее супруг и есть сын короля и Джесси? Может такое быть? Скажем, с женой детей бог не дал или чтобы избежать еще большего позора.

Лиля срочно вызвала Эмму. И после расспросов выяснила, что внебрачный ребенок, даже от короля, тут считается позором. Да, признать его – признают. Но даже королевский бастард будет считаться в лучшем случае каким-нибудь бароном. А его матери достанется. И сильно.

Все-таки тут не Версаль, где бабы еще и хвастались количеством королевского приплода.

Женщина, родившая вне брака, даже если она вдова уже лет десять как, считалась отверженной. То бишь блуды, но предохраняйся.

Мог ли брат выручить сестренку?

Могла ли мать на это сильно прогневаться?

Запросто.

Но слишком уж много допущений надо сделать в пользу этой версии. Жизнь – это не литературные романы, где такие рояли находились под каждым кустом.

Лиля вздохнула. И в очередной раз принялась листать странички старых писем. Письма, бухгалтерские книги, данные для которых ей исправно поставляла Эмма, обучение той же Эммы основам нормального ведения приходно-расходных колонок, беседы с пастором и ежедневные молитвы... вот уж бесполезное занятие.

С другой стороны, пастор многое и рассказывал ей. О местных законах, нравах, обычаях. Он просто рассказывал истории из своей жизни. Но каждая содержала крупинцы бесценной информации.

Лиля узнала, что на своей земле она – суд и последнее слово, но только в отсутствие мужа. Узнала, что женщина, если она замужем, может распоряжаться так называемой «девичьей долей» – иногда некоторые отцы вкладывали деньги в купеческие дома, чтобы их дочка получала доход на булавки, или дарили девушке участок земли. Но муж мог обрубить эту халяву в любой момент, если все не оформлялось должным образом.

Одним словом, для Лили все замыкалось на отца. Она должна была сделать его своим союзником.

Потому что Лиля понимала, что ее супруг – неизвестная величина. Договариваться с ним придется. Никуда не денешься. Но чтобы не попасть, надо хоть что-то о нем знать. А как?

Воспоминания были однобокими. Да и мало их было. Как обрывки памяти на старом завирусованном носителе. Если целая страничка и встречается, то судить по ней обо всем документе не стоит.

А расспрашивать окружающих? Как?

Ладно еще, она может поинтересоваться, как там дела у супруга. Кстати, это она из Ширви вытрясла всю информацию по делам мужа помимо сведений, где конкретно воровал товарищ. Как? С помощью вирман и раскаленного железа. Очень убедительно.

Но о супруге это не давало никакого представления. Да, занимается верфями. Вроде как у него есть свой полк. Король ему доверяет. Граф Иртон очень занят.

И в общем-то все.

Что он любит, что ненавидит, чего хочет, о чем мечтает, на что у него аллергия? Этого узнать не представлялось возможным. Не станешь же расспрашивать о таком у слуг. Она, простите, не Штирлиц. А посему рассказывала сказки Миранде. С провокационными вопросами. А как бы сделал папа? А папа тебе сказку рассказывал? А что бы папа сказал или подумал?

Отца Мири любила. И говорила о нем много и охотно. Хотя и не слишком информативно. Папа сильный, папа умный, папа часто ездит по стране, папа любит короля.

А из кого бы еще выкачать информацию, Лиля не представляла.

Подозрения – вещь страшная. А она их и так вызывает больше, чем надо. Наверняка. Чего уж там, графиня из нее... как из графина!

Эх, не везет. Тяжко жить на белом свете.

Хельке смотрел на градоправителя серьезно и внимательно. Говорить – или нет?

Сначала попробуем прощупать почву.

– Достопочтенный Торий, ваша доля прибыли за последние пять дней.

Барон улыбнулся. Погладил приятно звякнувший мешочек:

– Эх, маловато.

– Пока то, что мы продаем, неизвестно людям, – повторил Хельке за графиней. – Как только распробуют, будет лучше. Но сейчас мы работаем на перспективу.

– Полагаю, когда эти вещи войдут в моду, мы получим в десять или двадцать раз больше.

Барон расплылся в нежной улыбке.

М-да. Прибыль свою он любил нежно, ласково и искренне. И Хельке решил рискнуть.

– Господин барон, до меня дошли страшные слухи.

– Какие?

– Некто собирается поджечь мою мастерскую. А меня просто убить.

– И кто же? Можем арестовать и допросить.

На Хельке градоправителю было плевать три раза. Живой, сдохший... эввир и есть эввир. Но вот свои доходы от общего дела...

Хельке молчал.

– Кто?

– Говорят, что однажды у госпожи графини произошел конфликт с некими молодыми людьми, – робко намекнул ювелир.

Барон осознавал его слова несколько секунд. А потом покраснел и вскочил на ноги. Скажи Хельке хоть слово, Торий в порошок бы его стер. Но ювелир молчал. Просто

молчал. И мужчина с ужасом понимал – не врет. Ни капельки не врет.

Торий Авермаль взгляделся в ювелира. Пристально. Гневно.

Хельке не отвел взгляда.

– Кто сказал?

– Простите, достопочтенный Торий.

Поклон был низким и глубоким. Но Торий понял – источник ювелир не сдаст. И едва не взвыл от гнева. А потом призадумался. Не был бы барон градоправителем, если бы давал себе гневаться по каждому поводу.

А ведь Хельке – умница. Хельке мог уехать, мог еще что-то сделать, мог... А вместо этого он предупреждает барона с риском попасть под его гнев. Если бы Дарий решил и правда поджечь мастерские, барону пришлось бы приговорить его к сожжению. Согласно указу его величества Гендриха Третьего поджигатели должны испытать на себе свой огонь. А потому, если человек поджег чужой дом, надо его взять и сжечь на пепелище.

Указ был издан после того, как от поджога сгорела половина королевского дворца. Ну и по мелочи – пара кварталов столицы. И оправдания тут не заслушивались.

– Я проясню этот вопрос.

– Я буду вам весьма признателен, господин барон.

Хельке кланялся. А барон думал, что ему повезло. Если бы Дарий действительно... Барон знал способности сына. Он даже спланировать нормально не смог. А уж исполнить... Смешно.

Сегодня у него с сыночком будет серьезный разговор.

Но Хельке и правда придется уехать. Но вот куда...

– Господин барон, графство Иртон недалеко.

Барон посмотрел в глаза эввиру. Темные. Умные и ясные.

Да, не аристократ. Но и далеко не дурак. Чем, увы, грешат многие благородные господа. А жизнь градоправителя в захолустье быстро лишнюю спесь выбивает. Не из всех. Но Торий себя дураком не считал.

– Иртон...

– Да. А если вы сможете помочь с реализацией...

Барон кивнул:

– И с перевозкой тоже?

– Достопочтенный Торий, вы просто читаете мои мысли.

– Почему бы нет. Но полагаю, что мой процент придется чуть повесить.

– Господин, вы меня без ножа режете.

– Да неужели?

– Я должен узнать, что скажет госпожа графиня.

Торий опять кивнул.

– Почему бы не отписать ей? А я пока поищу капитана, который согласится вас доставить до места. Лучше путешествовать по реке, а не по суше.

Хельке был полностью согласен.

Дарий Авермаль в тот же вечер был выпорот еще раз и посажен (а точнее положен) под замок. На хлеб и воду. Пока не поумнеет.

Лежать Лиле надоело. А вставать пока не получалось. Ибо перенапрягшаяся тушка реагировала температурой и общей слабостью. Поэтому влетевшую в комнату служанку с вытаращенными глазами она приняла как приятное разнообразие.

– Ваше сиятельство! Вирмане!!!

Лиля хлопнула ресницами:

– И что?

– Вирмане, ваше сиятельство!!!

– Я понимаю. И что?

– Они стоят за воротами, капитан стражи отказывается их впустить, а главный у вирман – громадный такой, страшный, – говорит, что у них с вами уговор.

Лилю снесло с кровати. И она в очередной раз поблагодарила девушек-швей за комплект одежды. Накинуть, затянуть завязки с помощью служанки и с ее же помощью рвануть на стену под причитания...

– А он говорит – уговор, а Лейс говорит, что никого не впустит, а вирмане наши хотели их впустить, так тех солдаты окружили.

Мне только драки не хватало!

Лейс Антрел стоял на специальной пристройке над воротами и всю ругался с кем-то невидимым.

– Графиня... решит... – донеслось до Лили.

И она рванула вперед.

На стене, которую упорно восстанавливали, были все обитатели поместья. О графине, понятно, забыли. А что? Поругаться – оно важнее, факт!

– Прекратить!!! – во всю мощь легких заорала Лили. – Дорогу графине!!!

– Дорогу графине Иртон!!! – присоединила свое сопрано Мэри. И люди начали расползаться в стороны.

Неподалеку от ворот Лили увидела «своих» вирман, окруженных солдатами, как дикие звери собаками на охоте. А нечего открывать ворота.

– Лейс!!! – взвыла уже Лили. – Так и этак, какого-растакого...

После кратенькой матерной тирады минуты на две Лейс соизволил обратить на нее внимание. Развернулся. Показал кому-то за воротами неприличный жест. Спустился к Лиле. И даже поклонился.

– Госпожа графиня, там вирмане...

– И тут тоже. – Лили ткнула пальцем в сцену «собаки травят кабанов». – Какого... ты в своих целишься?!

И не сдержавшись, добавила пару ласковых.

Мат был выслушан стойчески.

– Они хотели открыть ворота.

– Понятное дело. А словами запретить нельзя было?

- Так это, ваше сиятельство... они... того... - от волнения мужчина даже начал заикаться.

- Опустить оружие!!! - рявкнула Лиля так, что едва не сорвала голос. - Живо, чтоб вас!!! Междоусобицу устроить решили?

Вирмане устыдились первыми. Мечи и топоры поползли за спину.

- Вот так... И послушали меня. Олаф, Ивар, за неподчинение приказу капитана замка - штраф в одну серебряную монету. Лейс, за идиотскую обстановку - то же самое. Что во дворе за бардак? Цирк приехал с клоунами и плясками? Живо все по своим местам!

Что такое цирк, никто не понял, но расплзаться начали. Пусть и нехотя. Графиня явно была не в духе.

- Лилия!

Миранда?! Ну еще бы!

Лилия подхватила девочку на руки. И тут же об этом пожалела. Рубец словно когтями рвануло. Швы разошлись? Вот уж некстати.

- Мири, где Марта?

Марта уже спешила за девочкой, заламывая руки:

- Лилиюшка! Да как же это...

- Няня, - отчеканила Лилия, - возьми малышку. И во дворе не показывайтесь, пока я сама за вами не приду.

- Я не малышка! - возмутилась Мири.

Лилия щелкнула ее по носу:

- Разумеется, нет. Поэтому послушай меня. Ты сейчас должна пойти и предупредить пастора Вовлера. Чтобы он был готов бежать на всякий случай.

- Вирмане же хорошие?

- Наши - да. Но там что-то непонятное. Так что предупреди пастора и иди в мою спальню. А там возьми ящичек с украшениями и жди меня. Мало ли что...

Мири закивала. Марта выдохнула. И уже уводя ее за ручку, обернулась. Бросила на Лилию странный взгляд. Но девушке было не до того.

- Так. Ребенка убрали, здесь все в порядке? Не сцепитесь?

Мужики наперебой замотали головами. Оно и понятно. Вирмане за это время стали если не своими, то и не чужими уж точно. И появление графини заставило всех прийти в себя.

Лилия посмотрела на Лейса:

- На стену подняться помоги.

Женщину пошатывало, но для слабости было не время. Держаться и держаться. И никак иначе.

А со стены была видна идиллическая картина. Лейф - эту глыбу ни с кем не спутаешь. Рядом Ингрид. Другие вирмане с женами. А рядом с Лейфом...

Лилия прищурилась.

Пообещала себе изобрести рупор. А пока сложила ладони, приставила их ко рту и заорала:

- Лейф!!! Здоровья, друг!!!

Лейф поклонился. Ингрид замахала рукой.

– Ваше сиятельство!!!

– Да это понятно, что мое. А кого вы сюда приволокли?

Лиля смотрела на такого же матерого мужика рядом с Лейфом. Только весьма потрепанного жизнью. Морда перевязана, рука тоже на повязке, и десяток таких же раненных в битвах.

– Это мой приятель. Эрик Торвсон.

– И что он здесь делает?

Доверчивостью Лиля уже не страдала. И Лейса тут же оправдала. Своих – и то впускать после ее разрешения. А уж чужих-то...

– Мы встретили Эрика в море.

Лейф легко обходился без рупора. И Лиля быстро узнала, как корабль Лейфа попал в шторм, как они пережидали непогоду в каком-то заливчике, а потом, через два дня, когда вышли в море, встретили корабль старых друзей. А именно Эрика. Сначала его потрепало тяжелой дракой, в которой они-таки взяли приз, а потом – бурей. Буря, в отличие от противника, корабль не пощадила. И оставила без мачт и без трети воинов, попросту смытых за борт. Часть бочек с пресной водой дала течь. Оставшиеся в живых уже готовились побеседовать с богами, но тут появился корабль Лейфа.

Все претензии к богам тут же были сняты. Лейф взял приятеля «на буксир», но на Вирму-то ему было нельзя. Поэтому плюнули и поплыли в Иртон. Хотя и вдвое медленнее, чем хотелось бы. И теперь Лейф просит у госпожи графини разрешения для своего приятеля.

На что?

А на что дадут. Попить, а то так кушать хочется, что жить негде, да и не с кем... Э нет. Последнее – фигушки. А остальное...

– А сами?

– Чинить корабль надо. А у меня от команды хрен да редька, – прогудел Эрик. – И те все пораненные. Поэтому и милости просить решил. Отработаю, в долгу не останусь.

Лиля задумалась. Посмотрела на Лейса:

– Что скажете, капитан?

Антрел пожал плечами:

– Вирмане своего слова не нарушают. Считают, что, если кого предадут, – им в море пути не будет. Удачи лишатся.

– И что вы предлагаете?

– Корабль им потрепало сильно, чинить долго. Сезон штормов начинается, зима на носу. Ваше сиятельство, предложите им перезимовать в Иртоне. Лишними не будут, возьмете под свою руку, к дружине припишем, мне же легче будет народ гонять. Вы-то семейных наняли, – о проблеме Лейфа в Иртоне знали уже даже вороны на крыше. – А эти – чистые волки. Предложите им зимовку на своих условиях, наймите – не пожалеете.

– А если они захотят Иртон в ножи взять, а добычу на корабль?

Лиля с подозрением осматривала Эрика и его сопровождающих. Выглядели они так, что в темном переулке встретишь – сам там и сдохнешь. От одного впечатления. Хотя все вирмане в этом похожи. Все здоровущие, накачанные, в шрамах, с добрыми улыбками голодных людоедов. Просто к Ивару, Олафу, Лейфу, Гэлу... да, к «своим» вирманам она уже привыкла. А к новым...

- Сколько у вас людей? – проорала Лиля, обращаясь к Эрику.

- Два десятка. А здесь со мной десятков.

- Сейчас спущусь вниз, для переговоров, – рявкнула Лиля, понимая, что больше орать не сможет.

И через десять минут ее спустили к вирманам в специальной «люльке». Лиля вцепилась в веревки, изо всех сил раскрыла глаза и стала вспоминать про себя латинские поговорки. Только бы не заорать.

Почему-то высота ей тоже не понравилась. Такой тушкой с любого этажа навернешься – по камням расплескаешься. Хотя уже и намного лучше. Весов, жаль, нет. А так ясно, что меньше ста килограмм осталось. И подбородков уже два, и талия явно уже, и живот меньше.

Страшно, мамочки...

То, что до нее спустили уже четверых солдат для охраны и самого Лейса, не успокаивало. Вдруг веревка именно сейчас порвется? Или предел прочности кончится?

Вскоре Лиля стояла на поляне. Пошатнулась, оперлась на Лейса, а потом выпрямилась. Вирмане подходить не спешили, демонстрируя миролюбие. И правильно. Хватит одного идиота на стене с луком и драными нервами. Стрелы – они неграмотные, куда пустили, туда и полетит. Так что...

- Ваше сиятельство. – Лейф поклонился, когда Лиля подошла почти вплотную.

Лиля взмахнула рукой.

- Лейф, это Лейс Антрел. Он капитан стражи замка. Я предлагаю вам найти общий язык и поделить обязанности. Например, Лейс будет охранять замок, а вы – патрулировать округу. Сами решите. Конфликтов я не потерплю. Договаривайтесь.

И перенесла внимание на Эрика:

- Как вы оказались в нашей местности?

- Так Вирма неподалеку. Из Ивернеи шли. Срок найма кончился, вот и решили домой съездить, а потом уж нового хозяина искать, – пробасил мужик. – Да до штормов не проскочили.

Лиля смотрела на него, задрав голову. Рядом с таким кажешься себе маленькой и незаметной. Несмотря на сто кило. В нем – как бы не в полтора раза больше. И все – мышцы. Один рост под два метра. А то и побольше. Петра Первого товарищ бы морским узлом завязал.

- А если я вас найму? Послужите до весны?

- Чего ж нет. А жалованье как Лейфу положите?

Лиля вздохнула и решительно тряхнула головой, отгоняя некстати зашипевшую в уши жабу.

- Положу. Но с условием. Я тут главная, мой приказ не оспаривается, а Лейс мой капитан, его также слушать. Не будете – выгоню.

- Будем. Можем на крови над костром поклясться.

Лиля не знала, что это значит, но кивнула:

- Хорошо. Поклянетесь.

- У меня часть команды ранена.

- Да и вы тоже...

– Это пустяки.

Лиля смерила взглядом повязку на руке. Может, и пустяки. Кто знает.

– Раненых подлечим. У нас травник хороший. Травница в деревне есть. Два десятка бойцов мне не помешают. Только вот казармы еще не готовы. Со строительством придется помочь. Пока поживете в замке, но только пока все не поправятся.

– Когда клятву принимать будете?

– Вечером. – Лиля вздохнула. Слабость одолевала все сильнее. – Лейс! Лейф!

Мужчины развернулась к ней.

– Я нанимаю Эрика на службу. Главный в замке – Лейс Антрел, капитан моей стражи. Ему подчиняться, как мне.

И едва не добавила любимое отцовское: «Приказы не обсуждаются!»

В голове шумело все сильнее.

– Что нужно для клятвы?

– Да ничего. Как стемнеет, костры разожжем. Раненых можно в замок?

– Можно. Капитан, скажи Эмме, пусть она всех устро...

Договорить Лиля не успела.

Почему-то земля очень быстро ринулась к лицу.

Стукнуться носом об землю графине не дал Эрик Торвсон. Подхватил и теперь держал на руках. Не приходилось ему приводить в чувство благородных дам. Тем более таких, которые *действительно* в обморок падают. А Лиля не притворялась. Он видел, как закатились глаза женщины, как побледнело лицо...

Вообще, идя сюда вслед за Лейфом, Эрик на такое не рассчитывал. Дали бы починиться без помех.

И уплыть. А найм...

Эрик не удивлялся, что вирманам не доверяют. Чего уж там, грешны. Нанимателю они верность сохраняли до конца. Но если им по дороге попало авестерское корыто... Что ж и не взять на abordаж? Дело-то житейское. Конечно, там неплохо сопротивлялись. А потом еще шторм налетел. Кому нужна команда, где на трех здоровых семнадцать раненых?

Хорошо, что им подвернулся Лейф. А то Эрик уже разговаривал бы с богами. Считайте сами. Мачт нет, корабль движется, куда ему больше понравится, починить его в море возможности нет, весла есть, так ведь посадить на них некого. Человек десять грести могут, а остальные – увы. Да и те, кто могут, толку-то с них? Воды тоже хватит ненадолго. Даже самим вирманам. А ведь они еще добычу взяли. Человек десять пленных. Которых можно было бы неплохо продать в Даркоме или Ханганате. А что дальше?

Корабль Лейфа оказался спасением. Эрик давно не был на Вирме, поэтому новости выслушал с интересом. И узнав, что другу нельзя там появляться, пригорюнился. И попросил Лейфа дотянуть их до Альтвера. Хоть там перезимовать.

Лейф подумал. И предложил старому знакомому другой выход. Иртон. Хорошую хозяйку, тихое место и щедрую оплату.

Эрик засомневался, но какой у него был выбор?

Два корабля тащились до Иртона больше десяти дней. У Лейфа был груз на борту. А второй корабль и вовсе ухудшил положение.

Потом они поднимались по Ирте на веслах. С громадным трудом перетащили корабли через несколько мелей. И наконец высадились неподалеку от замка.

Сначала Эрик ждал худшего. В замок их не пустили. А тип, назвавшийся капитаном замковой стражи, разговаривал весьма неласково. А потом на стене появилась *она*. Полная женщина в белом и зеленом, с толстенной золотой косой. Лилиан Иртон.

И все тут же стало налаживаться. Уже все смотрели друг на друга более-менее спокойно. Не злились и не угрожали. А потом она спустилась со стены и пошла к вирманам. Не боясь ничего и полностью полагаясь на своих людей.

Солнце играло на золотых волосах, превращая их в корону. Розовые губы улыбались, а глаза были абсолютно серьезны.

И было в ней что-то такое... Внутренняя сила? В любом случае, Эрик не мог оторвать от нее глаз. Она шла, а он смотрел и не мог произнести ни одного слова. Наваждение кончилось, когда она заговорила. И принялась расспрашивать его. Голос тоже оказался красивым. Глубокий, грудной, теплый. словно горячее вино с пряностями. Эрик взял себя в руки, вспомнил, что за ним его люди, и принялся отвечать на вопросы.

Все складывалось замечательно. Эрик пообещал себе честно отслужить за добро. Когда вдруг... От лица женщины внезапно отхлынула кровь. Она побелела, как молоко, и тяжело осела на землю. Эрик едва успел подхватить ее и стоял дурак дураком, не представляя, что делать дальше.

От нее пахло травами. И она была такой...

Графиня Лилиан Иртон...

Какая же она... красивая?

Выручил Лейс Антрел, который подхватил графиню с другой стороны.

- Ее сиятельство была ранена, рана еще не зажила. Ее надо в замок. Вы договорились?

- Да. Ее сиятельство берет меня на службу. Я ей дам клятву на огне и крови.

Лейс чуть расслабился:

- Когда?

- Нынче же вечером.

Эту клятву вирмане старались не нарушать. Боги прогневаются. Коллизий в будущем это не исключало, но все-таки было спокойнее. Чуть-чуть.

- Хорошо. Помогите отнести ее сиятельство в замок.

Капитан замахал рукой, и ворота начали открываться, немилосердно скрипя.

- Что с графией? - Ингрид смотрела на женщину с состраданием.

- На ее жизнь покушались. Она была серьезно ранена, - объяснил Лейс. - Ей вообще нельзя пока вставать с постели.

- У меня есть травы.

- У нас тоже есть травник. Джейми!

Из ворот уже бежал молоденький парнишка, придерживая рукой тяжелую сумку.

- Ну-ка остановитесь!

Достал из нее флакончик с нюхательными солями и поднес к носу графини. Та несколько раз вдохнула, чихнула и приоткрыла глаза.

– Я что, в обморок упала?

Лиля сначала не поняла, что происходит. Почему она на руках у какого-то громилы? И где?

Потом память вернулась, и женщина принялась распоряжаться:

– Эрик, поставь меня на землю. Лейс, принимай пополнение. Лейф, Антрела надо слушаться. Кстати, поговори с Эриком и Лейсом и организуйте доставку раненых в замок. Джейми, ты уже понял, что у тебя будет большая практика?

Все закивали. Лиля кое-как поднялась на ноги. Вдохнула.

– Ингрид, проводи меня до моей комнаты. Не будем отвлекать мужчин. Как сделаете, пусть Лейф зайдет, отчитается.

Ингрид закивала, подхватила Лилу под руку, принимая на себя часть ее веса, с другой стороны пристроился Джейми, и процессия поползла к воротам.

Во дворе их встретила бледная от волнения Эмма:

– Госпожа...

– Эмма, это Лейф. Это Ингрид.

Лиля невежливо тыкала пальцем. Ну да черт с ним, с этикетом.

– Помнишь, я говорила, что вирмане приедут? На лужайке там еще кучка. Ты сможешь их устроить?

– Да, ваше сиятельство. И вдвое больше устроим.

– Отлично. Тут у нас еще двадцать раненых образовалось, о них надо позаботиться. Потом зайдешь, расскажешь, что и как.

Эмма развернулась и пошла, на ходу отдавая приказания служанкам.

А Лиля поковыляла в свою комнату.

Что за судьба такая – в каждой бочке затычка?

В своей комнате Лиля опустилась в кресло и чуть расслабилась.

– Как вы, ваше сиятельство?

Голос Ингрид был полон сострадания.

Лиля взмахнула рукой:

– Жить буду. У вас все в порядке?

– Да, ваше сиятельство. Хотя много мы с собой привезти не смогли, но барон Авермаль обещался снарядить корабль.

Лиля вздохнула.

– Ладно. Подкинули вы мне свинью с этим Эриком.

– Ваше сиятельство...

– Мое. Вот что, Ингрид. На морском побережье строится коптильня и солеварня. Они будут на тебе. Дело в принципе привычное.

– Солеварня?

- Выпаривать соль будем. А то она дорогая. Скоро рыба на нерест пойдет?

- Очень скоро.

- Вот. Рыба, птица – дело привычное. Его я на тебя и взвалю. Бери своих женщин, организовывай, если кто из деревень понадобится – тоже бери, но чтобы ни гусей, ни карасей мне не упустили.

Лиля сопровождала слова мягкой улыбкой, показывая, что шутит.

Но Ингрид была серьезна:

- Ваше сиятельство, я понимаю, вы не рассчитывали на такое количество людей.

- Да. Вас я считала. Но у Эрика еще два десятка.

- Больше.

- Больше?

Расспросить Лиля не успела. В дверь постучали.

- Войдите!

- Ваше сиятельство.

Эрик. И Лейс. Лиля закатила глаза.

- Чего надо?

Эрик смотрел спокойно.

- Ваше сиятельство, с последней добычей мы захватили несколько людей.

- Несколько?

- Мы напали на судно, а это оказался корабль работорговцев.

Лиля встрепенулась. Интересно – это те, которых ждал Эдор? Или не те?

- Они шли сюда?

- Нет. Полагаю, что в Авестер, Дарком или Ханганат. Там рабство официально узаконено.

- Ну да. А у нас не так официально.

Эрик пожал плечами.

- Конечно, вы их тоже можете объявить рабами или своими крестьянами. Но официально рабства у вас ведь нет.

- Можно подумать, на Вирме оно есть, – съязвила Лиля.

- Немного, но есть.

Лиля чертыхнулась про себя. Расслабилась? А ты ведь *должна* это знать. А не расспрашивать!

- Ладно. Что вы собираетесь делать с этими людьми?

- Подарить вам, ваше сиятельство. Там человек двадцать.

Единственное, что смогла Лиля, – это выругаться!

Эрик смотрел на женщину, сидящую в высоком кресле.

Умная. Лейф не соврал. С ней можно иметь дело. Очень умная. Немного странная, это

да. Не знает того, что знает каждый.

Но может быть, это воспитание?

Эрик примерно представлял, как растут дочерей аристократов. Как редкостные цветы. За высокой оградой, где-нибудь в глуши, чтобы они были невинными и трепетными. А вот знания им не обязательны. Насмотрелся в Авестере, пока охранял. Ни знаний, ни здравого смысла, разве что могут вышивать да глазками хлопать. И то последнее недостойно истинной леди.

Так что ограниченность вполне объяснима. А вот ум и ее отношение к людям – это уже сложнее. Но приятно. А то надоело уже за несколько лет вдали от Вирмы. И косые взгляды, и высокомерный тон, как будто тебе одолжение делают. Хотя некоторых сопляков плевком перешибить можно. Но гонору! Но спеси!

Идею с рабами ему подсказал также Лейф.

Если бы Эрику удалось дойти до Вирмы, проблем не возникло бы. Там рабочие руки всегда пригодятся. А в Ативерне рабов нет. Поэтому надо что-то придумать. Держать в темнице? Передохнут. Убыток. Зачем тогда кормили, тащили... Невыгодно! Уговорить графиню? Интересно на что? Мы тут немного пленных захватили, вы их рабами не подержите?

В Ативерне официально рабства нет.

Так что проще всего было свалить эту заботу на чужие плечи. Что Эрик и сделал.

И наблюдал за сменой выражений на лице графини.

Удивление.

Недовольство.

Злость.

И неподвижная каменная маска безразличия.

Интересно, что она скажет?

Лиля сказала бы многое. Но – нельзя. Нельзя. Поэтому она спросила по возможности спокойным тоном:

– Кто они?

Эрик посмотрел с удивлением.

– Не знаю. Там было два десятка рабов. Несколько сдохли. И работорговцев.

Лиля прикусила ноготь.

– Можете отделить одних от других?

– Да, ваше сиятельство.

– Отлично. Устраивайте своих людей в замке. Всех пленных пока в подземелье – Лейс покажет куда. Потом я разберусь, кого выпустить, кого оставить.

Лиля отлично помнила, что скоро приедет королевский представитель, и, наверное, его заинтересует такая мелочь, как работорговцы.

– Много у вас раненых?

– Много, ваше сиятельство.

– Лейс, пожалуйста, распорядись. Пусть Джейми посмотрит.

Кто знает, чего стоил Лиле этот приказ. Джейми. Не она. А ей пока нельзя.

Одно дело – непроизвольно кидаться на помощь. Другое – здесь и сейчас. Она не может показать свои познания в медицине. Никак не может.

Девушка не забыла взгляд Марты. Им надо побеседовать. Еще раз.

Лейс кивнул:

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

– И пришли ко мне Эмму. Пусть, как всех разместит, придет, доложит.

– Хорошо, госпожа графиня.

– Свободны.

Лиля взмахнула рукой. Мужчины вышли. А женщина откинулась в кресле. Плохо. Очень плохо.

Девушка привычно потянулась к пергаменту. Так думалось легче.

Первое. Денег мало.

Второе. Войско увеличилось. Вопрос – на кой ляд оно ей? Воевать будем?

С другой стороны – работорговцы. Лиля покусала губы. Эдор... Что же ты замутил здесь? Почему люди так спокойно смотрели на продажу своих детей в рабство? Если бы моего ребенка... Да я бы все с землей сровняла. А с другой стороны...

Скрипнула дверь. Лиля подняла голову.

– Марта?

Лонс Авельс с ужасом наблюдал, как открывается крышка люка.

Страшно?

Не то слово. Один морской бой он уже пережил. А второй...

Зачем их вытаскивают в этот раз?

Он не знал. Но подозревал, что ничего хорошего не будет. Он просто сходил с ума в душном трюме. Плохая вода и еда, нехватка воздуха. А потом шторм. Это было по-настоящему страшно. Лонс прислушивался к буре снаружи и понимал. Никто не станет их спасать, если что. Бросят подыхать с тонущим кораблем.

Самое страшное в рабстве то, что от тебя ничего не зависит. Ты уже не хозяин своей судьбы. Вообще. Ты полностью зависишь от чужих решений.

Шторм принес свои плоды.

Их отнесло от берега. Далеко. И они наткнулись на корабль морских волков. Вирмане.

Лонс слышал звуки боя и опять испытывал дикий страх. О вирманах говорили многое. Что они убивают всех. Что топят захваченные корабли. Что после воздержания в море пользуют пленников противоестественным способом.

И когда открылся люк, Лонс ожидал всего, чего угодно. Но их просто вытащили из трюма и перегнали на другой корабль, как скот. Так же покрикивая и подгоняя пинками.

Вирмане в них просто не видели людей.

Вообще.

И это тоже было страшно.

А потом... качка. Шторм. Скудная пища. Гнилая вода.

И смерти. Порядка десяти смертей.

Почти каждую ночь кто-то умирал. Кто от ран, кто от слабости. Лонс знал, что тоже долго не протянет. Слабость подтачивала и его. Мужчина воспринимал все происходящее как-то... обрывками. А из чувств остался только страх.

Но смерти он уже не боялся. Только боли.

Вирмане вытащили их из трюма и стали толкать к сходням. Лонс не верил своим глазам. Он дышал чистым воздухом. Вокруг была природа. Жизнь.

Альдонай, как же он раньше этого не ценил. Хотел чего-то грандиозного... А ведь важно другое.

Хотя бы глоток чистого воздуха. Вот этот...

Вирмане куда-то вели своих пленных. И Лонсу казалось, что этот путь никогда не кончится. Но ему и не хотелось, чтобы все кончалось. Он просто шел.

Пока не оказался перед замком.

– Иртон, – произнес один из вирман.

Иртон?

Авестер? Явно не Дарком, не Эльвана, не Ханганат. Там другие названия в ходу.

Да, Авестер или Ативерна.

Но что происходит?

Там же рабства нет?!

Вирмане провели их по двору замка и отвели в темницу. Впрочем, Лонс был не в претензии. После ежедневной качки, после темноты трюма и скученности...

Отдельная камера с кормежкой, соломенным тюфяком и даже факелом показалась мужчине верхом роскоши. Он жадно съел все, что дали, выпил чистой ледяной воды и упал на тюфяк.

Спать, спать, спать. Восстанавливать силы.

Что бы его ни ждало – такой, как сейчас, он ни на что не способен. А ему надо вернуться в Уэльстер. Найти Анель.

Жену он не бросит.

Лиля смотрела на нянюшку. А няня – на женщину в кресле.

И подмечала расхождения с любимой с детства девочкой.

Другой поворот головы, другой взгляд, другие жесты... Даже вот эти поднятые брови. У Лилюшки никогда так не получалось.

И командовать Лилия так не смогла бы. И приказывать тоже.

Тихая, домашняя девочка. Богомольная и послушная. И – это.

Марта первая нарушила молчание:

– Кто ты?

Ответ не задержался ни на минуту:

– Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон.

Чего это стоило Лиле – бог весть. Но выбора не было. Или пан, или пропал.

– Нет. Ты – не она.

Марта говорила почти уверенно. Почти. И вот за это зацепилась Лиля.

– Да неужели? И кто же я?

– Не знаю. Я ходила к ведьме, когда Лилиюшка умирала. Просила снадобье. И она предупредила, что результат может быть самый разный. Ты... ты не похожа на Лилиюшку.

Ну не похожа. Но и не признаюсь. Благо, отрывки памяти реципиента Лилия воспринимала почти как свои.

– А кто же я? Няня, я ведь все помню. Помню, как ты учила меня молитвам. Как я ненавидела овсянку. Как устроила скандал, когда вместо розовых цветов ты принесла мне желтые, мне тогда пятнадцать было, как отец не хотел меня до шестнадцати замуж отдавать...

Лилия называла то, что помнила из сознания Лилиан Иртон. И видела, как исчезают подозрения.

– Но ты...

– Я стала другой. Да. А кто бы не стал? Няня, я была на пороге смерти, потеряла ребенка, чуть с ума не сошла от горя... И ты хочешь, чтобы я осталась прежней?

Марта заколебалась. И Лилия добила:

– Я могу вспомнить все молитвы, которым ты учила меня. Могу рассказать, о чем говорила тебе после свадьбы. Как плакала у тебя на плече. Напомнить?

Был и такой эпизод в ее воспоминаниях. Лилия жаловалась на грубость и боль, а Марта утешала ее – все пройдет, девочка, все пройдет.

Лилия встала, подошла к няньке, обняла ее.

И та не отшатнулась.

– Марта, милая. Просто я меняюсь. Я стараюсь взрослеть и учиться. Это нормально. Только очень больно. Не бросай меня, нянюшка. Роднюша моя, пожалуйста...

Роднюша.

Так Лилия называла Марту, когда была маленькой. Лилиан не знала, откуда это всплыло, но помогло.

Марта всхлипнула и обняла свою девочку.

Слезы и сопли.

Занавес.

Али Ахмед дремал у себя в каюте, когда его разбудил помощник.

– Господин, там «Золотая Лилия».

– Вот как?

Капитана «Лилии» Али знал. Тоже ханган, только из тех, кто суше предпочел море. И ходил теперь вдоль континента.

– Сигналят, приглашают для беседы.

– Ну и ты просигналь. Скажи, скоро будем, пусть ждут.

Али выбрался из кровати и принялся одеваться. Нога почти не болела. Конечно, лубок еще оставался на ней, но скоро его можно будет снять. А передвигаться – так уже. Если осторожно и не слишком долго. Лайла поспешно помогла господину.

Али вышел из каюты. Он собирался в Иртон. А приехать туда лучше с подарком. И хорошим. Шелка, драгоценности – это все было мелко. Это у Лилиан Иртон и так имелось. А вдруг у Селима найдется что-то интересное?

Следующие три дня прошли для Лили под знаком головной боли.

Что-то могла решить Эмма. Что-то – только графиня.

Поговорить с пленниками?

Потом. Пусть пока посидят. Прикажите Джейми осмотреть их на предмет больных и раненых и подлечить.

Команда Лейфа – строить лодки и добывать рыбу. Коптильня – на Ингрид, солеварня тоже, так что надо туда отправляться, поставьте там пару хижин или что больше понравится, хоть землянок. Сейчас прочешемся, зимой проголодаемся.

Кстати, захватите с собой стеклодува – и пусть привезет все, что встретит на побережье. Понятие «образцы» я ему в голову вдолбила, хотя чуть из блондинки седой не стала. Ему как раз сырые посмотреть надо, а так и под охраной, и с доставкой, и с помощниками, если что... Команду Эрика подлечили? Шагом марш! Готовить корабли к зиме. Вытаскивать на берег, ремонтировать, сколачивать навес, корабли – это наше все.

Заодно Лиля узнала, что побережье здесь в рифах и мелях, корабли вирман, имея высокую осадку, проходят более-менее свободно. А вот другие доставят много хлопот. В кораблестроении Лиля разбираться не стала, просто поставила на заметку. Понятно, захолустье. Ничего не производится, ценного ноль, народ разбегается. Кому оно надо – сюда ездить?

Хотя что-то же сюда привело работоторговцев?

Вот и думай.

Заодно Лиля вызвала к себе кузнеца, нарисовала обычный вязальный крючок и приказала выковать.

Потом надо будет показать девушкам-швеям, как кружева вязать. Нашлась бы нитка... но Лейф привез с собой вирманских коз. Вот коров пока не было, а козы блеяли на скотном дворе. Лиля распорядилась приставить к ним пару вирманских детей. Подоить, расчесать – несложно. А потом из их пуха получится тонкая нитка.

Заодно досталось Джейми.

Лиля зашла проверить, как лечат раненых. И увидела у него «кукушкин лен». Парень использовал его при перевязках. Понятное дело, Лиля налетела ураганом и вытащила из мальчишки, что мох получен у местной ведуньи.

Эмме тут же было велено организовать крестьянских детей на сбор ценного продукта по болотам. И чем больше, тем лучше. А заодно набрать всего, что тут растет. Вдруг что еще понадобится. Она потом скажет.

Короче, гербарий и образцы.

И побольше, побольше...

Она будет чувствовать себя лучше и сама проедется к болотам. А вдруг там торф есть? О торфоразработках Лиля имела смутное представление, но что должна получить и как, примерно знала. Остальному научимся. Не боги горшки обжигают. А отапливать замок торфом всяко выгоднее будет.

Грибы?

Осень же! Лиля отлично помнила, как весь сентябрь, октябрь и даже иногда в ноябре они с мамой ходили за грибами. Что-то можно засолить, что-то засушить. А грибной супчик – вещь вкусная.

Так что еще и грибы заготавливать.

И Лиля опять решила вызвать к себе старост деревень.

Царапала еще и мысль – кто же из них прикрывал Эдора?

Кто?

И – как?

Вашего ребенка продают в рабство – и никакого протеста? Странно. Лиле пришел на ум только один вариант ответа. Когда все запуганы до истерики. И вякнуть бояться.

Может быть, войско и пригодится?

Вообще-то из бесед с пастором Лиля знала, что личная дружина сейчас не приветствовалась. Раньше у каждого феодала было и свое войско в несколько сотен человек (доходило и до тысячи), и он должен был его одеть-обуть-вооружить, но те времена ушли в прошлое. Сейчас же человек сорок-пятьдесят хватало за глаза. Дом охранять, господина сопровождать и вообще – больше всего эти товарищи подходили под определение «тыловая крыса».

Почему в Иртоне и того не было?

Как объяснил пастор, примерно полгода назад Эдор всех разогнал.

Зачем? Помилуйте, ваше сиятельство, сам ума не приложу.

Лиля тоже никак не могла сообразить. Само состояние ей напоминало старую шутку «Душа у меня нежная, трепетная, чуткая... Чую – дерьмом пахнет».

Вот и Лиля чуяла то же самое.

Но объяснить пока не могла. Нет, старост надо бы пригласить, побеседовать.

Из письма:

«Господин, корова назвала в поместье тучу вирман. Она жива, здорова и отлично себя чувствует. Подобраться к ней нет возможности. Я приложу все усилия, но не могу гарантировать успех».

– Лиля!

Просыпаться приятно. Но не когда у тебя на животе сидит тяжелый ребенок. Еще и подпрыгивает.

Пришлось поймать и потискать.

– Мири, у тебя совесть есть?

– Есть.

– Ты зачем меня так рано разбудила?

– Хотелось. А ты долго еще валяться будешь?

– Нет. Сегодня встаю. Так что иди, умывайся, я тоже умоюсь, и пойдем завтракать. Идет?

Мири соскочила с кровати. Но неудачно. Задела ногой об столбик и на всю спальню прозвучало:

- ...! ...!!!

Лиля охнула:

- Мири, ты где этого набралась?

- А ты вчера...

Женщина едва не взывала. Вот так, дорогая подруга. Это вам не мединститут. Там матом иногда разговаривали, особенно в морге. А тут с тебя взял пример ребенок. Можешь собой гордиться, обучается девочка успешно.

Только не тому.

- Мири!

- Лиля, а что такое ...?

Лиля представила, как она будет объяснять про производные мужского рода от женских половых органов, и едва не застонала.

- Мири, это плохое слово.

- Но ты же его говорила?

- Да. Но мне тогда было плохо. А если хорошо - его употреблять не надо, договорились?

- Почему?

- Потому что папа не одобрит. И молодая девушка не должна выражаться, как грузчик, которому на ногу комод уронили.

- А что такое комод?

Лиля почесала нос. А ведь правда. Комодов она тут пока не видела.

Ладно, разберемся.

- Это я потом расскажу. А пока - одеваться. И не выражаться.

Мири унеслась за дверь. А Лиля грустно вздохнула. Придется сдерживаться. А вообще - к Марии Рейхарт, что ли, походить? Авось манеры какие привьет? Потому как это прошло мимо девушки.

Лиля откровенно не любила даже историческую литературу. Вот медицинская - это наше все. И про жизнь знаменитых врачей она читала. Но чтобы просто так?

Уж извините. Некогда.

Аля Скороленок была слишком подвижным ребенком. А частые переезды отца тем более не способствовали получению качественных знаний.

Поэтому из литературного багажа были «Анжелика», «Унесенные ветром» и «Марианна». И все. Романы были не слишком интересны. Нет, она что-то читала, но предпочитала детективы. Конан Дойл, Агата Кристи...

Короче, знаний по этикету у вас, дорогая графиня, ноль. Без палочки.

А вспомнив ту же Анжелику (не так поклонисься - без головы останешься. Это красивым бабам многое позволено. А ты у нас пока...), Лиля сползла с кровати и открыла зеркало.

Нет, сейчас уже намного лучше. И лицо начинает худеть, и видно уже, что есть не только щеки, а еще и скулы, и складочки потихоньку уменьшаются. Но пока еще ее очень много. Навскидку Лиля дала бы себе от девяноста до ста килограмм живого веса. Ну все же теперь не сто двадцать.

Лиля крикнула служанке, умылась, оделась и отправилась вместе с Мири на завтрак.

Мири попыталась подражать Лиле и есть овсянку, но потом все-таки разбавила себе кашу медом и молоком.

– Так вкуснее!

Лиля не стала спорить.

– Понимаешь, мне нельзя.

– Почему?

– Потому что меня пока много для хорошего человека.

За завтраком Лиля рассказывала девочке про основной постулат – вес это рост минут сто. Можно быть полной. Можно быть ширококостной и крепко сбитой. Но рыхлой и толстой? Лучше не быть. Иначе это основа для заболеваний сердца, сосудов, почек.

Русские бабы, из тех, кто и коня и избу, были крепкими и упругими. Но не рыхлыми и не жирными. Это путать не надо. Формы у них были шикарные. И Лиля была с такими знакома. Но разница принципиальна. Такую за живот не ущипнешь. Просто не ухватишь. Пальцы соскользнут. Под кожей ведь не жир, а мышцы, мясо. Такие нормально и рожали. А американские страдалцы от гамбургеров... Эх, поносить бы все макдональдсы до основания!

Миранда слушала открыв рот. Тем более, что рассказывала Лиля интересно. Действительно интересно. Медицина была ее жизнью. И она могла заинтересовать ребенка. Еще как могла.

Рассказом про сердце, про то, как кровь бежит по венам, про большой и малый круги кровообращения... Она могла.

А после завтрака Лиля с Мири направились к девушкам-портнихам. Где Лидия с гордостью развернула перед ними юбки-брюки. И даже маленькую рубашку на Миранду.

– Переодевайся, – подмигнула Лиля.

Девочку уговаривать не пришлось. И Лиля восхищенно покачала головой:

– Девочки, вы просто чудо!

Юбка-брюки смотрелась так, что самый строгий ревнитель не нашел бы ничего порочащего. Из-под складок ткани виднелись только кончики туфель. Кроме того, по собственной инициативе девушки пришили несколько широких полос ткани так, что получился длинный фартук закрывающий спереди и сзади. На движение это никак не влияло. А смотрелось очень неплохо. Теперь при самом широком шаге нельзя было понять, что надето на женщине. Может быть, это такая юбка? Верхняя? А под ней нижняя?

Лиля довольно улыбнулась:

– Девушки, вы умнички. А я вам покажу кое-что новое. И Мири тоже.

Кузнец как раз недавно принес Лиле крючки. Шелковые нитки для вышивки у нее тоже были. То есть у прежней Лилиан. И плевать, что розовые.

Перетерпим.

У прежней Лилиан вообще была кучка ниток для вышивки. Могучая кучка, иначе и не скажешь. Целая комната, заваленная этим бараклом.

Девушки смотрели в полном шоке, на простенький узор «гусиных лапок». Вроде бы и несложно. Но ведь... кружево!!!

Первой схватилась за крючок Марсия. За ней и другие швеи.

– Ваше сиятельство, так это ж...

- Да. Вот, смотри, как надо правильно. Сначала набираем по ширине, сколько нам надо...

Какой придурок сказал, что раньше люди были глупее?

Да, пока девушки сами бы узоры не придумали. Но то, что показала Лиля, освоили за полчаса. Ну ладно, примерно за час. Потому что идилию нарушила негодующая Мария Рейхарт.

- Ваше сиятельство. Леди Миранде пора на занятия!

Мири прищурилась. И прошипела одно слово из тех, которые приличной девочке знать не полагается. Мария смотрела укоризненно.

- Мири, идем учиться, - вздохнула Лия.

- И ты тоже?

- А что делать? Если я эти слова употребила, значит, меня тоже надо учить хорошим манерам.

- А разве взрослых учат?

- Умные всю жизнь сами учатся. А дураки - они дураки и есть.

- Вы абсолютно правы, ваше сиятельство. - Мария чуть поклонилась. - Полагаю, что леди Миранда у нас не хочет быть душой.

- Не хотим, - решила Лия за двоих. - Где Марк, кстати?

- Уже ждет в классной комнате. Очень, очень серьезный молодой человек. Готов учиться с утра до вечера.

- Мири, и ты отстаешь?

Вопрос был задан так, что Миранда поняла - это трагедия. И замотала головой.

- Лия, ну скучно же!

- А мы попробуем вместе. Вдруг веселее будет?

Определенно, вместе было веселее. И Лия подумала, что давно надо бы. Мария как раз рассказывала, как и кого правильно приветствовать. Лия слушала внимательно.

Миранда слушала краем уха.

При обращении к нижестоящим - незнатным, исключительно нетитулованным, - достаточно вежливого кивка головой. И обращаться в зависимости от настроения: милейший, любезнейший, уважаемый... на выбор. Хоть козлом назови, если ты графиня - тебе и заблеют.

Дворянину с личным, но ненаследуемым дворянством, говорят «алдар», если женщина - «алдари». Причем не важно, жена она или дочь. Алдари такая-то. И точка. Хотя таких женщин и было всего три. Или четыре. За всю историю всех стран.

Шевалье - то есть безземельное дворянство - лэйр. Или лэйра, если женщина.

Барон (баронесса) - почтенный (-ая).

Графы - сиятельства.

Герцоги - светлости.

Если у графа есть наследники - это виконты. У герцога - маркизы. Своего рода титул учтивости. В свободном хождении его не встречаются. То есть сам по себе маркизат не существует. Графство, герцогство, баронство. Но не виконтство и не маркизат. Это просто для наследников.

Лиля слушала, смотрела, как правильно кланяться, и думала, что Мария хоть и зануда, но человек нужный. Особенно когда она начала демонстрировать варианты приветствия. И Марк с Мири стали обращаться к ней то так, то этак. Дети определенно соревновались друг с другом. Лиля хвалила то одного, то вторую и продолжала проглядывать бумаги.

Да, преподавала Мария отвратительно. И больше всего под ее голос хотелось спать. Или устроить ей маленькую бяку. Но ведь полезна!

И далеко не дура.

Так что Лиля по мере сил старалась помогать учительнице. Не давала детям разойтись вовсю, корчила смешные рожицы в нужных местах, просила Марию повторить.

Урок шел.

Капитан «Золотой Лилии», Селим Рамар дин Ахмед, был по-прежнему черноволос, чернобород и обилён чревом. И гостеприимен.

– Али, друг мой! Пусть дорога твоего коня всегда будет гладкой, стада обильными, луга – густыми, жены – юными и прекрасными.

Али ответил не менее витиевато. Селим пригласил старого друга за стол, Али ответил несколькими бутылками вина, которое на прощанье презентовал ему Хельке, называя странным словосочетанием «самогон яблочный», и разговор завязался. Слово за слово...

Али рассказал о происшедшем с ним, показал ногу.

– Никогда бы не подумал! Ты и вовсе не хромаешь! – восхищался Селим. – Говоришь, только деревяшку снять?

– Мне осталось еще дней десять, и можно будет снимать. Сам видишь, я пока очень осторожен.

– Вижу. Куда ты сейчас отправляешься?

– В Иртон. Кстати, у тебя не найдется ли чего интересного для графини?

– У меня серьезный груз, друг мой. Аварец.

– Аварец? Жеребец?

– Именно. Огненный.

Али на миг задумался, а потом кивнул:

– Беру!

Селим огладил бороду.

– Ты хочешь...

– Да.

– Королевский подарок!

Аварцы действительно стоили столько, что их могли покупать лишь очень немногие.

Это была совершенно особая порода коней. Огненно-рыжие, «солнечные» кони с черными хвостами и гривами. Выведенные столетиями отбора, они просто не могли скрещиваться с другими конями. То есть могли, но от смешанных браков аварцы уже не рождались. Кровь терялась в первом же поколении. Ханганы очень неохотно продавали их на сторону.

– Моя жизнь дороже стоит. Или ты его кому-то вез?

- Не без того. Хотел в Ативерне продать. Говорят, Эдоард сына женит, вот было бы на подарок...

- Обещаю - в цене ты не потеряешь.

- Али, друг, ты же знаешь, с тебя я лишнего не спрошу.

Мужчины переглянулись и усмехнулись. Это была своеобразная прелюдия к торгу. Уже через десять минут каждый будет стенать, что небо свело его со скопидомом и скрягой, угрожать гневом Великой Кобылицы, чуть ли не рвать на противнике бороду... Но рано или поздно о цене они договорятся.

Так и произошло всего через два часа. Мужчины выпили еще вина. Скрепили договор рукопожатием, и Селим заметил:

- А ведь у меня на борту есть кое-кто, кому любопытно будет посмотреть на твою ногу.

- Кто же?

- Тахир Джааман дин Дашшар.

- Что?!

Удивление Али было понятно. Тахир был выдающимся лекарем. Был принят самим ханганом, писал стихи, изучал свойства трав.

- Но почему?

- Потому что есть болезни, которые не в силах вылечить даже он. А если болеет сын Великого Хангана...

- Ты рисковал.

- Да.

Мужчины переглянулись. Все было понятно без слов. И то, что целителю пришлось бежать, и что Селим рисковал жизнью. Тогда понятно, почему он вышел в море в это время. Али пожал плечами:

- Пусть посмотрит.

Великий целитель оказался высоким сухопарым стариком с длинной бородой и доброй улыбкой. Он ощупал ногу Али, осмотрел ее и покачал головой.

- Я был бы счастлив узнать, кто это сделал. Воистину, сего мудреца осенила благодать Звездной Кобылицы.

- Это сделала женщина. Графиня Лилиан Иртон.

Али пришлось повторить рассказ еще раз. Результат оказался предсказуем. Целителю захотелось отправиться в Иртон.

Спустя несколько часов корабли разошлись.

Корабль Али стал тяжелее на одного коня, одного целителя и двух его ручных мангустов.

Время до обеда Лиля уделила Миранде. Время после обеда - пленникам.

Засела в кабинете, приказала приводить по одному и принялась расспрашивать. Что, кто, как, где жил, чем занимался...

У нее в активе оказалось шестнадцать потенциальных рабов. Из них два плотника, семь крестьян, шесть матросов и один учитель. Истории были в принципе похожи. Матросов погрузили пьяными в дупель, в порту, так, что они очнулись уже в трюме.

Плотники были проданы в рабство своим мастером. Да, официально рабства в Ативерне

не было. Но если захочешь избавиться от строптивых подмастерьев, которые совершили страшное – подсмотрели секрет пропитки.

Лиля поставила ушки торчком и узнала, что мастер придумал состав, после пропитки которым дерево переставало бояться сырости. Дорого, да. Но...

Ладно. Зимой и подумаем. Поэкспериментируем.

Крестьян вообще продали их старосты. Кого за долги, кого за бесполезность. На какое-то время Лиля задумалась, что с ними делать. А потом твердо решила – на халяву не отпускать! Если бы не она, оказались бы товарищи на Вирме, так? Или еще где похуже. Так пусть отрабатывают.

Что Лиля и объявила. В принципе, «рабы» были не против. Даже наоборот – зима на носу. Денег нет, работы нет, теплой одежды и той нет. На большую дорогу идти? Так и дороги тоже нет! Одни направления.

Так что Лиля приняла достаточно жесткое решение.

Денег она платить не будет. Работать за еду и одежду. Как станет возможным путешествовать – по результатам подбросит пару монет и отпустит на все четыре стороны. Если кто захочет. А пока моряков – вирманам в подручные. Пусть возятся с лодками и рыбой. Крестьян – срочно строить баню. Еще одну. А лучше две. Туда же плотников. Потом еще пригодятся. Халявщиков нам не надо.

А вот учитель...

Лонс Авельс выспался, сытно поел и впервые за несколько недель обдумал происходящее. И когда его позвали пред очи графини Иртон, не растерялся.

Если уж он перед королем не трусил...

Графиня Иртон оказалась вполне приятной молодой женщиной. Полноватой, да. Но в зеленых глазах светился неженский ум. Да и полнота... в некоторых местах, например на груди, была очень кстати. Жаль только – ни декольте, ни даже маленького выреза.

Лонс сглотнул и посмотрел на графиню.

– Ваше сиятельство.

– Как вас зовут?

– Лонс Авельс. Шевалье Лонс Авельс.

Лиля поблагодарила про себя Марию. А то сидела бы дура душой, не зная, как обращаться. И слегка склонила голову.

– Итак, лэйр Авельс. Как же вы оказались в рабстве?

– Меня продали разбойники. Шевалье тоже можно захватить. А веревки не разбирают.

Лиля задумалась. С дворянином, хоть и хлипеньким, номер просто не пройдет. Если к нему отнестись как к матросу.

– Лэйр Авельс, чем я могу вам помочь?

Лонс уже успел это обдумать, на «собеседование» его позвали одним из последних. Так что...

– Ваше сиятельство, при других обстоятельствах я попросил бы доставить меня в Альтвер. Но у меня нет денег, а просить у дамы...

Лиля чуть склонила голову. Да, она ограничена в отношении Лонса. Но и на него накладываются свои ограничения.

- Я мог бы оказаться вам полезным как учитель?

Лиля тряхнула головой.

- В замке есть леди Миранда. Моя падчерица. Полагаю... вы учитель чего?

- Математики, чистописания, истории, землеописания.

Лонс не лгал. Юных принцесс приходилось учить очень многому. Лиля мысленно потеряла лапки.

- Отлично. Нанимаю вас к леди Миранде Кэтрин Иртон как учителя всего этого. Поговорите с другими учителями, определитесь, и вперед. Я посижу на ваших уроках, послушаю.

- Вы мне не доверяете, ваше сиятельство?

- В том, что касается обучения моей падчерицы? Я проверяю всех учителей. Спросите у них. Кстати...

На стол перед Лонсом лег свиток.

- Прочтите.

Лонс развернул его и примерно с середины принялся бегло читать о страданиях Ирты Калианской.

Лиля кивнула.

- Так. В доме семь комнат, в каждой комнате по семь углов, в каждом углу по семь яблок. Сколько яблок в доме?

На этот раз Лонс задумался. Ничего подобного он не слышал. А вычислять в уме было сложно.

- Разрешите взять дощечку, ваше сиятельство?

Лиля подвинула мужчине вощеную дощечку и наблюдала, как он что-то царапает.

М-да... Но - пусть его. Математике она Мири и сама научит. Просто в открытую она работать не может, а под прикрытием учителя - почему нет?

- Триста сорок три яблока, ваше сиятельство.

Всего двадцать минут - шикарный результат для второго класса. Или первого?

Ладно, Мири не лучше. А интегралы, которые Лиля и сама не помнила и не понимала, ей даром не нужны.

Одним словом, всего через полчаса Лонс был нанят на службу за еду, одежду, проживание и серебряный в месяц.

Строгая женщина по имени Эмма Матти, которую госпожа графиня назвала экономкой, указала Авельсу его комнату и пообещала прислать служанку с горячей водой. Дескать, графиня приказала, чтобы мылись все. Те, кто в замке - в обязательном порядке раз в день. Хотя бы обтирались. Ибо вонь недопустима.

В ожидании обещанного Лонс прилег на пол, чтобы не пачкать кровать, и задумался.

Если бы была его воля, он бы рванул к Адели. Но... куда он доедет? Наступает зима. Да, графиня может дать ему и денег, и лошадь! Пусть он доберется до Альтвера. И даже до Уэльстера. Хотя второе еще надвое сказано.

Зимой на суше невесело, а на воде еще грустнее. Ибо шторма. Но пусть. К весне он доберется. В лучшем случае. В худшем - или сдохнет, или опять окажется в рабстве. А вот что он будет делать в Уэльстере?

Может, имеет смысл сначала узнать, что там происходит? А потом уже ехать? И не наобум, а все тщательно продумав. В конце концов, не может же благородная графиня не иметь драгоценностей, к примеру?

И даже не надо их красть. Она одна, в глуши, скучает... У Лонса был друг, который таким образом зарабатывал на жизнь – развлекал благородных дам. Да, не слишком достойно. Но нищим выбирать не приходится.

Ради того, чтобы вернуться к Адели, он и не на такое пойдет.

Тем более что отвращения у него Лилиан Иртон не вызывала. Не идеальная красавица, чуть крупновата, но какая грудь!

А какая... Мысли Лонса спустились ниже пояса и стали весьма лестными для женщины.

Или не очень? Лиля предпочитала, чтобы восхищались ее умом, а не тем, что пониже спины. Но тут уж кому – что.

Да, Лонс любил Анель. Но и жить ему тоже хотелось.

Тарис Брок вспоминал Лилиан Иртон.

Нет, ну не идиот ли ее супруг? Такая женщина. Красивая, умная, богатая... И сидит в каком-то захолустье. Скучает.

Да и не просто скучает.

На ее жизнь покушались! И об этом надо обязательно доложить Августу.

Ничего, доложим. Дайте только до Альтвера добраться. А там договоримся с градоправителем. Голубиная почта – вещь полезная.

Лилия как раз шла по коридору, когда...

– Ваше сиятельство! Я так рад, что вы выздоровели.

Дамис Рейс. И опять глазенки на грудь выложил. Да что ж такое!

Лилия милостиво кивнула:

– Да.

И замолчала. Сам выворачивайся, как пожелаешь.

Дамис вывернулся. На десять минут завел волынку о том, что Лилиан, как солнце, а без нее все в замке темно и пасмурно, припел ее потрясающие волосы, улыбку... Так бы и стукнула!

Был у них в группе один такой кадр. Искренне считал себя неотразимым. Пока Аля его матом не послала при всех. А потом попытался ее немножко прижать в углу.

Тот эпизод Лилия вспоминать не любила. Но чем-то Дамис походил на того умника. Такая же уверенность в своей неотразимости.

Но тогда... тогда это был однокурсник. А сейчас – всякая шушера. Так что Лилия послушала еще пару минут для очистки совести и подняла руку:

– Любезнейший, вы хотите сказать что-то по делу? Нет? Свободен!

– Ваше сиятельство!

– Я что – невнятно выразилась?

– Ваше сиятельство, умоляю вас проявить милосердие.

– Какое?

– Только вы сможете смягчить мою участь, ведь ваша доброта, равно как и красота....

Лилю так и тянуло рывкнуть: «Короче, Склифосовский!» Останавливало только нежелание тратить хорошую шутку на дурака.

Поэтому она послушала еще пару минут комплименты и опять подняла руку:

– Конкретнее, любезнейший. В чем я могу облегчить вашу участь.

Зеленые глаза опасно сверкнули. Дамис внял.

– Ваше сиятельство, я умоляю вас, я припадаю к вашим ногам с просьбой убрать с уроков этого плебея!

Лиля вскинула брови. Кто-то из слуг тянется к знаниям? Ан нет! Оказалось, Дамис Рейс имел в виду сына пастора. Марка. Мальчик был неблагородного происхождения, дурно влиял на подружку, и вообще учить *такое* – это ниже низкого. Это губит репутацию господина Рейса.

Лиля окончательно озверела уже на пятой минуте потока жалоб и просьб. Нет, надо же! Марк его не устроил! Сноб! Ей, видите ли, нормально с пастором говорить, а Дамис его сыном презрует?

За эти дни они с пастором успели найти общий язык. И тот приходил к Лиле два раза в день. С утра молились за графство Иртон, вечером – за графа Иртона.

С утра Лиля пальцы крестиком не складывала. А вот вечером... Если честно, ей граф не нужен был никак! Куда бы спихнуть, чтобы на нервы не действовал. Идеальным вариантом было бы развестись с ним, и пусть катится к чертовой матери. Но...

С пастором она молилась не просто так. Вытягивала информацию по семье и браку. Можно ли развестись, что для этого нужно, как лучше сделать. В Альтвере ей было не до таких разговоров. Дело бы поднять. А вот сейчас...

Слуги – существа ограниченные. Поэтому Лиля планировала присутствовать на всех уроках. И задавать вопросы. Якобы проверяя знание предмета учителями. А на самом деле – расширяя свои познания об этом мире.

Нет здесь газеты. Нет. И Интернета.

И Википедии.

А значит, информацию можно получить только из разговоров с людьми. И чтобы народ об этом не подозревал. Она и так вызывает слишком много подозрений.

А если Марка удалить с уроков, пастор обидится. И Лиля зашипела гадюкой.

Дамис Рейс увидел, как в полумраке сузились глаза женщины, опасно сверкнули.

– Если тебя что-то не устраивает, пошел вон из поместья, – ледяным тоном отчеканила Лиля. – Пока мой супруг тебе платит, ты будешь учить, кого и сколько я скажу. Более того, учить с радостью. Вскоре к Мири и Марку прибавятся еще и дети вирман. И ты будешь их всех учить. Вежливо. И качественно. Сама проверю. Четыре учителя на одно поместье – явный перебор. Понял?

Дамис скис.

Лиля еще раз сверкнула на него глазами и резко развернулась. Коса взлетела, чувствительно приложив нахала.

Тоже мне! Шовинист!

Дамис Рейс смотрел вслед графине.

«Ах ты ж... дрянь! Я к тебе со всей душой... А ты!»

Мужчина сам не мог понять, что больше раздражает. Что графиня не оценила его красноречия? Что отдала мерзкий приказ?

Что не обратила никакого внимания на его обаяние?

А ведь он постарался! Надушился, надел все самое лучшее. Знай он, что подумала Лиля о помойке, которую духами опрыскали, обиделся бы еще сильнее.

Но и так Дамис определенно был зол. И кое-кто ему за это заплатит. Одна высокомерная блондинистая дрянь. А пока можно сорвать зло и на другой... Секс – лучшее средство от стрессов.

Дамис этого не знал. Но отправился к Кальме. И напряжение сбросить, и обдумать, как дальше поступить с графиней. Упускать такую возможность? Богатая, судя по рассказам супруга, не слишком умная, живет в глуши. Он себе потом не простит. То есть – да. Но как?

Продолжить делать ей комплименты? Но вроде бы она к ним осталась равнодушна. Нет, один-то способ есть. Она же говорила, что будет присутствовать на уроках. Хотя сейчас и не может.

Но учить мерзких крестьян и не менее мерзких вирман?

Фу!

Ричард, принц Ативернский, удобно расположился в карете. Может, хоть подремать удастся?

Прошлым вечером они с Джесом были на балу в честь прибытия.

Тарима хоть и небольшой город, но высший свет есть и там. И в честь прибытия посольства был дан большой бал. В ратуше.

Пришлось до полуночи торчать на балу, танцевать, отвечать комплименты. Эх, дипломатия, чтоб ее!

А после бала...

Джес предлагал пройтись по борделям, но Рик не поддержал. Ему решительно не хотелось что-нибудь подцепить. Поэтому для разрядки очень подошла молодая жена одного из баронов.

Она получила за свои услуги браслет с сапфирами, а он получил почти шесть часов непрерывной радости – женщина оказалась просто ненасытна. И буквально выпила из него все силы.

Но это еще не худший вариант.

По крайней мере – никакого ущерба репутации. Баронесса будет молчать. Ей скандал с мужем ни к чему. Он тоже промолчит.

Не то чтобы Рик хотел жениться именно на Анне Уэльстерской, но мало ли? Вдруг?

Тогда лучше не давать невесте повода для недовольства. А он точно будет, если девушка узнает о пристрастии ее жениха к борделям.

Вообще Рик был благодарен отцу даже за такую возможность выбора. Пусть хотя бы Анна или Лидия. Ведь могло и того не быть, как раньше, когда был жив дед.

При жизни деда была заключена помолвка Рика с Данелией Авестерской. Ну что делать – дед не любил ни Уэльстер, ни Ивернею и налаживал контакты с Авестером. Но потом он умер, и на трон взошел Эдоард.

Помолвку он отменять не стал. Но любовь к Авестеру поубавилась. И резко. А примерно через шесть лет после того Данелия заболела. Болезнью легких. А вот не надо охотиться под проливным дождем. Не надо. Результат оказался весьма печален.

Авестерцы рады были бы скрыть этот факт, но докторусы, осмотрев юную Дану, вынесли вердикт – рожать она не сможет.

Еще бы. Слабые легкие, чуть ли не чахотка.

Эдоард развел руками: так и так, я бы рад, но нам детей нужно, а такой союз бесплоден. Я не могу оставить Ативерну без наследника. Могу вам предложить выдать одну из своих дочерей. Но Рика надо женить.

Авестерский король, Леонард Третий, возмутился. Но крыть было нечем. Было заключение целой комиссии докторусов. Тогда Леонард предложил свою дочь Ларисию. Но тут вмешалась церковь.

Леонард был братом Имоджин Авестерской. Данелия – младшей дочерью его дяди, то есть родство достаточно далекое с Риком. Хотя и принцесса. Потому она подходила. Но двоюродные брат и сестра не могут вступать в брак.

После этого Рик в Альдоная уверовал.

Видел он портрет Ларисии. Чисто крыска. Бледная, бесцветная, словно моль, личико вытянутое, волосенки подозрительно пышные, а злобной линии тонких губ не смог приукрасить даже живописец.

Хотя они привыкли льстить клиентам.

Одним словом, Рик ужаснулся. И еще раз поблагодарил отца.

Данелию ему было жалко.

Но себя еще жалче. И он не хотел повторения истории отца. Когда «дорогая, я люблю тебя, но жениться не могу». И ждать, жить чуть ли не десять лет, жить с нелюбимой, смотреть ей в глаза и думать – хоть бы ты куда исчезла.

Врагу такого не пожелаешь.

К тому же мать Рик не особо помнил. Матерью для него стала Джесси. Добрая, милая, ласковая. Он понимал, как повезло отцу. Но повезет ли так ему?

Джесси любила. И ждала. И ничего не просила. Будет ли ждать его любовь?

А если и будет, сможет ли он спать с чужой женщиной и про себя желать ей смерти?

Рик подозревал, что нет.

Как еще Джес такое терпит?

Кузена Рик любил. Но в отличие от отца, глаза на его недостатки не закрывал. Джес может быть талантливым, трудолюбивым, умным и серьезным. Если ему это надо. Если от этого зависит что-то важное для него. И в то же время если Джесу что-то не нравилось...

Бывало у него такое. Рик про себя это называл «баранство». Упрется, как баран, и хоть убейся. Он был свидетелем пары таких случаев. И сильно их не одобрял. Два умных человека всегда могут договориться. Но иногда Джес был неуправляемым.

И второй его громадный недостаток – Джес был страшно избалован женщинами.

Обаятельный, богатый, молодой. На него просто вешались придворные дамы. Да, из числа либо замужних, либо шлюх, но вешались же! И Джес на полном серьезе решил, что он неотразим.

У Рика такого не было. Отец постоянно таскал его на приемы, показывая, как все это выглядит со стороны, рассказывал, объяснял. Джесу подобного не досталось. Поэтому

Рик легко мог разобраться там, где Джес просто чего-то не видел. А еще Рик понимал, что в его жизни будет долг и только долг. А Джесу хотелось радости и удовольствий.

Вот например, его Адель... Рик невольно покривился. Да, красивая. Но не в его вкусе. Как тухлое мясо в сложном соусе. Вроде бы красиво, но несъедобно.

Что ему не нравилось?

Рик не мог точно определить. Но он бы с такой не связался. А Джес увлекся. И кажется, всерьез. Это было плохо.

Честно говоря, Рик вообще считал, что, если у тебя есть семья, надо налаживать отношения в ней. А не превращать все в кошмар. Вот есть у Джеса жена. Да, толстая. Не слишком красивая, кажется. Рик видел ее только один раз на свадьбе. Но ведь это не повод ею пренебрегать? Она не виновата, что Джес ее не любит. А сколько было у него связей с дамами... Да подарил бы жене цветочек, почитал стихи. Нет, уперся бараном. Не люблю! Не нравится...

А что ты сделал, чтобы понравилась?

Что ты вообще для нее сделал?

А если и у него жена будет вызывать такое же отвращение, как у Джеса? Все-таки кузены.

Рик зевнул, уплывая в дрему.

Он очень постарается, чтобы все было хорошо. Очень. И для начала сделает правильный выбор.

Глава 4

Африка, Африка... африкан? Обезьян?

«День-ночь, день-ночь, мы идем по Африке...»

Лиля просто жила в ритме этих стихов. Сжато, четко, безукоризненно.

Все требовало ее взгляда, все требовало ее контроля. И началось со старост деревень. Иан Лейг, Арт Вирдас, Эрк Грисмо, Шерл Ферни и Фред Дарси – кто?! Кто из вас сообщник управляющего?

Первым Лиля вызвала Арта Вирдаса. Но разговор практически ничего не дал. Под давлением (меланхолично поигрывающий топором Олаф) Арт признал, что все не так плохо. И мельницей попользовались в отсутствие хозяйки, и браконьерствуют, и рыбку ловят, и лес на дровишки пилят. Не без того. Но ни убийства, ни воровства... Не было такого, ваше сиятельство! Вот как есть – не было.

Остальные четверо повторяли то же самое, но другими словами. А Лиля злилась.

Толку-то с чтения детективов! Сюда бы мистера Холмса, чтобы он посидел, попыттел трубкой и меланхолично заявил: «Ватсон, вы не правы. Виновен вовсе даже не Арт, а Фред».

Але, честно говоря, было все равно, кто главный злодей. Вопрос был в том, что она-то его *не вычислит!!!*

Не сыщик она. Только медик.

Разговор ничего не дал. Разве что построить старост удалось посерьезней. Но – и только.

Лиля подозревала, что беда в ней. Она не знает, *что* и *как* спрашивать. Вот и не спрашивает. Ну да ладно. Рано или поздно, так или иначе...

А пока займемся хозяйственными делами. Каковых было много.

Сначала Джейми притащил с болота, куда был направлен присматривать за сбором мха, кусок торфа. И пришлось спешно выделять людей на его добычу. В больших количествах. Лиля вообще подозревала, что надо открывать торфоразработки. Но пока решила так. Торф – хорошее топливо и утеплитель. Так что крестьянам можно его добывать при условии: пятьдесят процентов им, пятьдесят Лиле. Это оказалось выгодно, и скоро в замке появились аккуратные торфяницы. Или как это называется? Такие штабеля, в которые торф складывают после просушки на полях. Приставлены к нему были те крестьяне, которых продали в рабство за негодность. Тут особых навыков не надо. Торф высыхает, и ты аккуратно складываешь его под заготовленные навесы. Благо погода пока балует.

Лиля не знала, какая здесь зима. Из памяти реципиентки она извлекла ощущение холода. Но... то Лилиан, а то – она. Ей-то и минус тридцать – не вопрос. Пока же была ранняя осень. Теплая и удивительно сухая. Чем она и пользовалась.

Прибыл гонец от Лейфа. Тот всю строил на побережье солеварню и коптильню. Сильно не опасался, поскольку рифы не давали подойти к берегу даже ему. Морское побережье Иртона отличалось избытком каменных клыков. А где они не торчали из воды, там неудачливого капитана подстерегали мели. Да и Ирта – речка своеобразная. Пороги, мели. С хорошим лоцманом еще пройдешь. А с плохим... Поjdeшь. На дно.

Строить их хотели из дерева, но Лейф идею забраковал. Дерево надо сушить, а время не терпит. Поэтому пока временки. И строить как на Вирме. Из камня. Навыки есть, камня хватает.

Лиля напряглась и вспомнила состав цемента. Ведь ничего же невозможного! Известняк, глина, нагреть... Тут даже негашеная известь не нужна. И силикаты.

Получится не идеально. Но лучше чем ничего. Тем более, что гонец от Лейфа привез то, о чем она просила. И теперь Лиля гладила пальцами небольшие камушки.

Мелкий белый песок. Для стеклодувов.

Известняк. Родной ты мой!

Что-то похожее на полевой шпат. Ну это – фиг бы с ним. Не жалко.

Зеленоватая глина, уверенно мнущаяся в пальцах.

Крупинки янтаря.

Вот что интересно. Янтарь – вещь ценная? Спрошенная Эмма почесала в затылке, но после описания закивала. Еще какая ценная! Чуть ли не на вес золота.

И самое ценное – камень с черной полосой. Уголь!

Где-то на побережье есть уголь. Оно и неудивительно. Лиля уже поняла – здесь скалистый берег. И местность тоже. Скалистая, болотистая... Наверное, больше всего похожая на английские болота. Собаку вот еще бы запустить. Хотя она сама скоро не хуже взвоят.

И все же, все же...

Надо отписать Лейфу – пусть разведает все что только можно.

Песок и известняк – это для стекла.

Известняк и глина, с добавкой песка – для цемента. Не лучшего, но и с ним ремонтные работы будут вестись проще и веселее. Надо только немного потрудиться над составом. Но тут Лиля не возражала. Что-то, а химические опыты она любила. Янтарь. Это надо поискать на побережье. Если где есть пласт – почему бы не попользоваться? А Хельке оценит.

А уж уголь! Тут и графит, и карандаши с грифелем, и тепло, и... да куча всего! Просто глаза разбегаются.

Надо бы самой съездить на побережье, осмотреть, но – не подobaет. Графине не пристало.

Лиля уже получила кучу радости от Марии Рейхарт. Сравнивала свои манеры и то, чему учили Миранду, и хмурилась. Если верить учительнице – промахи Лиля допускала на каждом шагу. Не так ходила, говорила, вела беседу... Счастье еще, что провинция. И все ее закидоны списали на «графскую дурь». А ведь могли и люлей отвесить.

Супруг так точно может.

Супруг...

Мысли были неприятными.

Она ведь сейчас – собственность супруга. Все, что она делает, принадлежит ему. Понятное дело, он этим воспользуется. Если у вас в покере джокер или каре, а у противника всякая дрянь, вы его пожалеете? Ага, два раза!

Этот вопрос она прояснила. Медленно, осторожно... Пастор слово за словом проговаривался, что женщина владеет лишь тем, что ей даст мужчина.

Вот если ты вдова с сыном или супруг оставил на тебя завещание – тогда у тебя есть минимум свободы. И то тобой станет распоряжаться ближайший родственник мужеского полу. Отец, брат, дядя, кузен, племянник тети жены брата соседки тестя... Могут опять выдать замуж, могут... Да много чего могут.

Короче, ты – табуретка. Пастор и так несколько раз упоминал, что, мол, все ваши начинания с благословения и разрешения господина графа, правда?

Лиля только кивала. И думала, как обеспечить свою безопасность.

Рассматривала разные варианты – от бегства до вдовства. Делиться своими проектами с

кем-то Лиле не хотелось. Простите, самой мало. И вообще – она тут жилы рвет, мозг выворачивает, а супруг придет на готовое? Да еще со своей шлюхой?

А ведь придет. И что, разводиться? Черт бы с ней, с репутацией. Проживем. Большие деньги – лучший пропуск в любое общество. Но! Развод был возможен. Если:

брак бесплоден. Тут – по согласию обоих супругов;

нет возможности исполнить супружеский долг. Либо у графа импотенция, либо у нее припадок начинается, как только она в спальню заходит. Но опять-таки, при свидетелях и надлежит не меньше года все это пытаться преодолеть. Пастор рассказывал о таком случае, и как с женщиной почти год вели успокоительные беседы, поили настоями и отварами, прочищали организм. Лилия подозревала, что бабу просто довели до такого состояния, когда ей что секс, что порка – все едино;

решительная измена. Причем поймали на месте и со спущенными штанами. Или с задранной юбкой. И удержали достаточно долго, до появления представителя местной власти. Тут этот номер не пройдет. Местная власть – граф. Если ловить, то в столице. И в королевском дворце. Очень обнадеживает.

Ваше величество, вот мой муж, а это под ним некто Аделаида Вельс, то есть измена на... лицо. Разведите, а?

Неубедительно;

также если кто-то из супругов решает послужить Альдонаю. Но баб туда не берут, а чтобы графа запихать в монастырь... Отравить проще.

Одним словом, первый и четвертый варианты не подходили.

А второй и третий... А черт его знает!

Трясучку Лилия готова была изображать до упора. Но вот ведь беда. Как дела вести? Ежели граф ей все прикроет? И мастерские? И где сказано, что граф-таки даст ей развод, а не по голове? И изнасиловает?

Прецеденты бывали. А ставка высока. Лилия подозревала, что граф за верфи еще и не то трахать будет. Пусть даже стиснув зубы. И накрыв ей личико. Подушкой. Один раз в родах не умерла – на второй добьем? Это пока она была аморфной, ее не трогали. А как зашевелится, тут будет весело и интересно.

Остается вариант с изменой. И ловить муженька на горячем? Или самой изменить?

Самой – не вариант. То есть можно. И даже, наверное, будет нужно. Для здоровья. Но если ее поймут, она вообще будет на положении ниже плинтуса. И так тут женщина – собственность. А если граф ее поймает на измене, может хоть из окна выкинуть. И ему ничего не будет. Только пожалеют.

То есть сначала договариваться мирно.

Пастор, осторожно наведенный на разговоры о графе, выдавал информацию пакетами. И Лилия уже знала, что граф вроде не дурак. Красавец, отличный охотник, замечательно фехтует, был прилежен в изучении Книги Альдоная. Но это – светские навыки. А в остальном?

Вопрос стоял по-другому. Самодур или нет?

Если нет, то надо попробовать договориться. И даже пообещать наследника... Стиснем зубы и перетерпим. Ночной горшок рядом поставим, чтобы удобнее было, если тошнить начнет. И договоримся. Я тебе наследника и откупные, а ты мне свободу в рамках окружающих нравов. Честь не уроню, но в мои дела не лезь.

Противно?

А жизнь на кону.

Если иначе не получится – ловить на шлюхе. Да так, чтобы точно не отперся. А если и

это не выйдет...

Лиля задумалась, глядя в стенку.

Сможет ли она приговорить человека? Отдать приказ об убийстве?

Эдора приговорила. Хотя и не своими руками. Но ведь ее работа. Ширви пытать приказала. И тех двоих... Как же звали ту наложницу Али Ахмета? Нилей?

Не важно. Косвенно она в их смерти виновна.

Да и плевать три раза! Кошмары ее по ночам точно не мучают. Но убить мало. Надо еще не попасться. А если заказывать... Это такой простор для шантажа. Вон, пример в подземелье сидит. До сих пор раны болят.

Не-эт, не с местными ниндзя охотиться на графа, который с детства тренируется и меч держать умеет.

Самой травить? Надо подумать.

Надо, чтобы это дело было недоказуемо. Ибо – наказуемо. Она же не знает, какие яды здесь могут обнаружить. И какие методы ведения допроса применяются. Хотя нет. Последнее она как раз знает. И ее это не радует.

Лиля не лгала себе.

Первая же иголка под ногти, и она все расскажет. Вплоть до того, что Адам и Ева бродили по саду, а потом из кустов выполз змей и начал их совращать...

Боль она терпеть не сможет. Не Зоя Космодемьянская.

Хотя ее пока никто не насилует и на мороз голой не выставляет.

Хм... Не насилует? А законное супружеское как же? Или Джес достался ей еще девственником? Простите, не факт. Ребенка он явно не свечкой делал. Ладно. Не будем о грустном.

А о чем бы веселом подумать?

– Ваше сиятельство, к вам барон Донтер.

Упс!

Али добрался до Авестера достаточно быстро. И первым делом решил посетить эввира. Который точно мог знать о делах графини Иртон.

Хельке он застал *«сидящим на дорожном мешке»*. И вскоре выяснил у него, что случилось. Посочувствовал – и предложил:

– Хельке, я как раз направляюсь в Иртон. Почему бы тебе не отправиться на моем корабле?

– Если господин барон не будет против. – Хельке мягко намекнул, что если с ним, то...

Но Али даже и не подумал обижаться:

– Если господин барон пожелает что-то отправить ее сиятельству, я буду только рад. Хельке, она мне ногу и жизнь спасла. Неужели я ей буду делать что-то во вред?

Хельке полагал, что вряд ли. Но... кто его знает?

– Только долго я ждать не могу. Я ей везу в подарок аварца.

– Аварца? Королевский подарок. – Хельке присвистнул.

Аварские жеребцы действительно стоили бешеных денег. А кобыл ханганы никому не

продавали.

- А графиня сможет его прокормить?

- Я захвачу с собой запас на первое время. А там наверняка какая-нибудь конюшня у нее есть.

- Есть. Но подойдет ли она для аварца?

- Думаешь...

- Надо бы и конюха ей приличного. Чтобы разбирался.

- Оставлю Лисама. Есть у меня матрос, за конем, как за родным, ходит. Ладно, Хельке, я нанесу визит вежливости градоправителю, а ты решай. Если что – место найдется.

Торий Авермаль не возражал. Али он знал не первый год. Ханган был частым гостем в Альтвере. Только попросил подождать – загружался еще один корабль. Для Лилиан Иртон. Хельке мог пойти и на нем, но раз уж выпала оказия, день господы подождут?

Да, разумеется.

Тогда корабль будет снаряжен как можно быстрее. Торий ждал, чтобы подобрать ему охрану, но два корабля – это всяко лучше, чем один. Да и надежнее.

Зачем охрану? Так разве он не сказал? Королевский представитель к ее сиятельству Лилиан Иртон. Сюда-то он на военном корабле приплыл, но у того и осадка более глубокая, и опять же, ради одного человека военный корабль гонять? Вот Торий и предложил загрузить шхуну для графини Иртон товарами, и представитель на ней поплывет. День-два погоды не сделают.

А учитывая, что представитель был безземельным дворянином, шевалье Кирвас не стал спорить с бароном Авермалем. Тот лучше местность знает.

Али спорить не стал. Почему бы нет?

Хельке тоже. Угроза со стороны сына барона была временно нейтрализована – можно не спешить. День погоды не сделает.

Из голубиной почты Тариса Брока Августу Брокленду:

«Господин барон, спешу сообщить, что ваша дочь жива и сейчас уже здорова. Она потеряла ребенка, живет в кошмарных условиях, супруг ею пренебрегает и на нее было совершено покушение. Хвала Альдонаю, она почти не пострадала. И написала вам два письма, которые я доставлю буквально через пару дней».

Барон Донтер.

Сосед, значитца...

Лиля кивнула Эмме:

- Один?

- Нет, с ним человек пять.

Лиле это ни о чем не говорило. Пять человек – это много или мало? Лейф один – как бронетанк. Но, с другой стороны...

- Хорошо, я сейчас спущусь.

Мария, милая Мария, первая же кружевная шаль – твоя. Если бы не ты, я бы точно распорядилась их провести в зал. А так – нетушки, ребятушки. Ты – барон, я графиня,

моя сила, право и старшинство. И прогибаться ты обязан. И ждать меня во дворе сколько понадобится. Долго я не прособираюсь – неуважение. Но... власть – моя!

– Ваше сиятельство, может быть, вы поторопитесь...

Лиля поставила ушки на макушке.

– Почему вдруг?

Ответ оказался неутешителен.

Юный барон Донтер славился по всей округе своим мерзким характером, склочным нравом и «добротой» души. Насиловал девушек, травил собаками крестьян, топтал посевы, мог запороть кого-нибудь до смерти, охотился в соседских землях... Короче, добрый и приятный человек. Склочный, сварливый, откровенно задиристый, из тех, кому чих на соседнем огороде кажется личным оскорблением. Такие и не подозревают, что мир не вокруг них вертится.

Его дядя, старый барон Донтер, был попримечнее. А новый барон оказался редкостной сволочью. Весь в мамочку. По линии которой было унаследовано и баронство.

Так что стоит ли приглашать его в гости – вопрос сложный. Может, вместо этого надо вирман позвать? Мало ли что...

Лиля подумала и согласилась.

Лейс явился практически сразу. И ситуацию он просек получше Лили.

– Ваше сиятельство, я на стене расставил лучников. Если что, их сразу снимут.

– А я получу на свою голову разборки с соседями и королем?

– Ваше сиятельство...

Явно об этом Лейс не подумал.

– Вот-вот. Никаких лучников.

– А...

– Пошли за вирманами. Они одним видом кого хочешь в чувство приведут.

– Я уже послал мальчишку к Эрику. Скоро вирмане будут здесь.

Ну да. Километр пробежать несложно. А вирмане на реке, с кораблями.

– Те, кто в замке, сами понимаете, нам не в помощь.

Лиля понимала. И радости не испытывала.

– Сколько нам надо продержаться?

И никого не оскорбить, и себя не уронить... советовали ж идти в юридический!!!

– С полчасика бы.

Ну что, подруга? Заговоришь зубы бароненку?

Хм!

Пьяному прапорцу Сидоренко заговаривала. А тот был намного хуже. И старался сначала ударить, а потом послушать. Так что справимся.

– Срочно служанку ко мне с парадными шмотками!!!

Лонс как раз был у себя, когда мимо вихрем пронеслась Мэри.

За ней – Илона. Но тут уж он не сплосовал и поймал девушку за юбку:

– Что происходит?

На выяснение ситуации ушло ровно две минуты.

В замок пожаловал сосед-самодур. Сволочь и гад. Выгнать можно, но будет гадить. А если разоидется – успокоить его, не убивая, могут только вирмане. А они на реке. А пока придут...

Одним словом, госпожа графиня сейчас пойдет разговаривать со страшным соседом.

Лонс отметил, что графиню боялись явно меньше, чем барона. И тут же получил разъяснения. Графиня никого не жгла, не насилвала и не лупила до смерти ради забавы. А за бароном это как раз водилось. И с чего он сорвется – Мальдоная его знает!

Лонс отпустил девушку и ринулся к себе в комнату.

Срочно одеваться.

Он – шевалье. То есть может помочь графине. Хотя бы стоять за ее спиной. А учитывая, что ему тоже нужна ее помощь... в будущем...

Лилян Иртон казалась умной и достаточно благородной для благодарности.

Так что имеет смысл поспешить и переодеться. Благо, графиня приказала перешить ему пару костюмов, найденных в сундуках замка. И Лонс мог не ударить в грязь лицом.

Чтобы одеться, Лиле понадобилось ровно пять минут.

Как?

Она просто натянула парадное платье на то, что было. И порадовалась. Платье сидело вовсе даже не внатяг. Если бы не шнуровка – натуральный балахон поперек себя шире.

А так – запрыгнуть в платье, игнорируя нижние юбки, подождать, пока Мэри затынет шнуровку, позволить перевить косу парой ниток жемчуга и навесить еще несколько на шею.

Мэри, умничка, и ждать себя не заставила, и захватила все, что надо. Хотя и напоминала передвижной платяной шкаф. Взять ее, что ли, в личные горничные? Ладно, это потом.

И Лиля этаким розовым стогом сена поплыла вниз.

По пути ее перехватил Лонс Авельс. Шевалье был вымыт, выбрит и даже симпатичен.

– Ваше сиятельство, вы разрешите вам помочь?

– В чем?

– Полагаю, что вдвоем нам будет легче протянуть время.

Лиля кивнула:

– Наверное. Идемте?

– Ваше сиятельство, вы позволите предложить вам руку?

Лонс набросил на руку плащ, согнул ее и поклонился. Лиля кивнула. Положила сверху пальцы. Ледяные.

– Ваше сиятельство, он не полезет на рожон.

Лиле от этого было не легче. Какова возможность остановить «летучий отряд гаденышей», прежде чем он нападет и смоемся? В ноль? Ей надо было «дружить» с бароном. А это... Сделать человека врагом – несложно. А вы попробуйте с ним подружиться.

Бароненок был во дворе.

Лейс кланялся и заговаривал зубы на тему, мол, я распорядиться не могу, а графиня уже одевается, и сразу же, как только же...

Такой гость, такой гость, это такая честь для нас, что просто писаемся от восторга. В вашу чашу с вином.

Пять человек свиты были при нем. Лиля бегло оглядела их. В родном мире она таких относил в категорию «шакал паршивый, стайный». И уходила. Ибо на фиг. А здесь...

Драться будем. Сначала словом, а потом, если что, и ногами.

Лилия выплыла и улыбнулась. По-доброму.

Лонс отпустил ее руку и раскланялся.

- Господин барон, позвольте представиться, шевалье Лонс Авельс.

Барон вскинул брови.

- Волей судьбы я являюсь учителем молодой леди и гостем ее сиятельства графини Иртон.

Лилия еще раз улыбнулась. Лонс отвесил поклон в ее сторону. М-да. И тут только она осознала, что произошло. Если бы она представлялась первой – опустила бы себя. Давила бы на барона? Парень ощутил бы себя ниже. Хотя так и есть. Но... вдруг перемкнет?

А Лонс послужил буфером. И отлично сгладил острый угол.

Барон отвесил легкий поклон и улыбнулся.

- Клив Донтер, барон Донтер, ваше сиятельство. Прослышав о вашем несчастье, решил заехать, выразить свои соболезнования.

Лилия вскинула брови.

Вот как?

Со стороны барон был похож на лягушку. Почему создавалось такое впечатление?

Лилия не знала. То ли из-за тонкогубого большого и мокрого рта, то ли из-за слишком бледных водянистых глаз, то ли просто не понравился.

- Соболезнования? И в чем же вы мне соболезнуете, достопочтенный?

Титул явно пришелся по сердцу. Запомнить.

- Ну как же, вы потеряли ребенка, болели...

Лилия вздохнула. Эх, послать бы тебя лесом.

- Достопочтенный Донтер, это уже в прошлом. Но я рада, что вы заехали.

Барон расплылся в улыбке.

- Ну так мы же соседи, а хорошие отношения – это важно, не так ли, ваше сиятельство?

- Очень важно, барон, – вмешался Лонс. – Мы ведь живем здесь в захолустье, не с кем и словом перемолвиться, не от кого даже последние известия узнать.

И острый взгляд на Лилию. Мол, поняла?

Лилия улыбалась. По-доброму. И считала в уме. Она пробежала стометровку за две-три минуты. Если бежать не на скорость. А просто бежать. До реки примерно километр. Итого двадцать-тридцать минут туда. И пока там, пока обратно... Да и намек Лонса был понят.

- Может быть, вы останетесь отобедать? Мы вскорости собирались садиться за стол.

Господи, хоть бы что было, кроме тушеных овощей!

Барон поклонился.

- Ваше сиятельство, ваше приглашение большая честь для меня. Я буду рад.

- Тогда прошу вас в замок. Вашей свите накроют на кухне.

Барон сверкнул глазами, но, видимо, оскорблением это не счел. Как-никак и пригласили, и рады визиту, а что свиту на кухне кормить будут – так не на конюшне же!

И кормить, а не пинать. Хотя Лиля планировала посоветоваться с Джейми. Если что... вы наш компотик из аконитика не пробовали? А желе из волчьей ягоды?

Шутки шутками, но своя шкурка дороже.

Если что – мы и твоим прихлебателям, и тебе серьезный понос организуем. Так, чтобы вам не до войны было.

Лонс раскланялся. Барон тоже расшаркался, накинул плащ на руку и предложил согнутый локоть Лиле. Как и полагается по этикету. Лилия благосклонно улыбнулась и коснулась его кончиками пальцев. Уже теплых.

А дальше был сироп. Сахарный. Много.

Лилия улыбалась и была очаровательно любезна. Барон сиял так, что американцы бы сдохли от зависти. Мири Лилия приказала придержать в комнате и не выпускать. Ни к чему ей такие знакомства. И Марта мгновенно согласилась. Тоже что-то про барона слышала.

Слуги сновали зайчиками. Эмма была торжественна, как флагманский корабль королевского флота.

В ожидании обеда шевалье Лонс Авельс, которого также пригласили за стол – все ж таки шевалье, дворянин, а потому право имеет, – раскланялся с бароном и завел вежливую беседу.

О погоде, о природе, о лошадях и собаках. Лилия улыбалась, поддакивала и украшала собой комнату. А через двадцать минут – и трапезу. Впрочем, угощением барон был доволен. Специи в это время ценились, а новая кухарка, которую нашла Эмма, умела их использовать. Лилия попробовала совсем чуть-чуть, и то оценила. И мясо в меду, и птицу в вине, и бульон со сливками, и тушеные овощи.

Когда только состряпать успели? Разве что взяли готовое и чуть протомили?

Лилия поддерживала легкую беседу и думала, что Лонсу причитается. По большому счету, беседу вел он. И так ловко, что барон этого даже не замечал. А Лилия время от времени вставляла несколько фраз из разряда «ни о чем». Вот чему надо учиться. И Мири учить.

Барон даже не замечал, что шевалье ведет беседу, искусно вытягивая из него все интересное. А Лилия уже узнала, что Ирта – речка неплохая. Но только в низовьях. А где-то неподалеку от замка становится порожистой и каменистой. Ага. Тогда понятно. Вроде бы и широкая, и судоходная, а толку? Вручную каждый метр прошупывать, и каждый порог волоком преодолевать? Проще уж в обход, по морю. Правда, по морю тоже не сильно поплаваешь, но в отличие Иртона, у барона есть своя гавань – повезло.

Море в этом районе вообще не слишком судоходное.

Рифы, мели и течения создают своеобразный рельеф, от которого волками воют все моряки. Подойти к берегу? Ну разве что ты не дорожишь кораблем и готов добираться до суши вплавь.

Лиля в очередной раз улыбнулась барону. Дверь тихо-тихо распахнулась. На пороге стоял Эрик.

Лиля едва сама не подавилась овощами.

Скромный вирманин под два метра в высоту и не меньше метра в ширину производил поразительное впечатление. Блестела начищенная кольчуга, посылал солнечные зайчики топор, сверкал шлем.

Эрик был прекрасен, как Терминатор в последнем фильме.

– Ваше сиятельство, разрешите доложить!

Аж с потолка паутина посыпалась.

– Ремонт практически завершен, осталось как следует просмолить, так что если вы распорядитесь...

– Распоряжусь. – Лиля кивнула. – Завтра же вам дадут смолу. Вы кстати к обеду. Я так понимаю, ты с отрядом?

Эрик кивнул:

– Да, ваше сиятельство.

– Вот. Полагаю, на кухне вас накормят?

– Благодарствую, ваше сиятельство!

– Это я вас благодарю за службу. – Лиля улыбнулась. Эрик развернулся и вышел. На приглашение к столу он не рассчитывал – этикет. Но барона надо было напугать. А поесть, это и на кухне можно. Не страшно. Готовят сейчас хорошо для всех, а не только для графини.

Барон Донтер проводил Эрика ошеломленным взглядом.

– Ваше сиятельство?

Но вместо Лили ответил Лонс:

– Барон, ну вы же понимаете, что в замке должна быть своя дружина.

– Вирмане?!

Таким тоном праведный христианин мог бы возопить «Черти рогатые»?! Лонс развел руками.

– Госпожа графиня – слабая хрупкая женщина, сами понимаете, если супруг приказывает, она не смеет ослушаться.

Лиля чуть в ладоши не захлопала. А то ж! Супруг приказал! Лонс, конечно, знал правду. Но где сказано, что граф вирман нанял? Нигде! Он просто приказывает, а она слушается. А впечатление...

Светская беседа. Барон вежливо покивал. Мол, если супруг приказал, да попробовала бы жена не исполнить... И разговор вернулся обратно на тему природы и погоды.

Пятеро свитских барона на кухне чувствовали себя королями. Щипали служанок, жрали все что хотели и похабно шутили.

Продолжалось это ровно до появления вирман. Десяток качков в боевых доспехах, во главе с Эриком произвели такое впечатление, что у одного из прихлебателей из открытого рта вывалилась куриная нога. Эрик улыбнулся. И чего все так боятся его

улыбки? Подумаешь, зубы слегка сточены и парочки нет. Так выбили... бывает! Чай на море, не в постели!

– Доброго здоровья!

– И вам, – прокашлялся один из свитских.

– Да, и нам тоже.

Шутить, щипаться и смеяться уже никому не хотелось. Разве что Эрику. Но он благородно сдержался. И просто попросил покормить и его и парней. Что было тут же выполнено с большим удовольствием.

Барона проводили через три часа. Ужравшегося в зюю. В карете. Но Лиля бы и побольше отдала, лишь бы он убрался. И в хорошем настроении.

Впрочем, на возвращение кареты она надеялась. И о возвращении барона подозревала. Припрется. И еще как... каз-зел!

Помахав платочком вслед свитским и карете, Лиля высморкалась (а то что ж – зря доставала?) и повернулась к Лонсу:

– Шевалье, моя благодарность. Вы меня сегодня очень выручили.

– Ваше сиятельство, это такие мелочи... Так должен поступать каждый мужчина.

Лиля раскланивалась, Лонс тоже. Но друг друга они поняли.

«С меня причитается».

«Сочтемся».

Вслух слова не прозвучали. Но Лиля умела быть благодарной. А Лонс собирался быть полезным.

Два хороших человека всегда могут договориться.

Получив письмо от Тариса Брока, Август буквально взвыл.

Покушение?!

Лиля живет в кошмарных условиях?! Но ведь раньше...

Августу понадобилось ровно пять минут, чтобы понять – раньше его люди ездили в Иртон вместе с графом. А Лилюшка...

Тихая, домашняя девочка, родной ребенок, доченька от любимой жены. Конечно, она и слово боялась сказать при супруге!

Да и письма, наверное, он читал?!

Первым желанием Августа было пойти во дворец и нажаловаться королю.

Вторым – подумать головой. И чуть подождать.

Жаловаться надо на что-то, а не просто так, на основании трех строчек голубиной почты. Сначала получим письма дочки, выслушаем Брока, да и представителя его величество в Иртон послал.

Вот если все и правда подтвердится...

Погоди у меня, Иртон!

Я не граф. Но радость и счастье я тебе обеспечу. Ты у меня жене нижнюю юбку в зубах

приносить будешь!

Август не сильно обманывался о мотивах зятя. Ему нужны были деньги и верфи. Чего уж там. И короне – тоже. Да и кто бы отказался от такого кусочка? Недаром посаженным отцом на свадьбе был сам король. И гарантом договора.

Да, Лилиюшку Джерисон не любил. Но стерпится-слюбится, так? А если еще и дети пойдут, вообще замечательно. А тут...

Супруг ей пренебрегает.

Живет в кошмарных условиях.

И самое главное.

Покушение!

Да кому понадобилось убивать его доченьку?

Нет, нельзя пока пороть горячку. Брок скоро будет здесь, надо поговорить с ним, а потом уже и к королю. Дело-то серьезное.

Упоенный вусмерть барон Донтер пришел в себя только на подъезде к поместью. Лиля постаралась. Самогонка – вещь такая, если понемногу подливать в местное вино, запах почти не заметен. А по мозгам даст.

И качественно.

Служанки постарались. А вина барон выпил много. Так что сейчас сильно страдал похмельем.

Но графиню Иртон в этом не винил.

Наоборот – впечатление осталось положительное. Этакая домашняя курица. Учит дочь, вышивает цветочки и не лезет в мужские дела. Этот ее шевалье... управляющий, что ли?

Да, наверное.

И в то же время...

Управляющим раньше был Эдор. С которым барон кое в чем нашел общий язык. Но Эдора выгнали. Графиня?

Смешно!

В это барон поверить просто не мог. Сработала инерция мышления. Женщина – это прекрасное существо. Она создана, чтобы украшать жизнь, и должна быть милой, глупой. Лилиан Иртон отвечала этим канонам. Так что Клив не смог поверить, будто она угрожала сунуть Эдора пятками в камин.

Скорее всего Эдор кое о чем умолчал. Ему угрожали оружием – ну так есть и вирмане. Вот то, что этот гаденыш не сказал о вирманах... тут барон мог поверить.

Если граф что-то заподозрил, прислал своих людей, те взяли Эдора за шкуру, и бывшего управляющего выпустили просто так?

Да нет. Наверняка его просто напугали и должны были начать обработку на следующий день. Кто б его выпустил, если были серьезные подозрения?

Да еще с женой?

Смешно...

Барону и в голову прийти не могло, что в теле Лилиан Иртон появилась новая сущность. Которая просто омерзительно ориентировалась в новом мире и делала, что в голову пришло.

Нет. Вариант с графом был правильнее.

Где-то Эдор прокололся. Чего-то не учел.

Со всеми вытекающими.

Так что графиня – не проблема. Основной бедой барону виделись вирмане. Эти дикари шуток не понимают и проблемы решают топором.

А это уже грустно.

Особенно с похмелья.

Ладно. Вот голова болеть перестанет, подумаем, что с ними делать. А то скоро зима.

В следующие дни Лиля была очень занята. И весьма собой недовольна. Вот раздражение и трансформировалось в двигательную активность. Да еще какую.

Повод для недовольства у нее был.

Ладно. Пусть все здоровые вирмане пашут на ремонте кораблей, строительстве копильни-солеварни и заготовке рыбы на зиму. А все, кто остался в замке, были буквально в состоянии нестояния. Джейми смотрел мрачно, да и сама Лиля, зайдя в лазарет, тоже не была в восторге. Даже в ее мире такое потребовало бы серьезных усилий. А тут... ни антибиотиков, ни иммуностимуляторов... промывать раны вонючей самогонкой и молиться всем подряд.

Но не в этом суть.

Да, барон. Да, сволочь. Да, может доставить кучу неприятностей.

Но чего ты вскинулась?

А потому что не привыкла чувствовать себя беззащитной. В замке было от силы человек пять у Лейса. Очень неудачное время барон выбрал для визита – когда часть ребят Лейса провожала Тариса Брока и еще не вернулась, часть отправилась вместе с крестьянами на заготовку и доставку камней для стены замка, а в самом замке остались... увы! Всего пять человек военных. Во главе с Лейсом, боеспособных, но – пять человек.

Мало.

Неудачно барон приехал. Или наоборот – удачно?

Эрик на этот счет высказался так:

– Засеки надо делать. И заставы. С голубями. А иначе кто хочет будет шляться.

Лиля кивнула:

– Эрик, займешься? Вот ремонт корабля закончишь, это на тебя и ляжет.

Она... ну, не извинялась, но объясняла, почему не пригласила вирманина за стол:

– Я побоялась. Барон – дурак, вспыльчивый, да, может, он и не решился бы тебя задирать, но если бы начал... мог ведь и начать. Из желания доказать всем, что он такой непобедимый и крутой.

Эрик ухмыльнулся и погладил рукоять топора.

Лиля продолжила:

– Вот-вот. А раздоры с соседями – это последнее, что нам нужно.

Вот тут и прозвучало про засеки. Лиля тут же согласилась:

– А голубей мы где возьмем?

- У Лейфа есть голубятник. Да и в деревне голубятни есть.

Лилю как крапивой ожгли:

- У кого?!

- У Фреда Дарси и Эрка Грисмо.

- А почему...

Лиля дернулась и заткнулась. Любой вопрос выглядел бы глупо. Почему она не знает? Почему не доложили?

Простите - чушь!

Ты - графиня. Не знаешь? Ну-ну...

Пару минут она помолчала. А потом решилась и честно рассказала Эрику почти все. С того момента, как очнулась.

Нет, не о своем попаданстве. Боже упаси! Проще сразу дорожку на костер проложить. Пусть даже здесь инквизиции нет. На фиг!

А вот о том, что управляющий воровал, подозрительно распустил дружину, о внезапно появившихся волках, о...

Эрик слушал очень внимательно.

И неожиданно спросил:

- Госпожа графиня, а где этого Эдора зарыли?

- Не знаю. А...

- А вы труп видели?

Лиля помотала головой, уже догадываясь:

- Он, может быть, жив?

- Вполне. Он может прятаться у сообщника. А еще... Ваше сиятельство, давно ваш супруг приезжал?

Лиля прикинула по времени.

- С полгода назад.

- А когда теперь должен?

Ответ «Альдонай его знает» был написан на личике графини крупными буквами. Эрик вздохнул. Странная она все-таки. В сложных вопросах разбирается спокойно, с травником спорит, с мужчинами говорит совершенно свободно. Но иногда проявляет удивительную наивность.

- Госпожа графиня, а сколько времени прожил бы управляющий, узнай ваш супруг, что замок разваливается, стража распущена, ему шлют поддельные отчеты, а вы в небрежении? Вы только представьте себе.

Лиля представила.

- Примерно полчаса.

- И то еще много. То есть...

- Он должен был куда-то скрыться?

- Именно.

Лиля задумалась.

- Деньги у него были. И хорошие. Даже того, что я вытряхнула, хватило на закупки. А ведь я вытряхнула далеко не все.

- Вот. И что отсюда следует?

- Что дожидаться графа он не собирался.

Лиля давно позабыла про титулы. Эрик тоже не собирался ей напоминать. Да, она графиня, он вирманин... но ведь красавица же. Щеки разругались, глаза горят, а грудь... какая грудь!

Впрочем, Лиле это было безразлично. Она прикидывала. Из Иртона выжали что смогли. И собирались удрать, сорвав куш. Ширви в сообщниках, если что - предупредит про графа. Стражи нет. Вопрос - куда бежать?

- Нам бы найти его сообщника.

- Сообщников, ваше сиятельство.

- То есть?

- У него должен быть кто-то в подручных, но... Почему отсюда никто не бежит? Ваше сиятельство, при таких кошмарных условиях все крестьяне должны были сбежать. А они терпят.

- Но...

- Такое может быть только в одном случае. Если бежать им некуда. Или опасно.

- А почему может быть опасно? Хотя... Эмма!!!

Эмма явилась пред графские очи и призналась, что да. Кое-кто пытался бежать, но потом нашли их тела. Специально привезли и бросили у деревни.

Кто сделал? А поговаривают, что барон Донтер и сделал.

Молодой?

Да нет, еще старый. Так он же вроде был поприличнее?

Вопрос сложный. Господам от него не доставалось, конечно, а вот крестьянина и запороть мог. Да и то поговаривали, что он жену свою со свету сжил, когда та ребеночка на стороне пригуляла.

Лиля кивнула. Страшилки ее не волновали.

- Думаете, барон?

- Предполагаю.

- Эрик, ты будешь засеками заниматься, займитесь и деревнями. Пройдите, посмотрите, у кого есть голубятни, у кого что...

- Ищейками нас сделать хотите, ваше сиятельство?

Лиля пожала плечами. Вопрос был задан с явной иронией и требовал достойного ответа.

- Таких волчар, как вы? Ищейками? Э нет. Но чутье у вас должно быть отличное, так что потрудитесь на благо графства. Кстати, Эрик, мы с шевалье Авельсом и леди Мирандой теперь трапезничаем вместе. В малой столовой. Восемь утра, час дня и шесть вечера. Если будет время и возможность - присоединяйся. Будем рады.

Эрик покачал головой.

- Ваше сиятельство, я ж вирманин.

Лиля кивнула. Вирмане в принципе в Альдоная не верили, своих богов им хватало за глаза, а потому на континенте они считались не то чтобы второго сорта, но какие-то границы с ними старались не переступать.

– И что? Я, леди Миранда, шевалье Авельс, пастор Вуплер с сыном, Лейф с Ингрид и капитан Антрел. Полагаю, не самое худшее общество.

Эрик тоже так думал:

– Ваше сиятельство, если буду в замке, то с радостью.

Лиля кивнула:

– Хорошо. Засеками займешься?

– Мне как раз корабль просмолить надо, а у вас в Яблоницах смолокурня есть, так что проедусь, огляжусь.

Лиля все равно была собой недовольна. Подумать бы раньше – и чего срываться из-за барона?

Просто его в округе боялся. А массовый ужас – штука заразительная. Вот и заразилась. И запрыгала. А так спокойнее надо быть. Выдержаннее.

Ты – графиня.

А с другой стороны – поможет это тебе, как ежику ракетное топливо. Если барон решит тебе гадить... Нет, королю ты пожаловаться можешь, но здесь глухомань. Пока кто доберется, пока чего решат. Интересно – средневековые бюрократы сильно от привычных отличаются?

Лиля вздохнула и принялась за хозяйственные дела.

Ходила на уроки, присматривала за порядком в замке, проводила инвентаризацию вместе с Эммой, записывала все, что помнит из медицины, и все, что могло пригодиться в этом мире и времени, выслушивала доклады по строительству и ремонту, раздавала указания...

Кто сказал, что аристократки просто сидели и вышивали? Да тут пахать приходится как проклятой! Впору молоко за вредность требовать.

Амалия, герцогиня Ивельен, в девичестве леди Иртон, скользнула к мужу в кабинет. Тот сидел, разбирая какие-то бумаги. А увидев жену, отложил их в сторону и заулыбался:

– Проходи, дорогая. Что-то случилось?

– Нет, ничего серьезного, дорогой. Просто я волнуюсь за Миранду.

Питер привлек жену к себе, поцеловал ручку и погладил по округлившемуся животу.

– Леди, вы лучше думайте о своем ребенке.

– Но Миранда мне тоже не чужая.

– У нее есть отец.

– Но нет матери. А отец... милый, Джес не умеет быть отцом.

– Я помню, дорогая, – откликнулся Питер, поглаживая талию жены и потихоньку спускаясь к тому месту, где это уже не талия.

– Мы ведь росли в основном с гувернантками. Отец постоянно был в делах и разъездах, бабушка с дедушкой нас не слишком любили, знаешь, как мы мечтали, что папа проведет с нами хотя бы день? Целый день!

Питер постарался не морщиться.

Да знал он это все. И что дальше? Ты вышла замуж, милая. У тебя другая семья. И переживать ты должна не за соплюшку, у которой капризов больше, чем ума, а за своего нерожденного ребенка.

Но вслух он этого, понятно, не сказал.

– Дорогая, если пожелаешь, я направлю письмо в Иртон. Узнать, доехала ли Миранда и как она себя чувствует.

– О да!

Синие глаза Амалии вспыхнули.

– Прошу тебя, дорогой.

– Можешь не просить, любимая.

Питер привлек к себе жену и нежно поцеловал.

Окажись при этой сцене Лиля – точно спросила бы, почем литр розовых соплей. Но супругов никто не видел.

Никто не заметил тень неудовольствия, промелькнувшую в глазах Питера, когда Амалия заговорила о брате. Да и заметил бы.

Тени к делу не пришьешь.

Пару дней спустя Лиля уверилась, что была права насчет барона.

И просветил ее, как ни странно, Джейми. Хотя что тут странного? Лиля за это время не то чтобы сдружилась с травником, но общаться им нравилось. В том числе и на профессиональные темы. Хотя до конца Лиля паренька понять так и не могла.

Вроде бы вежлив, приветлив, но иногда... из него прямо-таки прет властность, которая совершенно неуместна у паренька-травника из глухой провинции.

Хотя Лиля не возмущалась. Она и сама временами вела себя неадекватно. А подобное притягивает подобное.

– Барон, ваше сиятельство, скотина, сволочь и мерзавец. Весь в свою мамочку. И папочку тоже.

Лиля поощрила паренька кивком. Мол, сама знаю. А подробности можно?

И Джейми принялся рассказывать.

Барон Донтер, для начала, таковым не являлся. Вообще.

То есть к баронству он имел примерно такое же отношение, как Лиля – к Великой Китайской стене.

Баронство это примерно лет тридцать назад принадлежало старому Донтеру, у которого были сын и дочь. Дочь вышла замуж за любимого мужчину, правда шевалье, из безземельных, но разве это важно, когда речь идет о любящих сердцах?

А то, что через пару лет после заключения брака (все еще бесплодного) к шевалье переехала сестра, а наследник барона случайно погиб на охоте, это уж и вовсе лирика.

Погиб и погиб, кабан – животное невежливое, особенно если в него острыми железяками тыкать. Не он первый, не он последний. Юноша был опытным охотником – а что? Погибают одни ротозей? Да любой приличный ротозей к кабану не сунется и жив останется. А вот опытный охотник как раз и рискнет...

Одним словом, парень погиб. И наследником стал супруг дочери. По личному прошению барона. Кое-кто говорит, что барон к тому времени, правда, умом от горя повредился. Но это все вранье, кто же будет прислушиваться к словам крестьян?

А дочь барона?

А говорят, что она сидела под замком. И слова не могла сказать против супруга. Тот ее убить угрожал. Одним словом, ахинея.

Лиля кивнула.

Имел место быть рейдерский захват собственности. Не новость и в двадцатом веке.

Поместье наследовать король разрешил. А потом стало еще интереснее. Спустя несколько лет бесследно пропала дочь барона.

Куда?

А никто не знает.

Было несколько версий. По одной – она изменила супругу со стражником и сбежала с ним, прихватив пару горстей золота из кармана супруга. По другой – умерла в родах от горячки. По третьей – сошла с ума и утопилась в болоте.

Одним словом, темна вода во облацех.

Так что остался пришлый барон-шевалье. И его сестра. С сыном, прижитым также от какого-то шевалье. Который тоже сделал ребенка и погиб на охоте. Вот этот сынок... на него и подали прошение о признании его следующим бароном. Ибо что-то там темное с женой барона было, пастор брак заключать отказался. А незаконные дети земли наследовать не могут. Есть какая-то хитрость в законах.

Лиля только вздохнула.

Что тут скажешь? Сосед ее – человек выдающихся душевных качеств. Еще поискать такую гниду.

А еще... Не многовато ли живности расплодилось в местных лесах? И все с людоедскими наклонностями? Кабаны, волки.

Просто страшно в лес выйти. А бронежилеты тут так и не изобрели.

Когда Август прочитал письма от дочери, у него даже руки затряслись.

Он и так ждал прибытия Тариса Брока, как взгляда Альдоная, но результат превзошел все ожидания.

Его дочь, его милая девочка, которая росла в тепличных условиях, – в полуразваленном замке, практически без охраны, управляющий воровал, граф своим долгом пренебрегал.

А ее письма! Да что должна была перенести доченька, чтобы так писать?

Она не жаловалась, не ругалась, не плакалась на жизнь. Она просто...

Так могла бы писать женщина, в два раза старше и мудрее. Но что заставило повзрослеть его дочурку?

Август даже думать об этом не хотел.

А вот прибить Джерисона Иртона к Мальдонаиной матери – хотел. Очень.

Сукин сын!

Жена, конечно, собственность мужа. И с этим сложно спорить. Но Август постарался обезопасить дочь как мог. И включил в брачный договор несколько пунктов. Например, о

безопасности жены. А вот проживание супруги в полуразрушенном замке и без охраны сюда явно не вписывалось.

А если расспросить дочь? Может быть, найдутся и другие нарушенные пункты? Любовь – чувство эфемерное, его не отследить.

А вот если Джерисон еще и на «девичью долю» покушался, то есть на те суммы, которыми должна была распоряжаться сама Лилиюшка, это уже более весомо. А если супруг ей еще и изменял...

Одним словом, первым побуждением Августа было – прибить мерзавца. Вторым – пожаловаться королю. Третьим – подумать и получить весомые доказательства.

Ибо король очень любит Джерисона Иртона – как-никак племянник. И любое обвинение придется серьезно подтверждать. Ему достаточно Лилиюшкиных слов. А что будет достаточно королю? Надо подумать и собрать доказательства.

Если дочери плохо – он ее не оставит мучиться в этом браке. И постарается призвать Джерисона к порядку.

Нужны тебе верфи?

Обеспечь законного наследника!

А для начала неплохо бы получить для дочурки официальное приглашение ко двору. И между делом пожаловаться королю на нелегкую женскую долю. В сочетании с докладом королевского представителя.

Август понимал, что это дело долгое и трудное. Но оставлять дочь на произвол нелюбящего мужа не собирался. Еще не хватало!

О разводе речь, конечно, не идет. Разведенная женщина – это клеймо на всю жизнь. Ни замужества, ни детей. Хуже прокаженной. Но добиться раздельного проживания?

Это можно попробовать осуществить. Тогда Лилиюшка не будет абсолютно зависимой от мужа. И обращаться с ней он начнет более уважительно.

Август отложил в сторону письма и принялся расспрашивать Брока о дочери.

И поражался с каждым словом все больше и больше.

Умная, сильная духом, целеустремленная, властная... Да разве это его застенчивая дочурка?

Хотя... Август вспомнил, как отец хотел для него военную карьеру. Но куда там! Десятилетний мальчишка сбежал из дома, прибил к верфям и заболел кораблями. Их гордыми силуэтами, надменными обводами, хищно выгнутыми парусами. Ему не хотелось плавать на них, о нет! Ему хотелось создавать это чудо своими руками. Сначала был обычным «подай-принеси» на побегушках, потом подмастерьем на верфи, а к двадцати годам смог построить свой первый корабль. Под руководством мастера, но все-таки!

Августу повезло тогда. Старый мастер-корабел Торни Фарай искренне привязался к мальчишке, который ради работы на верфи готов был душу продать, и принялся обучать его своему ремеслу. Известно же, каждому человеку Альдонай дает при рождении *дар*. Вкладывает его в человека, а дальше все зависит от него самого.

Угадаешь – дар раскроется, словно цветок.

Не угадаешь – так всю жизнь и проживешь, как сорная трава. Да и не любит Альдонай, когда его даром пренебрегают. Хотя Мальдонай коварна. Она делает человека слабым, ленивым, отворачивает его от нужной дороги.

Мальчишка на нее попал. И мастер Фарай мог только порадоваться за парня. И учить его как своего ребенка. Раз уж родным детям Альдонай дара не дал.

Бывает.

Именно на дочери мастера Фарая Август был женат третьим браком. Именно она, младшенькая, любимица всего дома, Мариэла, морская, родила ему дочурку. И умерла.

Но жену Август любил до безумия. И дочь тоже. И ради нее был готов в огонь и в воду.

А что девочка стала такой...

А чего удивляться? Старый мастер Фарай был кремнем. Где сядешь, там и слезешь. Мариэла тоже кротостью нрава не отличалась. Август хорошо помнил, как эта малявка заявила ему: «Я за тебя замуж выйду». И все равно ей было, что он женат. Дождусь. И все тут.

Сам Август считал себя человеком решительным. И чего удивляться, что дочь пошла в родителей? Радоваться надо! Так что Август кивнул.

Лилюшка замечательная девочка. Умница и красавица. И ее супруг это тоже осознает. Август постарается.

Как уже говорилось выше, Брокленд был человеком упертым. И свернуть его с намеченного пути не смогли бы и сорок слонов.

Тарис Брок наблюдал за сменой выражений на лице своего начальника. А потом протянул ему свиток:

– Это показания убийцы.

Август взял свиток и развернул.

Прочитал. Внимательно, серьезно, вдумываясь в каждое слово. Нахмурился:

– Откуда известно про любовницу?

Тарис поднял брови.

– Этот тип сказал, что заказчик нанял его, чтобы устранить вашу дочь.

– Я понял. Но откуда он узнал, кто и что?

Тарис согласился:

– Да, у нас тоже возникли эти вопросы.

– И?

– Мы расспросили мерзавца. Как оказалось, на следующий день он опять пришел в трактир. И увидел там человека, который заказал ему вашу дочь. Проследил за ним.

– Вот как?

– И увидел, что этот тип входит в дом, где часто бывал супруг вашей дочери. Там живет некая Аделаида Вельс.

– Вот как...

– И Джерисон Иртон часто ее посещает.

– И что?

– Наш проигравший не такой уж дурак. Он поболтал со служанкой из дома леди. Оказалось, что этот заказчик – ее кузен. И похоже, леди с ним... в достаточно близких отношениях.

– Очень мило.

– И с вашим зятем – тоже.

Август нахмурился.

- Слова служанки? Кто им поверит.

- Никто. Но если поставить себе цель...

- Я подумаю об этом. Ладно, иди.

Тарис попрощался и вышел. Август задумался.

М-да. Дочь надо выручать. Как? Для начала дожидаться королевского представителя. Имеющаяся информация вместе с уже полученной будет более весомой.

Добиться для Лилиан приглашения ко двору.

Выяснить, что с ее финансовыми делами.

А пока написать дочери. И ждать ответа.

Если ей что-то нужно... Сам он не может бросить верфи.

Самое мучительное - ждать. Но сейчас он ничего больше сделать не может.

Представьте себе - вы сидели дома. И тут вам приносят две посылки.

Одну от бабушки. А вторую от дедушки. И обе королевских размеров.

И вы начинаете копать то в одной, то в другой. И что в результате?

Бардак с борделем и дурдомом. Коллективный.

Именно это определение и приходило Лиле в голову, когда ей доставили целое стадо скотины. Вот тут она взвыла и сбилась с ног. И еще раз похвалила себя, любимую. За ремонт, проведенный в замке. А точнее - в хозпостройках.

Кое-как всю скотину удалось распахать по загонам и навесам. И возник вопрос. Всю держать?

Вообще ее было не так много.

Можно и оставить. А крестьянам молоко выдавать, яйца, цыплят, короче - из своих рук. Колхоз был не самой худшей идеей.

Но ты эту скотину еще прокорми в зиму. И корм запаси. Что-то можно у крестьян взять, но не так много. А что-то... Да и не будешь ты зимой дорогих коров держать абы как. Нужно утеплять коровник, расширять его. А тут еще свиньи, еще козы, еще птица. Фишка в том, что за зиму хорошо бы и приплод получить. А то какой смысл покупать хороших молочных коров, чтобы сожрать?

Нет уж.

И всюду требовался приказ, всюду требовался пригляд.

Многое делали и Эмма, и спешно вернувшаяся с побережья Ингрид, но и Лилу не миновало. Вечером она почти падала в кровать, едва находя силы, чтобы рассказать Мири сказку. И чуть ли сама не засыпая на каждом слове.

Мири. Вот еще проблема.

Девочку она любит. А если сцепится с ее отцом?

Угадайте с трех попыток, кому будет в этой склоке хуже всех?

Впрочем, на моральные терзания у Лили времени не оставалось. Ибо прибыл королевский представитель.

Аделаида Вельс была собой довольна. А почему нет?

Даже очень.

Она, милая, очаровательная женщина (ладно, девушка, так приятнее). Включена в состав посольства как фрейлина будущей принцессы.

Вот выберет себе его высочество невесту, и она должна будет стать ей подругой, рассказывать о новой родине, новых подданных... да много чего.

На таких постах иные женщины годами держались. Блистали при дворе, интриговали, заводили любовников. О, придворная жизнь – это предел мечтаний. Для Адель так точно.

Но вот... Женщина чуть нахмурилась. Жить при дворе...

Хорошо. Но дорого. Ее доход, увы, этого не позволит. Никак.

Алекс? На него тоже не стоит рассчитывать. Кузен беднее храмовой крысы. Единственное его достоинство – в штанах. Ну и в уме. А так...

Увы, и еще раз увы. Сейчас она содержит его на деньги, полученные от Джеса. А сам Джес – это тоже проблема. И серьезная.

Адель не обманывалась насчет своего любовника.

Умный. Точнее неглупый. Неплохо ведет торговые дела, справляется с ролью королевского мальчика на побегушках. Но в отношениях с женщинами – уязвим и слаб на передок. Ее он любит, точнее, говорит так. Но если ему кто предложит, не откажется. И даже не будет считать это изменой. Вроде как хлебушек жуешь каждый день, но булочек тоже хочется. И она пока для него такая булочка. А хлеб – его жена.

Ручки женщины сами собой сжались в кулачки.

Где справедливость!?

Почему Джерисон Иртон – молодой, богатый, красивый, неутомимый в постели – достается какой-то жирной корове?! А ей, такой умной, нежной, тонко чувствующей и вообще великолепной – старая развалина, которая пускала ветры все то время, которое не спала?!

Она заслуживает большего! И она уже отписала Алексу. Ему надо любой ценой, если это еще не произошло, убрать мерзавку-графиню. Если это случится, Джес женится на ней. Уж она не оплошает.

В чем-то мужчины ужасно предсказуемы. И ловятся на две вещи. Первая – беспомощность и нежность. Этакое трепетное создание с губками бантиком. А что создание способно камни ворочать – это им в голову не приходит. И второе. Внимание к своим проблемам.

Покажи, что ты равнодушна, похлопай ресницами, расскажи про неоцененные глубины его души, про то, как его не понимают в семье, и бери голыми руками. Это она умеет в совершенстве.

И сделает.

Надо бы написать еще одно письмо. Дипломатическая почта будет отправляться еще не раз. И осторожно, иносказаниями...

Алекс должен убрать негодяйку, которая занимает ее место.

Место графини Иртон.

– Ваше величество?

Гардвейг оглянулся. Сводный братец стоял на пороге кабинета.

– А, Альт? Заходи, чего стоишь?

Альтрес Лорт не заставил себя упрашивать. Прошел в кабинет и попробовал поклониться, но тут же был остановлен гневным рыком:

– Ну ты еще на брюхе поползай! Не надоело?

– Раз я столько лет это проделываю, не надоело, – Альтрес, поняв, что молочный братец-король в отличном настроении, уселся в кресло без спроса. – Можно вина?

– Налей. И мне плесни.

– Тебе надо бы поменьше. Сам знаешь, докторусы...

– Надо парочку повесить. Идиоты! Ходят вокруг, сю-сю-сю, ля-ля-ля, хоть бы один правду сказал! Болваны!

– Так тебе правду и говорят.

Его величество изволил фыркнуть:

– Альт, и ты туда же?

– Ладно. Прости. Больше не буду.

Гардвейг кивнул.

– Что хорошего?

– Наши гости уже в Тариме. То есть пара дней пути, и они тут.

– Милия уже с ног сбилась. Тряпки, ленты, наряды, побрякушки, балы, охота... Ей-ей, лучше бы мы пару десятков кораблей построили!

– Гард, сам понимаешь...

– На пустой крючок рыбку не ловят. Альт, помнишь, как мы сбегали из летнего дворца, чтобы порыбачить?

Альт снова кивнул. И на миг позволил себе вспомнить. Двух мальчишек, которые выбираются из окна по плющу, мокрую траву под босыми ногами, темное еще небо, ощущения тяжести живого тела на крючке...

Один из мальчишек стал королем. Второй – графом. Но любили они друг друга по-прежнему. И никого ближе и дороже друг друга у них не было. У Гарда были хотя бы семья и дети, а Альтрес был одинок. Не та служба. А если уж честно – и внешность не та. И должность. Но роль королевского шута ему бы простили. А вот слишком маленький рост, легкий горб и хромоту...

Плевать, что это ему не мешает в бою. Плевать, что он умен и молочный брат короля. В женских глазах все равно было любопытство. Или того хуже. Отвращение и презрливость. И Альт не желал видеть это в своем доме изо дня в день.

Вот не желал – и все тут! Гард уговаривал его, предлагал найти невесту, но Альтрес уперся, и брат оставил его в покое. Семейей Альтреса стал Уэльстер. И жизнью тоже. Гардвейг это знал. И ценил брата. И любил.

– Все я помню. Гард, давай летом сбежим в Леруа? Порыбачим, молодость вспомним?

– Нам бы пока с Ативерной договориться.

– Ативерна... – Альт мгновенно стал серьезным и сосредоточенным. – Что мы имеем. Принц побывал в Тариме, в его честь устроили бал, и он со свитой направляется сюда. Будет примерно дня через четыре.

– Отлично. Что можешь про него сказать?

- Умный парень. В Тариме немного разговелся, но своих шлюх к нам не тащил.

- А в Тариме?

- Подобрал себе баронессу. Ночь провел, подарил безделушку, женщина осталась довольна. Говорит, хороший мужчина, без «особых вкусов».

Гард кивнул:

- Хорошо. Хоть Анелька и дура, но дочь-таки...

Альт промолчал. Говорить, что именно эта дура уже успела натворить, он не собирался. Незачем Гарду такие радости. Вспылит, глупостей наделает.

Ни к чему.

- Слабости есть?

- Сложно сказать. Он далеко не дурак. Эдоард его натаскивал с детства. Из слабостей у него кузен. Друг, приятель, почти брат. Джерисон, граф Иртон.

- А про этого что?

- Вроде тоже не дурак. Но слаб на баб. При нем есть шлюха. Он ее впихнул как фрейлину принцессы, но все знают, что это его девка.

- Главное, все шито-крыто, - ухмыльнулся Гардвейг, в свое время перебравший всех придворных дам.

- Приличия он соблюдает. Но на этом его можно ловить. А Ричард ему доверяет.

- Ты уже что-то придумал?

Альтрес опять кивнул:

- Да. Пару зимних месяцев я дам Анельке на женские хитрости. А если у нее ничего не получится, есть у меня идея.

- Изложи.

Альтрес ухмыльнулся, глядя в глаза брата, и тихо заговорил. Мужчины готовили свой план.

Из Уэльстера Ричард должен был уехать уже женихом Анелии. И никак иначе.

Пожар в бардаке во время потопа?

Лиля так это и назвала бы. И даже хуже. Но материться графине было нельзя. Миранда тут же переймет «полезные» словечки. И Лонс смотреть будет с укоризной.

Шевалье Авельс быстро прижился в доме и стал кем-то вроде личного секретаря Лиляна Иртона. Запиши, прикажи, уточни. Лонс, как правильно то, это, пятое и десятое?

Лонс записывал, распоряжался, не отказывал в справках и мудро держал при себе свое мнение о странностях Лиляна Иртона. Что от него и требовалось.

Спустя пару дней Лиля поняла, зачем бизнесмены держат секретарей. В каких-то случаях Лонс был просто незаменим. Вот как сейчас. Когда по Ирте поднялись два корабля и на берег хлынула толпа народу. То есть толпа – это Лиля погорячилась. Просто отвыкла она в своей глуши от массовок. А тут...

Хельке Лейтц с семьей. Черноволосые и черноглазые – жена? Дети? А, нет. Вроде бы он не женат. Племянники? Но что здесь делает ювелир?

Али и Омар. Улыбающиеся. И Али вообще не хромает. Лиля – ты молодец! Ты все сделала правильно! И это в таких гнусных условиях. Гордись!

Рядом с ними какой-то седобородый старик с мелкой зверушкой на плече. И вторая такая же выглядывает из складок одежды. Где-то Лиля таких видела. Кажется... Ладно! Потом!

И весьма важного вида вельможа, который вежливо кланяется:

- Ваше сиятельство, позвольте представиться. Я шевалье Ганц Тримейн, полномочный представитель его величества Эдоарда Восьмого. Мэр Альтвера, барон Торий Авермаль, сказал, что вы нуждались в моем визите?

О том, что его послал король, шевалье решил пока умолчать. Зачем давать кому-то лишнюю информацию?

Лиля улыбнулась. Склонила голову в легком поклоне и чуть похвалила себя. Не зря все эти дни тренировалась на Лонсе. Поклон неглубокий, точнее наклон головы, но все же чуть глубже, чем Лонсу, как-никак королевский представитель.

- Я рада видеть вас в замке Иртон, шевалье. Надеюсь, ваше путешествие было благополучным?

- Я проделал долгий путь. И был бы рад небольшому отдыху.

- Шевалье Авельс. Прошу вас.

Лиля бросила взгляд на Лонса. Тот все понял правильно и слегка поклонился. Почти как равный - равному.

- Шевалье Лонс Авельс, с вашего позволения. Разрешите проводить вас в замок? У нас, конечно, не слишком уютно, но мы сможем найти для вас покои.

- Не слишком уютно? Почему вдруг? Это родовое поместье графов Иртон.

- Да, но сам граф появлялся здесь раз в три-четыре месяца. Зато назначил вороватого управляющего.

Дальнейшего диалога Лиля уже не слушала. Но в Лонсе была уверена. Сейчас он распишет жизнь в Иртоне самыми черными красками, хоть гуталин производи. Еще и Эмме шепнет, что надо говорить. И будет прав. Перед всякими чиновниками лучше прибедняться. Однозначно.

А сама она повернулась к Али. Раскланялась, как положено. Сами же научили. Руки к груди, почтительный поклон, глаза смотрят в землю - знак доверия.

- Да будут легки ваши ноги, быстры ваши кони, прекрасны ваши жены. Что привело вас в мой скромный дом, друзья?

Али улыбался. Белые зубы блестели в темной бороде. И Омар не отставал от него.

- Пусть ваш свет, госпожа, как и раньше, озаряет все вокруг, а там, где ступит ваша нога, распускаются белые розы. Мы прибыли сюда волей судьбы, несомненно доброй и благоволящей нам.

Определенно у Али опыта было больше. Лиля в его словесных наворотах запуталась минуты через три. Али заметил это, оборвал речь и улыбнулся:

- Рад видеть вас, графиня. Посмотрите - я не хромаю.

- Я с удовольствием осматриваю вашу ногу. Надо же прощупать, ровно ли срослась кость, - улыбнулась Лиля. - Хотя и так не сомневаюсь. Вы пьете молоко?

- С недавних пор только его и пью. Увы, вино с ним идет не очень хорошо...

Лиля усмехнулась. Не очень хорошо? Это еще мягко сказано. Она помнила, как однажды выпила дома кружку парного молока, а потом отправилась на вечеринку. Где выпила рюмку вина. Она заблевала все. Ее рвало всю ночь. И часть утра.

Вино и молоко? Убейте сразу!

- Но я прибыл не только за тем, чтобы пожаловаться на жизнь. Знакомьтесь. Тахир Джааман дин Дашшар.

Седобородый со зверюшками приблизился и отвесил почтительный поклон. Лиля ответила таким же. Да, она графиня. Но это – друзья. И в их культуре женщина все-таки не равна мужчине. То, что они с ней почти на равных, и так большое достижение.

- Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон. Графиня Иртон. Я рада нашему знакомству.

- Ваше сиятельство, прослышав о вашем искусстве, я решил проделать этот путь, чтобы познакомиться с вами.

- Моем искусстве?

- Вы вылечили Али сломанную ногу. Я не смог бы это сделать так, чтобы он не хромал.

Лилиа вздохнула. Глубоко.

- А вы – докторус?

- Я посвятил свою жизнь искусству исцеления, если на то будет воля Звездной Кобылицы, посвящу этому и остаток своих дней.

Местный врач? Отлично! Авиценной будешь.

- Полагаю, нам найдется о чем поговорить, – решила Лилиа. – Буду рада, если вы погостите под кровом моего замка, господа.

Али покачал головой.

Смысл ответной речи состоял в том, что он бы – за! И всеми четырьмя! Но скоро начнется сезон штормов, собственно уже. А раз с него сняли гипс, и все будет отлично, то он останется только на ночь. А потом домой. А то распояшутся без хозяйского глаза. Но весной он с удовольствием приедет.

Лилиа закивала. Она тоже была за. И всячески дала понять, что рада будет приезду уважаемого Али весной. И окажет все возможное гостеприимство. А целитель?

Целитель погостил бы до весны, если госпожа...

Госпожа не возражала. Она была – за!!! С диким и радостным визгом.

Местный целитель! С Востока, то есть из Ханганата! Сейчас она даже подойти к раненым боится. Мало ли что, и так выдает себя каждым чихом. А с целителем, если договориться...

Порадовали Лилию и привезенные вещи. То есть ее покупки. Часть Торий Авермаль отправил по суше, но остальное погрузил на корабли. В том числе и клетки с почтовыми голубями. И это было отлично. Осталось все распаковать, и вперед.

Работать, работать и еще раз работать. И кстати...

Раскланявшись еще раз с Али и Омаром, Лилиа уделила внимание и Хельке:

- Что случилось? Почему вы здесь, мастер?

Рассказ эввира заставил Лилию задуматься.

- Разумеется, я дам вам кров и убежище. И буду рада вас видеть. Но тогда перед нами встает серьезная проблема. Как сбыть то, что мы будем делать?

Глаза эввира были живыми и умными.

- Госпожа, если все правильно поставить, люди будут приплывать в Иртон.

- Угу. Мастер, мы с вами об этом еще поговорим. Хорошо? А пока вам нужно устроиться,

отдохнуть с дороги, а мне еще поговорить с королевским представителем.

- Госпожа графиня, вы бы с ним поосторожнее...

- Но я же сама просила.

- Да. И барон Авермаль даже отписал ближайшему. Но это другой. Этот прибыл из столицы, на военном корабле, специально чтобы отправиться в Иртон.

- Когда?

Хельке назвал дату, и Лиля задумалась. По всем прикидкам Тарис Брок и ее папаня тут ни при чем. А кто тогда? Это не ради убийцы, факт. Но ради кого?!

- Благодарю, Хельке, я буду очень осторожна. Прошу всех в замок.

- Ваше сиятельство!

Али окликнул ее, заставив обернуться. Рядом с ним стояло... стоял...

Лиля не могла сказать, что обожала лошадей. Но в этого коня – она как-то сразу поняла, что это жеребец, – нельзя было не влюбиться. Огненно-рыжая шерсть, длинный черный хвост, черная грива, огромные лиловые глаза. Тонкие сухие ноги, изящная линия крупа, сухая небольшая голова.

Он был красив. И отлично знал об этом.

- Это аварский жеребец. – В голосе Али слышалась гордость. – Мы никому и никогда не продаем кобылиц, поэтому они рождаются только в Ханганате. Его зовут Лидарх, что означает «Дитя огня». И я хотел подарить его вам.

Лиля едва не села, где стояла.

- Но...

- Это самое ценное, что есть у нашего народа. И самое малое, чем я могу отплатить за спасение жизни.

Взглянув в решительные глаза Али, Лиля поняла – не отступит. И сдалась.

- Я благодарю за подарок и с радостью принимаю его. Это дар, достойный короля.

- Королевы... – тихо шепнул Омар.

Лиля послала ему улыбку. И сосредоточилась на коне. Робко подошла. В кармане, хвала богам, завалилось яблоко. В последнее время Лиля грызла их в диких количествах.

Яблоко конь взял. Осторожно и аккуратно. Обнюхал волосы женщины, фыркнул в ухо и, кажется, счел ее достойной внимания. А Лиля уже ничего не замечала.

Конь был прекрасен. И она предвкушала верховые прогулки. Только вот...

- Смогут ли конюхи достойно ухаживать за этим чудом? Ну ничего, я им еще мозги разверну в нужную сторону!

- Госпожа, я оставлю вам своего конюха. Чтобы он заботился.

Только сейчас Лиля заметила смуглого паренька рядом с конем.

- Это Лисам, – представил его Али. – Он и будет заботиться о жеребце. И корма я привез на первое время.

Лиля рассыпалась в благодарностях.

Вечером за столом было людно. Сама графиня. Миранда – а то как же без малявки? Шевалье Лонс Авельс. Королевский представитель шевалье Ганц (для вас, ваше

сиятельство, просто лэйр Ганц), Али и Омар. Эрика Лиля честно пригласила, но тот отказался. Отказался и Тахир Джааман дин Дашшар. Про Хельке и говорить не пришлось. Эввир и благородные господа за одним столом? Да после такого проклянут не глядя. Лейф и Ингрид по-прежнему были на побережье. Зато присоединился пастор Воплер. Еще за стол пустили Марию Рейхарт, чтобы следила за манерами Миранды. Ну и немного для Лили. Она в себе сильно сомневалась. А королевский представитель – это вам не провинциальный барон.

Разговор умело вел шевалье Авельс. Лонс талантливо рассказывал про кучу хозяйственных дел, ненавязчиво напоирая на то, что господин граф на поместье забил гвоздь. Большой. А бедная госпожа графиня вся в трудах, аки пчела.

Ганц внимательно слушал, Али громко восхищался, Мария Рейхарт аккуратно клевала кусочки мяса и шепотом воспитывала Миранду, пастор поддакивал через каждое слово и тоже пел графине хвалу – мол, церковь восстанавливает, деньги дает. Омар восхищенно смотрел... короче, все были при деле.

Проблемы начались с утра. Когда Лиля проводила ханганов и смогла уделить внимание королевскому представителю.

Лэйр Ганц прошел в кабинет, уселся за стол и преобразился. Исчез добренький дядюшка. Перед Лилей сидел чуть ли не сам великий инквизитор.

– Госпожа графиня, что вы можете мне рассказать?

– По поводу? – Лиля и не подумала смущаться. – Уточните, что вы имеете в виду, лэйр Ганц. А то здесь много всего произошло.

– Начнем с той жалобы, которую вы подали.

– Про покушение на меня?

– Хотя бы.

Лиля пожала плечами. Достала из стола протокол допроса и протянула товарищу:

– Мне скрывать нечего. Читайте.

Ганц поднял брови. Видимо, она должна была реагировать как-то иначе. Но – чего нет, того нет. Может, на местных женщин Ганц и производил впечатление, но Лиля, точнее Аля, видела и не такое. Да и детективчики почитывала. И про «злого следователя» знала.

Видя, что дальше графиня продолжать не намерена, Ганц углубился в чтение. Брови его поползли вверх. Лиля наблюдала, меланхолично гадая, сколько складок получится на лбу. Три? Четыре?

– Ваше сиятельство, как же вам удалось...

– Чудом, – честно призналась Лиля. – Охрана вовремя вмешалась.

Это было не совсем так, но не рассказывать же правду?

– И этот негодяй утверждает...

– Что его нанял любовник любовницы моего супруга. Впрочем, он жив, подробнее вы можете узнать у него самого, что и как.

– Я заберу негодяя с собой.

– Сделайте милость. И так зимой голодно будет, еще и этого кормить.

– Голодно? Но ведь...

– Лэйр Ганц, вы хоть себе представляете, в каком состоянии поместье? Вы видите, как все работают?

- Вижу, но...

Монолог Лили можно было положить на музыку и спеть. Как греческую трагедию. Из него следовало, что до несчастья с ребенком она вообще все помнит весьма смутно. Может быть, ее даже чем-то опоили? Она не берется утверждать, но она – молодая, здоровая женщина – вдруг падает с лестницы и страдает необъяснимыми расстройствами памяти? Странно как-то...

Лэйр Ганц выразил сомнение, но открыто спорить с графиней не стал.

Лиля пожаловалась на вора-управляющего и выложила на стол все найденные книги. Сообщила про роспуск дружины, про то, что тут еще и людьми торгуют. Предложила опросить слуг, крестьян, да кого угодно! Хоть весь Иртон – мое содействие гарантировано. Дам охрану – и вперед.

Видя, что графиня не врет и даже не сильно смущается, представитель загрустил. Что греха таить – ему все это задание представлялось легким и приятным. Ну не особо приятным, но проехаться, побеседовать с истеричной дамочкой, и салют. Обратно в столицу. А оказалось...

Дамочка была вовсе не истеричной.

Ситуация – более чем серьезной.

А компания, собирающаяся в Иртоне...

- А зачем вам вирмане, ваше сиятельство?

- А если работорговцы опять нагрянут? Супругу все равно, как я тут охраняюсь, вот приходится самой думать. И о его дочери тоже.

- Но я вижу у вас тут и его солдат.

- Всего пятнадцать человек? Ну-ну...

- Такое ощущение, что вы тут оборону держать собрались.

- Лучше быть предусмотрительной, а не мертвой, – парировала Лилия. – Хотя мне это дорого обходится.

- Но доходы...

- Какие доходы? Управляющий спер все, что мог! Разве что мои шторы не прихватил. И у него определенно были сообщники. Один из них, кстати, тоже в подземелье. А еще там сидят четверо работорговцев. И у меня тут куча народу, которого злобные вирмане спасли от продажи в рабство. Побеседуйте с ними. Здесь тот еще гадюшник! Чем вообще граф думал, когда меня сюда отправлял? Ладно, меня он не любит. Но он еще и от своей дочери решил избавиться.

- Осторожнее со словами, ваше сиятельство!

Лилия горько рассмеялась.

- Осторожнее? Лэйр Ганц, я не стану вас ни в чем убеждать. Вы просто пройдитесь по Иртону, поговорите с людьми, допросите узников. А потом решите сами, что тут происходит.

- А эввиры?

- А где мне было брать деньги?

- А ханганы?

- Мы с вирманами спасли их главного – Али – от бешеного быка. Он мне благодарен за свою жизнь.

Лилия отбивалась как могла. Она не собиралась ничего отрицать. Но валила все на

супруга. Если бы не он, разве мне такое бы в голову пришло? Да ни в жизнь! А так... я женщина слабая, хрупкая, брошенная на произвол судьбы.

Так что после получасовой беседы Ганц отправился в подземелье, а Лиля затейливо выругалась (оглядываясь через каждое слово) и отправилась проведать аварца.

Красавец-конь.

Интересно, а не захочет ли супруг и его прибрать к рукам? Лиля вообще читала про совместно нажитое имущество. А здесь как?

Алекс воплощал в жизнь план своей любимой Адели. Он уже подкупил одного солдата из отряда, который должен был ехать с юной графиней. Но сильно на него не надеялся. Чего уж там, просто воспользовался случаем. Адель – умница, и информацию из графа она вытащила. А сборы юной Миранды Кэтрин (тоже не самое необходимое существо) заняли почти пять дней. Хватило, чтобы найти подходящего клиента. Но этого явно было мало. Поэтому сейчас, продав дорогую рубиновую брошь и такие же серьги с кольцом (спасибо графу Иртону), Алекс торговался с наемниками. Точнее, с их командиром.

– Сто монет.

– Пятьсот.

– Сто пятьдесят.

– Вот еще... за такое и шестисот мало.

– Больше двухсот не дам. Или других найду. Всего-то дел: проехаться, прирезать пару человек, изобразив налет пиратов или разбойников, и уехать. Охраны там, считай, нет, а если и есть, вас почти пятьдесят человек в отряде. Вряд ли там больше.

– Да если узнают, нас травить будут, как диких зверей.

– А вы не попадайтесь. Кто там узнает – глухомань.

– За графиню нас колесуют в лучшем случае. Четыреста монет.

– Двести. И это последняя цена.

– Плюс еще имитация налета... Дешево покупаешь.

– Да вы за полгода столько не заработаете.

Это была чистая правда. Но... Наемник сделал последнюю попытку:

– Двести пятьдесят.

– Двести. И лично тебе еще десятку по итогам.

– Деньги вперед.

– Вперед – двадцать монет, остальное – как вернетесь.

– По рукам.

– Куда нам надо проехаться?

– В графство Иртон.

– У Мальдонаи в...

– И что? Недели за три доберетесь.

– Даже больше. Не та погода. Осень...

– За погоду я уже доплатил.

Алекс торговался отчаянно. Всеми правдами и неправдами ему удалось наскрести триста монет, и за каждую он готов был драться до конца. Одних драгоценностей не хватило, пришлось еще взять в долг, но такие мелочи Алекса не останавливали.

Главное – наемники уже согласились. Не лучший отряд, но сорок пять человек. На Лилиан Иртон должно хватить с избытком. И на Миранду Кэтрин Иртон тоже.

Наемники не согласились бы, но – увы. В последнее время спрос на услуги отряда был слишком мал, и все из-за сущей ерунды. Подумаешь там – пару девок прихватили и чуть заигрались, немножко разгулялись, порезали нескольких идиотов... Ну и старались соблюсти свою выгоду. Какой смысл класть голову за дурака-нанимателя?

Вот еще не хватало!

Хотя в Иртон они могут и проехаться, почему бы нет? А вот что там делать...

Решим на месте.

Класть свою голову за идиота-заказчика командир тем более не нанимался. Задаток был хорош, так что всегда возможны варианты...

– Когда они должны приплыть?

– Сказали, незадолго до сезона штормов.

– Он уже начинается.

– Значит, со дня на день.

– Надо будет их предупредить. Как бы их не заметили вирмане.

– Да и заметят! Сказали, придут толпой, человек пятьдесят. Массой задавят.

– Думаешь?

– Чего тут думать! У графини их не так много. И все рассеяны. Кто на побережье, кто по деревням, кто поехал с поручением, кто вообще болен – дай Альдоная, человек двадцать наберется. Их просто раздавят.

– Может, все-таки послать парня на побережье?

– Пошли. На всякий случай.

– Я пошлю сына к причалу. Пусть подождет там.

Всю следующую неделю Лиля была откровенно занята. По уши.

Замок она с чистой совестью спихнула на Эмму. Внешние дела – на Ингрид, которую отправила вместе с Лейфом по деревням прикидывать, сколько там чего есть на зиму. Причем в компанию им навязала пастора Воплера. А пастору – пяток солдат Лейса. Правда, пришлось еще раз подтвердить Лейфу свое обещание не давить на психику. Не хочешь менять веру? Твои личные трудности. Не меняй. Я тебе за это даже зарплату не урежу. Но за это попрошу не бить пастора топором промеж ушей. Хочется человеку потрепать о божественном? Пускай. Я не прошу тебя его слушать, я просто прошу тебя его не бить.

– Зачем он вам нужен?

– Да потому, что он пастор. Потому, что у меня полторы тысячи человек, и на всех один паршивый храм. Может, надо второй завести? Пусть место приглядит, прикинет, что и как. Да и у меня под ногами мешаться не будет. Кстати, он давно просился с народом пообщаться, в храм-то ходили те, кому ног не жалко. А так вы по паре дней в каждой деревне пробудете, он как раз службу проведет на рассвете. Жалко, что ли?

Лейф поморщился, но пастора обещал не убивать сразу. Мол, Холош с ним, пусть едет.

Лиля только попросила быть осторожнее. И смотреть в оба. К кому-то же ушел управляющий после того, как она его выгнала?

Лейф кивнул.

Лиля не сомневалась – будь он один, начихал бы на все. Но Ингрид... Ради нее он вообще спать перестанет.

Эх, найдет ли она себе когда-нибудь такого же мужа?

Лиля что-то сильно сомневалась. А если честно – явись к ней сейчас принц на белом коне, выгнала бы к лешей матери. Не до него.

Ее буквально рвали на части.

Тахир Джааман дин Дашшар ознакомился с ее записями по анатомии человека и буквально клещом вцепился в Лилю, пытаясь узнать источник.

Лиля «честно» ответила, что сама не знает. Просто, когда еще жила с отцом, нашла старые свитки, которые буквально в руках рассыпались – ну и переписала. Если целителю будет угодно, она и остальное поищет.

И порадовалась, что после фармакологии взялась за анатомию. Две самые противные, на ее взгляд, дисциплины. Остальное было проще. А вот это – базовое. Без этого далеко не уедешь. Все равно, пока лежала с ранением, делать ничего не давали.

Хотя на человеческий скелет в Лилином отображении без слез взглянуть было нельзя. Пропорции плакали горячими слезами, о художественной ценности и говорить не приходилось. Зато все кости были на месте. Все подписаны.

А мышцы... ох...

Ладно. Перечислила – и то хорошо. Куда крепятся, написала, а рисует пусть тот, у кого талант есть.

В ближайшее время Лиля планировала записать еще кучу всего по терапии, педиатрии и хирургии. Или начать с основ сестринского дела?

Может, оно и лучше. И под это дело организовать в замке курсы медсестер. А то Джейми один с ног сбивается.

А правда. Записать, как правильно обращаться с больным, про профилактику и лечение пролежней, про повязки, и вперед. Пусть Тахир всех и учит. Это и будет его платой за знания. Ну и Лиля может сделать вид, что у него учится.

Но для начала она подсунула целителю свитки по анатомии, и теперь Тахир врывался к ней раз по двадцать на дню, уточняя, что это за слово и что оно обозначает.

Пояснений Лиле было не жалко.

Лонс тем временем организовал процесс обучения. С вирманами было двенадцать детей – мальчиков и девочек в возрасте от трех до двенадцати лет. Лиля в приказном порядке распорядилась обучать всех. Вместе с Мирандой и сыном пастора. А кому не нравится...

Но, увидев доброе и ласковое лицо графини, а также замечая ее нежные взгляды на топор Эрика, учителя спорить не решались. И правильно. Лиле не нужна была неуправляемая орда, которая носится по замку. Поэтому сначала теория, а потом практика. Посидели на уроках – шагом марш помогать по хозяйству. Эмма каждому найдет дело. Даже Мири. Как ни шипела юная виконтесса Иртон, но ей пришлось учиться управлять хозяйством. И проверять, и контролировать, и находить каждому дело по его способностям и возможностям. Да, пока под строгим присмотром, но лишней такая наука определенно не будет.

А Лиля... Она объединила в одну команду кузнеца и вернувшегося с грузом песка и мела стеклодува и пыталась получить хорошее стекло. Положим, как лить крупное стекло, она

знала. Хоть метр на три. Только лить надо поверх слоя расплавленного олова. Для этого нужны приспособления, которыми тут же и озадачился кузнец.

А Лиля села вспоминать формулу.

Кварцевый песок, сода, известь. Процентовку Лиля примерно помнила. Хотя стеклодув, к которому они ходили когда-то заниматься, сыпал на глаз плюс-минус килограмм. Но у него талант и опыт. А у нее?

Варить шихту до 1500 градусов, потом выдерживать, лить...

Первый блин получился комом. Пузыри в стекле (хорошо хоть брали маленькую порцию) вышли могучие. Но, вылитое поверх расплавленного олова, оно стало ровным и гладким.

А пузыри...

Перемешивание стекла оказалось каторгой. Но кузнец справился с этой задачей, потом они приноровились тщательно дробить и просеивать сырье, и во второй раз получилось гораздо лучше. Благо помногу они и не варили.

А раз на двенадцатый Лиля взяла в руки пластину гладкого стекла и ощутила гордость за себя.

Вот нефиг прогуливать химию! С ней нигде не пропадешь.

Хотя мастера испытывали не меньшую гордость. Лиля-то знала теорию. А практика ложилась на их плечи. Что, как, чем мешать, как сделать корыто, как лить. Они справились с этим.

Долго Лиля им порадоваться не дала и предложила добавлять чуть-чуть оксидов железа (для зелени) и серы (для коричневого цвета). Для красного она пока ничего не нашла. Ни кобальта, ни марганца... Ну да ладно! Не обязательно же все в Иртоне будет под ногами валяться. Тут и так условия потрясаящие. Торф – есть. Янтарь – есть. Хельке как узнал, помчался на побережье вместе с племянниками. А его сестра осталась в Иртоне и как-то незаметно взяла на себя кухню.

Готовила она великолепно, на Лилин вкус. И была жуткой жадиной, что тоже неплохо. А то Лиля после приезда барона поинтересовалась, куда такое пиршество готовилось, и узнала, что это по привычке. Эдор-то никого не ограничивал. Не съедят – свиньям останется.

Почему-то Лиле это не понравилось. Ненаучный подход к проблеме. Вот.

Но сейчас сестра Хельке, Лория, царила на кухне безраздельно. И питались все довольно сытно и просто. Оно и к лучшему. Без разносолов обойдемся.

Тем более, Лиля так выматывалась в стеклодувной мастерской, что выходила – и падала без сил. Иногда и в буквальном смысле.

Зато было получено первое гладкое стекло. В мир пришел метод, получивший скромное название «методика красного креста». Увековечивать Иртон Лиле почему-то не хотелось. Как и себя. И Брокленд. Нет уж. Пока все, что она делает, – будет помечать крестом. Красным. А захочет она раскрывать свое инкогнито или нет...

Пока Лилю устраивало то, что мастера готовы были за нее в огонь и в воду. Раньше никому не приходило в голову объединить их усилия, а она смогла. И получила хорошее стекло. А когда она показала, что может быть и зеркало...

Серебрить металл здесь давно научились. Посеребрить одну из поверхностей стекла и покрыть черной краской было несложно. И в Иртоне на свет появилось первое стеклянное зеркало, которое Лиля без размышлений забрала себе.

И на память, и хотелось ведь посмотреть на себя.

А результат радовал. Из зеркала на нее смотрела весьма симпатичная особа. Полная, да. Да, пара подбородков явно лишняя. Но уже не безобразная гора сала, нет. При росте

примерно метр семьдесят Лиля дала бы себе килограмм девяносто. Ну может быть, восемьдесят пять. Но лишняя вода уже ушла. Оставался плотный жирок на достаточно узкой по ее меркам кости. Ну что, еще килограмм десять – и почти красотка?

Больше как-то худеть не хотелось. Хотя с таким режимом жизни...

Помотайся то на уроки, то в стеклодувную мастерскую, то к швеям, которые тоже кружева просто так не сплетут (это кажется, что все просто, а на деле – возмись! Рехнешься!), то на конюшню, то к лекарю, то...

Лилия сильно подозревала, что поправиться ей не грозит. Наоборот, можно плюнуть на диету и есть все подряд.

А то скоро на овощах ноги таскать перестанешь.

Ганц Тримейн это время провел в Иртоне, допрашивая всех, кто подвернется. И с грустью констатировал, что дело хуже, чем казалось вначале.

Истеричных баб хватало всегда. И лучший метод обучения для них был указан еще Эдоардом Третьим. Плетью по заднице.

Только вот Лилиан Иртон не была истеричной. Она была по уши занята, так, что иногда даже не обедала. С рассвета и до заката. Вставала, присутствовала на службе, занималась дочерью, хозяйством, беседовала с чужеземным лекарем. Единственное увлечение, которое не одобрял Ганц, – стеклодувные мастерские. Но это не так страшно. Стекло – продукт ценный.

Она ни разу больше ни на что не пожаловалась. А вспоминая ее рассказ, Ганц убедился, что она и не преувеличивала. Старые слуги как один вспоминали, что графиня была тихой и скромной. Сидела у себя в комнате со служанкой, молилась, вышивала, ждала приезда супруга – и все.

Да, хозяйством она не занималась. Так и господин граф... Он замечательный, лучше господина и не пожелаешь. Только вот приезжает редко, пастора к нему не пустили, налоги драл в четыре руки. А так граф замечательный, дай Альдонай ему здоровычка.

Но графиня вообще чудо.

Суммируя все, у Ганца получалась такая картина.

До потери ребенка (долгожданного) это была тихая девочка. Сидела себе сиднем, вышивала, на мужа не жаловалась, хотя и имела право. Судя по опросам служанок, граф женой откровенно пренебрегал. Наезжал раз в три-четыре месяца, хамил, ни во что не ставил, а после его ночных посещений графиня часто плакала.

Последнее – дело семейное, но если жену видеть три раза в год, наследника ты не сделаешь. Это факт. И какая б она ни была, она твоя жена. И уважение ей ты выказывать перед слугами обязан, согласно титулу, а не так, чтобы все знали о твоей неприязни. Такое тоже, мягко говоря, не одобрялось. В спальне – все между вами двумя, ваше личное дело. Но не на людях. Твоя жена – это твоя вторая половина, Альдонаем дарованная, если ее не уважать, это и себя не уважать.

После потери ребенка тихая девочка едва не умерла. И взбеленилась.

Тоже неудивительно. Иные и с ума сходили. А тут безумия не видно. Наоборот, все очень правильно. Хотя нет. Не все. Выгнать вора-управляющего решительно неправильно. Надо было его в подземелье и на допрос с пристрастием. Но... кто бы этим занимался? Дружину-то распустили за несколько месяцев до того.

Так что пока Лилиан Иртон сделала все верно. Она не знала, пришет ли ей кого супруг, и вполне логично старалась справиться своими силами.

Наняла вирман? А что ей оставалось делать? На фоне слухов о работоторговцах.

Об этом промысле Ганц знал. И также не одобрял его. Король приказал пресекать, ну и пресекали.

Графиня попыталась позаботиться о своих землях? Тоже неплохо. Пусть по-женски, пусть неуклюже, ну так она женщина и есть. И до мужчины ей далеко.

Ну да ладно. Вирман иногда нанимают. Но тут уж ставим минус графу.

После беседы с Ширви Ганц только головой покачал. Два гада, сговорившись, обманывают своего господина, а тот и не видит. Зато бросил на произвол судьбы, фактически им в лапы, свою беременную жену!

Он ведь не указал, что Лилиан Иртон имеет полное право распоряжаться. Нет. Все права были у управляющего. Ему отдавались указания, он распоряжался... короче, Ганц был недоволен.

Работотворцев тоже не обошли вниманием. Большую помощь при допросах оказали, кстати, те же вирмане. И негодяи запели соловьями. Никому не хотелось на дыбу. Или раскаленного железа. И рассказали они много полезного. Лично для Ганца.

Кстати, ставим еще один плюс Лилиан Иртон.

Оставила «рабов» у себя, дала приют, одежду, крышу над головой – да, попросила отработать, но даже заплатить пообещала по итогам. А так абсолютная свобода. Иди куда хочешь. Все допрошенные «рабы» в один голос пели ей хвалу.

Мол, если б не она, злые вирмане... Злые-то злые, но и прижать их было не за что. Законов они не нарушали. Никого сами не продавали, захватили судно с грузом, а потом и вовсе предоставили распоряжаться судьбой бедолаг Лилиан Иртон. Так что казнить и карать их было определено не за что. А работали они на совесть.

Были, правда, и противоположные сведения. Но стоило ли им доверять?

Нет, в папочку-то мы их положим.

И показания бывшей личной служанки виконтессы Иртон. В которых та утверждает, что графиня – мерзавка, каких свет не видывал. И занимается она богопротивными делами. И вирмане неясно зачем у нее в замке (то есть ясно, зачем – для блуда!). И вообще, так, как она, благородные женщины себя не ведут.

И показания одного из учителей, который утверждал, что графиня слишком много воли дает всяким смердам (негодовал, что его вирманских детей учить заставила), и вообще как-то слишком вольно к мужчинам относится. Вирман полон замок.

Положить их Ганц положил. Но отлично понимал им цену.

Просто нянька не справлялась со своими обязанностями, вот ее и выгнали. И то – графиня проявила благородство, не на большую дорогу приказала выкинуть, в замке оставила. Пусть и навоз выгребать. Но все ж таки не на улице. Так что цена ее словам – медный грош.

Да и словам учителя – немногим больше. Тоже мне, оскорбленное достоинство. Да за те деньги, которые тебе платят, ты весь замок учить должен! И не выступать! Сказала графиня – делай, а не обсуждай. Наглость какая! А вирмане, которые шляются по замку... Ганц наблюдал за Лилиан Иртон и отчетливо понимал, что рогов у Джерисона Иртона нет.

Какие там измены? Женщина за день уставала так, что даже за столом молчала и едва жевала. Падала в кровать и засыпала. К тому же юную виконтессу устроили в соседней спальне, двери между ними были всегда открыты, а дверь в спальню графини заперта на засов, и Ганц знал от служанок, что Миранда часто (каждую ночь, за редким исключением, когда графиня ложилась за полночь, засидевшись у кузнеца или стеклодува в мастерской) ночует вместе с мачехой. Какая уж тут любовь на стороне!

И что вирмане проверяют ее спальню – неудивительно. Убийца-то был. Еще бы немного, и...

Кстати, после допроса Ганц только головой покачал.

Солдат, конечно, знал мало. Но и то, что он знал...

Такая цепочка. Некто, имеющий связь с любовницей графа Иртона. Той самой Аделаидой Вельс, которую по просьбе графа включили в свиту будущей королевы.

Знал ли об этом его сиятельство?

Если знал, то его поведение еще более неприглядно.

Если же нет. Ну тоже хорошего мало. Если Лилиан Иртон пожелает, скандал будет грандиозный. Только она не пожелает. В этом королевский посланник был уверен.

Надо бы еще по деревням проехать и посмотреть, что и как.

Толстый Джим, капитан «Склочной Волчицы», хозяйским взглядом оглядел каменистый берег. Они приплывали сюда уже лет десять, а с того момента как управляющим стал Эдор, даже и не скрывались. Приплывали, забирали груз и должников и уходили, а в этом году Эдор предложил им кое-что еще.

Замок. Целый замок без охраны. Заходи, бери все, что пожелаешь, и выноси. Охрану Эдор брался распустить. Правда, письмецо от него так и не пришло, но Иртон – это ж дикая глушь. Могло и чего случиться по дороге.

Контрабандисты (они же пираты, они же работорговцы, что поделать, в нашем жестоком мире так сложно прокормиться приличным парням) пристали в одном тайном месте и ночью собрались наведаться в деревню. К хорошему другу и даже брату. Действительно, брат боцмана жил в этих местах. Именно они и предложили капитану заняться хорошим делом. А дело было так.

Янтарь – штука дорогая. И ценная. И редкая. А тут его был целый пласт. Большой пласт. Только вот знали о нем немногие.

Знал старый граф, еще дед нынешнего, который решительно не желал делиться с королем. И знали трое его работников. В том числе и отец братиков. Вот жена графа уже не знала. Ибо склочности у старухи хватало на десятерых, а ума и на одну мало выдали. И сынок не знал, ибо в юности папаша его к семейному бизнесу не привлекал, а потом в столице случилась какая-то нехорошая история, после которой в семье Иртонов пробежала трещина. Историю Джим точно не знал, да и не все ли равно?

Важно было другое. Что папаша-крестьянин оказался умнее папаши-графа.

Стоило умереть старику, как он устроил парочку несчастных случаев другим «копателям» и остался единоличным владельцем секрета. И стал потихоньку разрабатывать пласт. Потихоньку, полегоньку, стараясь не спалиться, сбывая драгоценную «кровь моря» буквально по кусочкам.

Хватило на крепкое хозяйство, и ладно. А потом уж его детки... старший стал деревенским старостой, пара других ушла в стражу – в дружину графа, а младший сбежал из дома еще ребенком и дослужился до боцмана.

А потом решил проведать родные края.

Так все и сложилось. Есть что, есть кому... и уже наверняка все готово к их прибытию.

В этот раз, рассчитывая на очень богатую добычу, капитан пригласил с собой приятеля. Капитана Дика, с корабля «Соленая Медуза». Один займется янтарем, второй замком – добычи хватит, потом поделим.

Скоро корабли пристанут к берегу в особом, потайном месте. Все кричат, что побережье каменистое, мели, рифы... но это для дураков. Для умных людей непроходимых мест нет. Всегда можно разведать тропинку. И пройти по ней. Хотя и только в прилив, когда вода стоит высоко. В отлив из гавани не выбраться. Даже им, с неглубокой осадкой. Правда, с грузом они будут сидеть глубже. Надо прикинуть, может быть, сначала все сложить на берегу, а грузить потом? Перевозить на шлюпках?

Ладно. Это потом.

Надо послать боцмана к брату, чтобы узнал, где, что и как, и будем сначала грузить янтарь, а потом уже пойдем на замок. Сначала та добыча, которая точно не будет кусаться.

– Парус в море!

Глядеть в оба для вирман было не роскошью – необходимостью. И Гэл первым заметил парус.

– Кто там?

Олаф вгляделся, сощурился...

– Корыто уэльстерской постройки, только у них такой нос. Название пока не вижу.

– А куда идет?

– К берегу.

– Здесь есть где пристать? Хотя да, осадка у них высокая, могут и проскочить.

– Уверенно идут, места знают.

– Не в первый раз, значитца.

Олаф оскалился. Он помнил, что говорила графиня про работоторговцев, и подозревал, что это они и пожаловали. Ну что ж. Кто к нам с чем и зачем, тот от того и того. Так говорила та же графиня, и вирманину понравилось.

– Все работы прекратить, народ собрать в коптильне, не шуметь, не орать, посмотреть, где пристанут, и выслать дозор. А ты, Гэл, как самый легкий, побежишь сейчас к графине. Лошадь дам.

– Как прикажешь. – Вирмане отлично понимали, когда спорить не надо. – Что доложить?

– Что приплыл корабль, что нужно подкрепление, что мы пока понаблюдаем, а если начнут проказить... ненадолго мы их, конечно, задержим. Но сколько их, а сколько нас. Так что поторопись.

Гэл кивнул и помчался туда, где были привязаны лошади.

Не бог весть что, но какую-то часть пути не пробежать, и то ладно.

А Олаф обернулся к своим:

– Живо разыщите ювелира с племянниками! Если с ним что случится, госпожа не простит! Конечно, с ними Хлейг, но много он один сделает?

Анелия Уэльстерская дрожала как в лихорадке.

Время, время, уже скоро, скоро, скоро...

Уже скоро приедет Ричард. Понравится ли она ему?

А если он любит только блондинок? А если...

Если было много. Нервов – мало. А еще рядом был королевский шут. Впрочем, насчет него Анелия не обманывалась. Хитрая злобная гадина. Если он прикажет, от нее на следующий день и костей не останется. Ричард прибудет очень скоро. Говорят, уже послезавтра.

Анелия подошла к зеркалу. Еще раз вгляделась.

Она – красивая.

Не слишком высокая, с отличной фигурой и шикарной грудью, темные волосы уложены в сложную прическу, лицо чистое, губы алые, глаза большие и томные.

Она очаровательна, одета в роскошные платья, за ней дают богатое приданое, и она королевская дочь! Что еще надо?

Кто его знает.

Граф Лорт сообщил, что особых вкусов у Ричарда нет. Любовницы в свите – тоже. Так что шансы есть. Но сколько?

Сколько бы ни было, она все сделает, чтобы стать королевой.

Солжет, продаст, предаст, переспит с кем угодно, убьет.

Плевать на всех и вся, кроме себя!

О супруге она даже и не вспоминала. Куда там! Речь идет о ее драгоценной жизни.

Хельке тоже увидел корабль. И последовал своему главному инстинкту. Шикнул на племянников и огляделся. М-да. Неудачно.

До вирман далеко. Но надо быстро пробираться к ним. Отойти подальше от берега, чтобы их не заметили с воды, и бегом!

Эввиров травили долго и много. И Хельке отлично знал: чем ты незаметнее, тем целее шкура. Янтарь можно поискать и потом. Тем более что в кошельке у пояса есть уже несколько драгоценных кусочков. Все потом. Сейчас – оказаться под надежной охраной и защитой.

– Это явно пираты, – подтвердил его мысли Хлейг. – Надо бы поосторожнее.

Мужчина еще раз пригрозил племянникам, чтобы, не дай бог, себя не выдали, и начал чуть ли не ползком пробираться к лесу.

Как на грех, они ушли довольно далеко по берегу, и корабль находился между ними и лагерем вирман.

– Дядя...

Старший племянник, Трост, дернул Хельке за рукав. И указал на берег. Там сидела маленькая фигурка. Парнишка лет двенадцати. Явно ждала кого-то.

Корабли?

Хельке задумался. Что же делать, что делать...

Пока их могут и не углядеть с корабля. Скалы загораживают. Но решение надо принимать незамедлительно. С ним двое племянников. И вирманин. Да и сам Хельке небезоружен. Ювелир неплохо умел метать ножи.

– Дядя, мы можем тихо, – шепнул Трост.

Кристиан, второй племянник, серьезный парнишка четырнадцати лет от роду, кивнул:

– Если это пираты...

Объяснять Хельке ситуацию не приходилось.

Лилиан Иртон честно поговорила с ними еще в первый день приезда. Сказала, что возможны осложнения, рассказала какие и пообещала безопасность. А сейчас ее безопасность зависит от них.

Ювелир вздохнул:

- Вы с ним справитесь? Я прикрою из-за скал.

Хлейг с уважением оглядел ювелира:

- А ты не тряпка, эввир...

- Если сейчас он им расскажет все, нам будет намного тяжелее.

Вирманин кивнул:

- Ты и младший за скалами. С ножами. Если что - бегите. Старший со мной. Слушаться во всем, ясно?

Трост кивнул.

Двое, мужчина и паренек, скользнули к берегу ящерицами.

Хельке сжал рукоять ножа.

Пусть уцелеют.

Пусть только он будет один.

Пусть все будет хорошо.

Гэл гнал, как сумасшедший, а когда лошадь упала, побежал что есть мочи. И в Иртон влетел усталый и запыленный:

- *Работоторговцы!!!*

От вопля шарахнулись даже куры.

Лиля вылетела из мастерской:

- *Что?!*

Лейс материализовался, словно из воздуха:

- Работоторговцы?

- Два корабля, осадка высокая, но вместительные, флаг не подняли, идут уверенно, я бы сказал, не в первый раз...

Лиля прикусила ноготь.

- Те самые?

- Не знаю.

- Могут это быть мирные купцы?

- Вряд ли. Что им здесь делать?

- Воды набрать.

- Там нет воды. Хотели бы - прошли бы в Ирту и вверх по течению, а они - над рифами. Знали, куда идут.

- Сколько их?

- Судя по размерам кораблей - до ста человек.

Лиля едва не взвыла. Ощущения были, как поленом по голове. Хотелось выть и бегать, но пришлось только крепко сжать кулаки.

Спокойствие и только спокойствие. Если ты сейчас запаникуешь, навек потеряешь уважение окружающих. И вместо вопля Лиля просто спросила:

– Мы справимся?

Лейс задумался:

– Не знаю. Эрик на реке, у него около двадцати человек. У Лейфа около тридцати, но пятеро из них на побережье, десяток с ним в отъезде. Моих было пятнадцать, пять мы отослали с доверенным вашего отца.

– Итого?

– Порядка пятидесяти человек. Не считая олухов из деревни.

Лилия прикусила губу.

– В лучшем случае один к одному. В худшем же...

– Стену мы почти отремонтировали. Осаду выдержим, ваше сиятельство.

Лилия с недоумением поглядела на подошедшего Лонса, который влез в беседу.

– Имеет смысл сидеть в осаде, если есть кто-то, кто нас выручит. Кстати, где лэйр Ганц?

– Я здесь.

Ганц Тримейн был серьезен и сосредоточен.

– Хорошо. Лэйр Ганц, у вас есть какие-нибудь предложения?

– Можем дать знать соседям.

– Барон Донтер?

Лилия определенно этого не хотела. Но...

– Лейс?

Лейс тоже был не в восторге.

– Предлагаю для начала провести разведку.

– Этим уже занимаются наши. Олаф послал меня, но он будет ждать помощь. В драку не полезет.

Лилия посмотрела на Лейса:

– Там Хельке...

– Ребята о них позаботятся, ваше сиятельство. – Уверенности Гэла хватило бы на троих.

Лилия вздохнула.

– Капитан?

– Собираемся и выступаем, как только прибудет Эрик. – Лейс свистнул, подзывая одного из вирманских мальчишек, носившихся по двору, и коротко отдал приказание.

Лилия прикусила ноготь.

– Мне лучше пойти с вами или остаться в замке?

Судя по глазам мужчин, вопрос был на редкость глупый. Лилия кивнула.

– Оставьте мне человек пять. На всякий случай, можно из крестьянских парней. И отправляйтесь. Я поговорю с целителем. Согласится ли он пойти с вами?

- Пусть тоже собирается.

- Я на вас надеюсь.

И резко развернувшись, Лиля пошла в замок. Ей надо было несколько минут побыть одной. Чтобы никто не видел, как графиня мечется по комнате, ломает руки и кусает губы.

Она рассчитывала, что все это случится не сейчас, позже, а может, и вовсе не случится.

Держись, Лиля. Держись.

Лейс проводил взглядом прямую спину графини и принялся отдавать приказания. Послать гонца к вирманам на побережье – пусть не выдают себя до прихода помощи. Послать гонца к Лейфу – по идее тот сейчас должен быть со своими в Леснавке. Быстро не успеет, но кто его знает?

Вот к барону...

Лейс подумал и велел гонцу не слишком торопиться. Видел он того барона, как бы от него проблем больше не стало.

Хельке крепко сжимал нож. Но его вмешательство не понадобилось. Что такое сопливый мальчишка против вирманина? Хлейг просто смял его, стянул руки за спиной и потащил за собой. Корабли пока выжидали прилива. И Хельке надеялся, что с воды ничего не заметили.

Спустя пять минут мальчишку допрашивали уже вдвоем.

Трост и Крист бросали по сторонам взгляды, Хлейг вертел перед лицом мальчишки острым ножом, стараясь, чтобы солнечные зайчики попадали тому в глаза. Паренек был бледен, испуган и откровенно напоминал овцу.

Хлейг злобно ухмылялся:

- Поговорим?

Паренек дрожал, как овечий хвост, но каяться не спешил.

- Я п-просто хот-тел погулять по берегу...

- Тебе какое ухо дороже? Правое? Левое?

Хлейг был весьма деловит. И после первого надреза уха на глубину ножа мальчишка сломался. И заговорил.

Хельке только чертыхнулся.

Красота!

Пласт янтая на побережье – это богатство. Так что в Иртон он приехал не зря. Графиня не жадная.

А вот то, что к ним пожаловали пираты...

Мальчишка трещал не переставая.

Как оказалось, младший брат его отца подался в пираты. Отец подумал и договорился с братцем. Они хотели набрать побольше янтая и уехать из Иртона.

Мальчишку же послали встретить пиратов и предупредить. О чем?

О том, что в Иртоне полно вооруженных людей. Которые не очень обрадуются визиту.

- Кто твой отец?

- Эрк Грисмо.

- Деревенский староста в Ручейке, – пояснил помрачневший Хлейг. – Интересно...

Хельке спросил вирманина:

- Что же делать теперь?

Хлейг посмотрел на парней. На ювелира.

- Их надо бы остановить здесь.

- Здесь?

- На берегу. Не стоит пускать их в Иртон.

- Но...

- Их надо задержать.

- Как?

Хельке понимал, что сейчас будет сказано.

- Крист и этот глист примерно одного возраста. Эй ты, Эрк кого-нибудь пошлет еще?

«Глист» всхлипнул, но после того, как ему пригрозили отрезать нос, сознался, что нет.

Он должен был встретить дядюшку, проводить, как уже пару раз это делал.

Хельке выругался.

- Крист не подойдет. Единственное, что мы можем... Ребята, рысью к коптильне. Расскажите, что и как.

- Нет. Трост останется.

- За...

- Если они куда-то пойдут, ты бежать не сможешь.

- Нет.

- Поэтому Крист бежит, ты берешь мальчишку и двигаешься к нашим, а я и Трост останемся здесь.

Хельке вздохнул. Посмотрел на племянников, которые боялись, но в то же время и горели азартом, на Хлейга...

- Хорошо. Не рискуй без надобности.

Мужчина кивнул.

- Ты, глистеньш, сюда должны прийти?

Мальчишка замотал головой.

С собой ему дали припасов на несколько дней, так что пока не хватятся. Время еще есть. Хотя и немного. Крист сорвался с места. Хельке развязал веревку на ногах мальчишки, накиннул ему петлю на шею и несильно потянул.

- Иди, и не рыпайся, или сам себя придушишь, понял?

Мальчишка закивал.

- Вот еще, – вмешался Хлейг, – раздевайся.

Мальчишка послушно скинул одежду. Хлейг протянул ее Тросту.

- Надевай.

Паренек поспешно натянул одежду крестьянина поверх своей.

– Пока так, а там посмотрим.

Хельке покачал головой. Да, Трост мог сойти за местного, но только если не слишком присматриваться. Темные волосы, яркие темные глаза, умное лицо.

Но выбора не было.

Ювелир бросил прощальный взгляд на племянника и зашагал вслед за мальчишкой.

Лиля зашла к Джейми. Отдала приказ собираться и зашагала дальше по коридору. Юноша не спорил. По дороге она наткнулась на целителя.

– Ваше сиятельство?

– Да. У нас тут пираты. Плохое же гостеприимство я вам оказываю, Тахир-джан.

– Лилиан-джан, это все мелочи по сравнению с теми знаниями, которые я здесь обрел.

Наедине графиня и целитель давно уже обращались друг к другу по именам, прибавляя разве что «джан» – так говорили в Ханганате уважаемым людям. Близким уважаемым людям.

– Ладно. Тогда попрошу вас какое-то время не выходить из замка. Пираты собирались высаживаться, и никто не знает, какие у них намерения.

– Возможно, они хотят набрать воды?

– У нас на редкость неудачное побережье. Если что – можно подняться по Ирте, а еще лучше зайти в Альтвер, до него не больше полутора суток морского пути. Высаживаться абы где ради воды? Боюсь, что это далеко не так.

– Там рядом есть какая-то деревня?

– Ручейка. И не совсем рядом, примерно часов шесть пути. А ведь...

Лиля схватила целителя за рукав:

– Тахир-джан, пойдете!

На то, чтобы объяснить свою идею и Джейми, и Тахиру, ушло ровно три минуты. После чего мужчины немного покривили губы и согласились.

Джейми потянул какие-то травы и пузырьки, Тахир принялся с деловым видом доставать ступку.

Есть две хороших приправы, которые не испортят ни одно блюдо. Снотворное. Слабительное.

Что до самой Лили, она бы накормила пиратов всем сразу. Но ее-то как раз в рейд и не возьмут. Значит, надо обеспечить Джейми запасом полезностей, а Лейсу сказать, на что можно рассчитывать. Сам побрезгует руки замарать, так Эрик согласится.

Эрик оказался легок на помине. Во двор влетели полтора десятка вирман, и Лиля заспешила к ним.

Эрик, как всегда, вежливо поклонился. Лиля улыбнулась ему. Чем-то ей был симпатичен этот вояка. Хотя, ей-ей, увидишь в темном переулке – сам все отдашь. И зарежешься. Добровольно.

Выслушав о пиратах, Лейсе и травнике, Эрик только кивнул.

– Будем беречь мальчишку. А если случай представится, я сам руки замараю. Вот и возможность топорами позвенеть!

- Эрик...

- Капитан.

Лейс подошел сзади. Лиля вздохнула.

- Скоро выступаете?

- Примерно через час, ваше сиятельство.

- Лошадей хватит?

- Нет. Но и не надо. Они только помешают.

Тут Лилия была согласна.

- Может, хотя бы парочку? Раненые там, груз.

- Все что надо мы и на себе унесем. А если кого ранят, с нами все равно ваш травник пойдет, госпожа.

- Пойдет. И захватит с собой снотворное и немного желудочного.

- Яд?

- Нет. Никто не помрет. Но спящими или со спущенными штанами не повоюешь.

Лейс явно не возражал.

А Лилия тихо радовалась. Смесь белены, аконита, дурмана и болиголова, даже в небольшой дозе, здоровья никому не добавит. А Джейми этими травами запаса еще на ярмарке. Ну и она тоже... Больше – не меньше. Лучше пусть заряженное ружье висит на стенке, чем ты примешься искать патроны в пиковый момент.

Примерно спустя час из ворот выходил отряд.

Разношерстный. Одетый – от доспехов до дешевых кожаных курток с нашитыми бляшками. Откровенно несобранный – вирманам было начхать на строевую подготовку, а Лейс еще не успел вышколить вчерашних крестьян. Но все-таки...

Пятьдесят человек – это все равно сила. Даже если будут драться только человек тридцать – тридцать пять, это очень неплохо. Лилия проследила, как закрывают ворота, и подумала, что надо бы ввести военный режим. Отбой с закатом, патрулирование по коридорам, общая боевая готовность.

Вряд ли это удастся. Разве что первое. А вот что она может – это организовать госпиталь. Потому что раненые будут. Сто процентов.

Когда к Ивару прибежал мальчишка от ювелира и сообщил, что с дядей все в порядке, он ведет «языка» и скоро будет, а еще они знают, кто и зачем, вирманин искренне обрадовался. Но потом призадумался. Что знает мальчишка? Кто его послал и зачем?

Тут надо пирата брать. А вот как это сделать?..

А еще хорошо бы взять Эрка и допросить. Но как это сделаешь, не поднимая шума? Выход был один. Следить, ждать подкрепления, если получится, взять языка.

И – ждать.

Толстый Джим и Соленый Дик высаживались на берег, не подозревая, что за ними наблюдают внимательные глаза. Хлейг и Трост смотрели внимательно и серьезно. Считали.

В среднем шлюпка перевозила по двенадцать человек за раз. Две.

Четыре.

Шесть.

В двух последних – два мужика, одетые богаче, чем остальные. Но по виду все равно пиратский сброд.

– И кто-то еще остался на корабле.

– Вряд ли там много.

Трост посмотрел на вирманина:

– Что теперь делать?

– Пока только ждать. Вот представь себе – они высадились. Их должны были встретить, но не встречают. Что ты сделаешь?

– Мм...

– Дождешься ночи и пошлешь кого-нибудь в деревню, к брату.

– Правда...

– Вот этого кого-то мы и будем ждать. И наших – тоже.

Трост закивал. Глаза парнишки горели восторгом. Хлейг грустно подумал, что мальчик еще не видел ни одной смерти. И выживет ли он?

Толстый Джим посмотрел на своего боцмана. Сим Грисмо был спокоен.

– Тебя не встречают?

– Может, просто не успели. Бывало.

В этом действительно не было ничего странного.

– Вот стемнеет, схожу в Ручейку.

– Ладно. Мы пока тут обоснуемся.

Пираты планировали убраться дня через два, но лагерь разбить все равно следовало.

Лилия строила всех подряд. Служанок, слуг. Срочно рвали ткань на бинты, кипятили воду, готовили кровати для приема раненых.

Дел было по горло. Тахир изучал инструменты, заказанные Лилей еще в Альтвере. И понимал, что столкнулся с чем-то новым. Но как настоящий ученый готов был оставить загадки на потом. Сейчас важнее было выжить. А потом они постараются поговорить.

– Где они?

Ивар выдохнул с облегчением. Помощь пришла вовремя. Гэл успел, и Лейс тоже. И они могли наступать.

Куда? Это сообщил Хельке.

Мальчишку допросили еще раз, ювелира вежливо препроводили под охрану и стали ожидать помощи. Оставалось послать десяток человек в Ручейку и отправить остальных к пиратскому лагерю.

А там – по обстоятельствам. Вот уж чего вирмане не собирались делать, так это нападать с громовым «Ур-р-ра-а-а!!!». Иногда выгоднее бить из засады.

Так что отряды договорились о месте встречи, назначили условные сигналы и разошлись.

Сим Грисмо посмотрел на капитана.

– Пойду я...

– Возьми с собой двоих. Тома и Сэма.

Мужчина кивнул.

– Хорошо, кэп. Вы пока здесь?

– Мы тебя ждем до рассвета. А потом посмотрим.

Капитан Джим был осторожен. А вот Дик...

– Джим, ты что? Мы сюда тащились, чтобы уйти?

– Лучше быть живым и бедным, чем сдохнуть по дороге к богатству.

– Ты сам говорил, там ничего не останется. Ни охраны, ни-че-го. Надо просто прийти и взять.

– Что-то могло пойти не так.

– Тогда пошлем ребят на разведку.

– Может, прямо сейчас?

Дик не возражал. До замка было достаточно далеко, пока дойдут, посмотрят, пока вернуться...

Как раз будет время все погрузить, а потом идти к Иртону.

Хлейг посмотрел на трех мужчин, которые направлялись в его сторону. Точнее, в сторону Ручейки. Он и Трост находились как раз на их пути.

– М-да. Одному мне троих не одолеть.

Глаза Троста были серьезными:

– Я помогу?

– Ты ничего не умеешь.

– Ударить может и мальчишка.

– А уцелеть при этом?

– Выбора все равно нет. А с ножом я обращаться умею.

Хлейг покачал головой. Вот уж не обязательно. Даже если мальчишка кого-то ткнул ножом, это не умение. Но... выбора и правда нет. Один он троих не остановит. А сбежать – тоже не выход. Их надо взять, допросить и уничтожить.

– Слушай, что надо сделать...

Сим Грисмо и ахнуть не успел, когда на него обрушилось чье-то тело. Хлейг спрыгнул с

дерева, своей массой отправив мужчину в нокаут.

И развернулся ко второму. Не повезло Сэму. Удар ножом был быстрым и точным. В сердце.

Том сделал шаг назад – героизмом пират не отличался. Трост не полез в драку. Но ударил точно. Привязав нож к палке, как приказал Хлейг. В ноги.

Том на миг опешил от боли, упал на колено, и Хлейг закончил дело. Одним ударом в горло. И принялся связывать обоих.

– Молодец, малыш.

– Я уже не малыш.

– Все равно молодец.

Трост надулся от гордости. Хотя он и был племянником ювелира, к золоту не испытывал никакой склонности. Может быть, военное дело?

Почему нет?

Симу не повезло очнуться от неприятного ощущения. Ему просто отрезали ухо. Боль была такой, что мужчина взвыл. Попытался взвыть. Но кляп не позволил.

У глаза заблестело острое ножа.

– Сейчас я выну кляп. Если заорешь – тебе не жить. Но для начала выковырну глаз.

Почему-то Сим поверил. И не заорал.

– Кто, куда, зачем?

И Сим начал отвечать. Дрожа, заикаясь...

Эрк даже не успел ничего понять, когда дверь домика слетела под сильным ударом. Его вытащили из кровати, скрутили руки за спиной и бросили на колени перед вирманином. Он знал этого человека. Эрик мог привести в ужас и кого посерьезнее. А сейчас он нарочито злобно ухмылялся, поигрывал топором, лунный свет блестел на кольчуге.

– Говорить будешь?

Эрк всхлипнул:

– Я ни в чем не виноват, господин.

– Где его семья?

– Здесь.

– Давайте. Тебе кого не жалко? Жену? Сына? Дочь?

Полевой допрос Эрику всегда удавался. На отлично. Хотя он и не знал таких слов. Не знал их и Эрк. Но быстро сломался и принялся говорить. Всклипывая и косясь на топор.

Эрик слушал и мрачнел.

М-да.

Хорошо то, что это маленькое дельце самого Эрка. Больше в деревне никто не посвящен. Не считая его братьев. Один из которых ранее служил в замковой страже. После того как пятерка ребят метнулась по указанным домам, Эрик продолжил подсчеты.

А вот плохо...

Их ждали не меньше пятидесяти пиратов. Уже предупрежденных о наличии вирман в Иртоне. Но идти надо.

Его наняли защищать. Дали кров над головой, возможность ремонта, ему платят... А это приходится отрабатывать. Эрик не сомневался ни минуты.

- К морю.

Шуметь они по-любому не собирались. Только убивать.

Хотя полную тишину соблюсти не удалось.

- А что с этим?

- Выдели двоих. Пусть свяжут и доставят в Иртон.

- А семья?

Еще паники в деревне не хватало.

- М-да... и братцы еще... ладно. Есть тут погреб?

Погреб был. Хороший, глубокий, качественный. Эрк постарался на совесть.

Поместились все. И он, и семья, и его братья. Все увязанные по рукам и ногам и еще привязанные подальше друг от друга для надежности. Двое остались их охранять.

- погоди, потом графиня с вами разберется, – пообещали ему на прощанье.

Эрк тихо заскулил. Милости от Лилиан Иртон он не ждал.

Первым вирман услышал Трост.

Насторожился, потянул Хлейга за рукав.

Мужчины тихо скользнули в заросли. Чтобы спустя двадцать минут тихо посвистеть и выйти оттуда прямо перед Эриком. В руке вирманина блеснул кинжал, но потом он узнал своих.

- Хлейг? А это...

- Трост. Племянник ювелира.

- Почему не отослал?

- От него была помощь. Сколько вас?

- Десять. А пиратов?

- Высадились шесть лодок. По двенадцать человек в каждой. Там два корабля. И у нас есть пара «языков».

- Где? Давай сюда.

Эрик заставил повторить Сима все рассказанное. И порадовался.

Их не ждали. И о них не знали. И даже...

Мужчины посмотрели на Троста:

- Паренек, для тебя есть серьезное задание...

Спустя примерно два часа Трост выходил к пиратскому костру.

Его слегка потряхивало. Но парнишка надеялся, что это не слишком заметно. Под рубашкой у него было несколько пакетов, которые вручил травник. Удастся подмешать?

Отлично.

Если нет – это немного хуже. А сейчас...

В спину ему уперлось что-то острое.

– Ты кто?

– Меня послал дядя Эрк. Тол... капитан Джим здесь?

Острие чуть отодвинулось.

– Ты один?

– Да.

– Иди вперед и не дергайся.

Мальчишка кивнул. Сделал несколько шагов и вышел в освещенный костром круг.

Пираты смотрели холодно и злобно. Трост сглотнул. Он дрожал от страха, но старался не показать виду.

– Ты кто?

– Племянник Эрка.

– Не понял. Какой племянник?

– Сын его сестры, Кристы...

– А где сам Эрк?

– У него дети болеют.

– Вот как? И чем же?

– В деревне красная сыпь.

– Та-ак...

– А меня миновало. Поэтому Эрк послал меня ждать вас.

– А сам почему не пришел?

– Они с дядей немного посидели, так что не могли сейчас идти по ночному лесу.

Жест, означающий «нахрюкались в хлам», оказался общим для всех миров. Видимо, в силу схожести алкоголиков. Но Джим понимающе кивнул. Случается...

– Все в силе?

– Да.

– Что в Ирhone?

– Управляющий распустил всех. Осталось только прийти и взять.

Голос Троста практически не дрожал. Вожак переглянулись.

– Что ж. Завтра с утра поделим команды. Часть за янтарем, часть в Иртон.

Про мальчишку забыли, и он вежливо скрылся с глаз долой. Поближе к костру, на котором в большом котле готовилось нечто вроде каши с мясом. Сейчас нет смысла привлекать внимание. Но завтракать-то пираты все равно будут. А вот ночью...

Пакеты под рубашкой щекотали кожу.

Отряд графини Иртон наблюдал за пиратами. Лейс смотрел прищурившись. Те разбились на два отдельных лагеря, не особо смешивающихся между собой. Пиратская дружба – вещь нереальная.

Мальчишку Лейс тоже видел. Но подозревал, что к костру ему лучше не соваться. Все-таки эввиры – своеобразный народ. И на многое капитан не рассчитывал.

В худшем случае им пришлось бы нападать из засады немедленно. В лучшем же... К кострам мальчишка подойти так и не смог.

Но это был только один из планов. По второму...

Кейс знал, что сейчас несколько надежных ребят готовят засады.

Подпилить пару деревьев так, чтобы в нужный момент они упали на дороге, и расстрелять хотя бы часть пиратов из арбалетов. А тех, кто полезет на завал, удобно достать топорами.

Ничего. Подождем.

К тому же Эрик не хотел терять два корабля. И сейчас его люди во главе со своим командиром со всей возможной скоростью двигались к кораблю Лейфа. Хотя и не самое большое судно, а все ж на две пиратские лоханки сгодится. Подойти с воды и взять их в мешок. Как Эрик говорил. Лейс понял, что осадка у кораблей примерно одинаковая, так что во время прилива он сможет пройти и ударить.

Ну а кое-кто из вирман остался.

Они будут драться.

Скоро. Уже очень скоро.

Это случилось в час волка.

В предрассветный час, когда сон особо сладок, а часовые особо рассеянны. Да и еще бы им не быть такими. На безопасном берегу, куда уже приходили несколько раз в предвкушении недурного куша. Пираты – народ не шибко дисциплинированный.

Трост так сумел подобраться к одному из котлов с водой и высыпал туда один из пакетов с травой. Но от этого никому не стало ни жарко ни холодно. Лейс на это сильно и не рассчитывал. Придется жизнь спасать, так на любой понос наплюешь – будешь вопить, но драться.

Нет, выгоднее было сделать по-другому.

Часть вирман, заранее раздевшись, скользнула в воду и поплыла. Уничтожить лодки. Отрезать тех, кто на кораблях, от тех, кто на берегу.

Обычно пираты лодками не пользовались, но Иртон не был удобным местом для стоянки. Приливы и отливы по четыре раза в сутки, омерзительное дно, на которое не сядешь и не выбросишься – раньше застрянешь. Поэтому и понадобились лодки. Погрузить добычу – все-таки ее предполагалось много, так что корабль обязательно осядет. Незачем подходить к берегу.

И сейчас несколько человек, повязав светловолосые головы чем-то темным, плыли к лодкам. А сам Лейс ждал сигнала.

Трост тем временем постарался затаиться, чтобы не наступили в суматохе. Чем-чем, а наивностью племянник ювелира не отличался. Да, в сумерках, без пристального осмотра, он мог сойти за нужное. Но с утра, когда его разглядят и допросят...

А его ведь допросят, потому что боцман не вернется, да и Эрк не придет.

Крестьянин и ювелир все-таки очень разные профессии. Разные повадки, осанка, мозоли на руках, а в свой лицедейский талант Трост не сильно верил. Часа на два-три, не больше. Потом будет хуже.

А потом со стороны моря донесся крик чайки.

Часовой насторожился, но сделать ничего не успел. Вирмане привыкли убивать, они этим и занимались. Солдаты Лейса тоже не отличались любовью к пиратам.

Новичков поставили в ограждение, чтобы никто не пробился к деревне или к замку.

Измазались глиной, чтобы не светиться в темноте, повязали белые повязки на плечи, чтобы отличать своих, и хлынули на берег.

Темной, молчаливой, страшной волной.

Они не кричали, они просто убивали. Быстро и жестоко.

Сначала были слышны только хрипы. Потом кто-то ошибся, и один из пиратов закричал. Дальше Эрик, который реквизирует у Лейфа на корабле кувшин с горючей смесью, заорал команду своим людям, поджег кувшин и швырнул в гущу спящих, точнее проснувшихся и пока еще ошалело оглядывающихся противников.

Полыхнуло.

Пираты замесились. Но их отлично было видно на фоне огня. Чем и пользовались вирмане.

Трост, который наблюдал за этим из-под коряги, валявшейся на берегу, подумал, что так в овчарне волки режут овец. Уже без разбора, топорами, короткими мечами, кое-кто «утренней звездой»...

Кого-то оглушали, кого-то сбивали с ног и связывали, но это уже люди Лейса. Вирмане предпочитали просто убивать.

Соппротивление, конечно, было. Кое-кто дрался. Но не так много. Не так серьезно.

Скоро бой распался на отдельные схватки. Пока еще кипели два очага сопротивления вокруг капитанов. Но и там...

Эрик возглавил одну группу, Лейс – другую, и пираты не выдержали.

Кое-кто пытался пробиться к шлюпкам, но их не было. Более того, на берегу их уже встречали весьма недовольные купанием в холодной воде вирмане. И «согревались» дракой.

На пиратских кораблях бегали, кричали, суеились – оттуда отлично было видно все, что происходит на берегу. Но помогать никто не рвался.

До берега надо было еще добраться – в холодной, почти ледяной воде. И если вирмане могли в ней продержаться, насчет себя пираты иллюзий не питали.

Шлюпок больше не было.

Уйти было нереально. Прилив еще не начался. А когда он начался, из-за скал выскользнул хищный корабль вирман.

О «морских волках» все знали. Связываться с ними – пиратов было не так много.

Вирман – не больше, но пираты-то об этом не знали. И когда им предложили сдаться или умереть, пираты не стали долго раздумывать.

Кувшин с горючей смесью, взорвавшийся на берегу, и несколько кувшинов, показанных вирманами, послужили хорошим аргументом.

С приливом вирмане прошли к кораблям пиратов, закинули крюки и рванули на abordaj. На кораблях оставались только по пяти матросов, так что много времени это не заняло.

К рассвету все было кончено.

Кого-то убили, кого-то повязали, и Лейс расхаживал по берегу, пересчитывая прибыли и потери.

В прибылях было: два практически не поврежденных корабля; десятка три живых оглушенных пиратов; с десяток пиратов, подыхающих от травм различной степени тяжести; семейство Грисмо; пласт янтаря, о котором рассказывал глава семейства.

Не так плохо.

В убытках: десятка два убитых – не меньше пяти вирман, примерно столько же из людей Лейфа и десяток крестьянских парней – пираты пытались прорваться к лесу, но сообразили поздно, поэтому вирмане с солдатами успели догнать их и перебить. Но кое-кто действительно полег; и примерно человек пятнадцать было ранено, некоторые серьезно.

В убытки Лейс отнес и свою рану на плече. Достаточно неприятную, но не смертельную. Просто придется поберечь левую руку какое-то время.

А так обошлись малой кровью.

Вирмане вообще были довольны и счастливы. Они хотя и были на окладе, но все догадывались, что графиня на премиальные не покупится. Что-что, а жлобства за Лилиан Иртон не заметили.

А погибшие? Кто сказал, что ремесло пирата полно радостей?

Вирмане привыкли терять своих. И сейчас не думали о потерях.

Люди погибли с честью и пируют в чертогах богов.

Живым – живое. То есть пересчитать, подогнать и подвести итоги.

Думать о добыче было всяко приятнее.

Лейса перехватил измазанный своей и чужой кровью Эрик. Ночью чей-то нож полоснул ему по ноге, и теперь вирманин прихрамывал. Но голубые глаза горели задором, а белые зубы ухмылялись.

– Как дела?

– Подсчитываем прибыли, – усмехнулся Лейс. – Вы корабли отведете?

– Отведем. Где Лейф застрял?

– Полагаю, он еще не знает.

– А, ладно. Справились – и хорошо. Я потерял троих, восемь ранено. А ты?

– Десятка полтора легло. Раненых пока не считал. Всех повязали?

– Обижаешь. – Эрик явно был в отличном настроении.

Хельке молился. Крист был с ним, но Трост – где-то там. И старый эввир молил богов только об одном. Пусть его племянник уцелеет.

Пусть с ним все будет в порядке.

Пусть только обойдет его беда.

Рядом так же молился Крист. Но они ничего не могли сделать.

Только прятаться и ждать.

Самая страшная пытка – неизвестность.

Связанные пираты выглядели жалко и тоскливо.

Джим погиб, так что ему повезло. Иначе свои бы за подставу задавили. Дик остался жив, но лишился уха и куска скальпа. И теперь был весьма несчастным. Остальные пираты – не лучше.

Трупы вирмане стаскивать не стали. Освободили пяток тех, что поцелее, и заставили работать. Сами сидели и приглядывали.

Выполз Трост, увидел несколько весьма живописных покойников с разбитыми головами и распоротыми животами, и позеленел, как молодая елочка. Отошел в кусты, и оттуда слышались весьма характерные звуки. Двое оказавшихся рядом вирман понимающе переглянулись. Куда деваться... всех когда-то рвало.

А вот громкий мальчишеский крик был уже не нормой. И вирмане бросились туда. Но не успели.

Никто бы не успел.

Билли Ром лежал в кустах и откровенно дрожал за свою шкуру. Хотя нет. Дрожал – не то слово.

Скорее чувства были сложной смесью страха, злобы и ненависти. На вирман, судьбу, капитана, себя...

Билли не сильно досталось по голове в схватке, но бровь рассекло, и лицо залило кровью. Так что сознание он потерял и свалился в кусты. Тут бы и уползти, но... бессознательные тушки не ползают. А когда пришел в себя, было поздно убежать.

Вся стоянка была захвачена вирманами и какими-то непонятными типами. Билли опознал кое-кого из своих. Кто-то валялсядохлым, а остальные были повязаны по рукам и ногам – не вырвешься – и бдительно охранялись...

Можно бы уползти, но куда? Партизанить пират не привык. И потом, рядом стояли вирмане и что-то обсуждали.

А шуметь, чтобы добили? Увольте...

Билли лежал и ждал.

Пока в кусты не ввалился сопляк, который вечером пришел к капитану. Взглянул на Билла, и его вывернуло прямо в лицо пирату.

Что пронеслось в голове у Билла?

С одной стороны – спрятаться уже не удастся.

Убежать? Не получится. Догонят.

И всколыхнулась ярость.

Убить мерзавца!!!

Хотя бы одному, но отомстить!!!

Нож словно сам собой скользнул в руку.

Троста спасла совокупность обстоятельств. Во-первых, он влетел в кусты и согнулся в три погибели. Так что точно ударить было невозможно.

Билли все еще был слегка неадекватен после удара по голове. Не говоря уж о том, что первый приступ Троста пришелся очень «удачно» над его лицом. Так что обзора попросту не было, пришлось бить на звук. И нож, вместо того чтобы войти под ребро мальчишке, сильно распорол ему бок.

Второй удар стал бы добивающим. Но в кусты ворвались вирмане.

Проблемы Билли закончились раз и навсегда с ударом топора.

Троста же подхватили и потащили на полянку. Присвистнули. Остановили кровотечение. И поместили на самодельные носилки.

Парень, можно сказать, родился в рубашке. Да, кровотечение. Будет шрам, возможен перелом ребер, но могло быть намного хуже.

– Жив? – подошел Эрик.

– Жить будет. Еще как. Но лучше к лекарю.

– С нами этот, графский травник.

– Этого мало. Он уже распорядился готовить носилки, говорит, что в Иртоне будет лучше.

– Интересно, чем?

– Там восточный целитель. Да и сама графиня, говорят, кое-что смыслит в этом деле.

Эрик пожал плечами.

– Ладно. Сейчас пленных соберем, чтобы перегонять удобнее было, они и носилки потащат.

– На корабль?

– Вот еще, – возник рядом Лейс. – Пират на корабле – к несчастью.

Трост слышал все как сквозь вату. Болело тело, болела рана, а еще было страшно умереть.

Больше мальчику воевать не хотелось.

Лилиан Иртон провела бессонную ночь.

Мягко говоря.

Она заперлась с Тахиром и Джейми, пригласила для компании Мири и разрешила Марте носить им холодную воду – пить и умываться.

И принялась за обучение своей команды.

Джейми кое-что уже умел – по дороге в Иртон Лиля с ним немного занималась. Тахир кое-что знал. Но вот так, серьезно, про дезинфекцию, про разные виды швов, про узлы, про хирургические иглы и дренажи...

Тахир только хватался за голову, каждые пять минут повторяя: «Лиля-джан, ради этого и умереть стоило...».

Джейми молча перенимал опыт, понимая, что учеба будет, а разъяснений не последует, как ни спрашивай – в крайнем случае, тебе скажут про древние свитки или отмахнутся: «Не лезь, учись!»

Миранда лезла под руки и спрашивала, что и где.

Лиля унимала ее и объясняла, что девочке это всегда пригодится. Времена у нас тяжелые, мужья ездят всюду, кто знает, где им прилетит по черепу, так что учись, дите. Умнее будешь.

Ганц Тримейн обходил стены замка и осматривал свое ополчение. Вояки были те еще, но при закрытых воротах сойдут. Пиратов внутрь приглашать никто не собирался. А проверить, что и как – это он мог.

И тревожиться.

Зря он не поднялся сюда на военном корабле. Надо было приказать...

Королевский представитель – вообще та еще должность. С одной стороны, у тебя есть власть. С другой стороны, тебе надо лавировать между Властью и властью.

Высшая Власть – король. Но и на местах есть его представители, которым не нравится, когда в их дела лезут. Поэтому, как правило, чиновники вроде Ганца одиноки. У них нет семьи, им некогда заниматься землями, да и земля делает их слишком зависимыми – о поместье надо заботиться, надо присматривать, нанимать управляющего... Короче, это не выход. Поэтому король нанимал представителями безземельных дворян. Платил им бешеные деньги, осыпал привилегиями – при дворе шевалье мог на равных держаться даже с иными графами. Понятно, соблюдая разумную осторожность.

Но и спрашивалось с него.

Первое же подозрение на нечестность. Первая же оплошность. Нет, король тебя не уничтожит. Но статуса ты лишишься. А там... скольких ты допрашивал? О скольком ты выяснил?

Иные секреты опасны. Тебя уничтожат те, кому ты оттоптал мозоли. Или их семьи. На выбор.

Лишившись своего статуса, ты проживешь не более месяца. Да и не уходят с этой службы просто так. Обычно – вперед ногами. Но люди идут. Слишком хорошо оплачивается. Дают не только тебе. Но и твоей семье. Угодий прирежут, выгодный брак сестре или брату устроят – о своих короли Ативерны заботятся. И Эдоард не исключение. Но – вот такая цена. Опасность, одиночество.

Поэтому Ганц стоял весьма обособленно.

С королевскими представителями все обращались как с драгоценностями. Не дай Альдоной цапнуть, бросить, потерять из вида.

С этой стороны поведение Лилиан Иртон тоже было странным. Она спокойно смотрела на Ганца, улыбалась, дружелюбно разговаривала – она совершенно не боялась. Не чувствовала опасность? Не ждала от него угрозы? Ей просто нечего было бояться?

Ганц не знал. Собственно, Лилиан Иртон была непонятной. Она со всеми разговаривала дружелюбно, всем улыбалась, не повышала голоса, кроме некоторых случаев, но ее распоряжения выполнялись быстро и качественно.

Тихая-тихая, но выпороть на конюшне или выгнать – запросто.

И сейчас. Когда ей сообщили про пиратов, он видел, что ей было страшно. Но она взяла себя в руки. И сейчас организует... как она это сказала? Гос... хос... таль?

Не важно. Важно другое. Единственное, что могла сделать графиня, – позаботиться о раненых. Она к этому и готовится. И, как мог оценить Ганц, вполне грамотно. Где только научилась?

Ну да не важно.

Ганц прошелся по стене, дал пинка одному из новобранцев, выругал второго, приказывая не спать.

В замке кипела работа. Рвали ткани на бинты, кипятили в больших котлах, воняла какая-то непонятная установка у ювелира, которую запустила графиня и обозвала «противо... воспалительным».

Ну да ладно. Будет время расспросить графиню об этих странностях. В ту же копилку.

Ганц вспомнил про ткань, и появилась другая мысль.

А ведь графиня практически ничего не получает. Если что и было, то не так много. Слуги сплетничают, что графиня продала всю свою одежду и украшения, только чтобы купить скот. А вот про подарки от графа ни слова.

С одной стороны, он и не обязан. С другой – это твоя жена. Она носит твоего ребенка. Мог бы и позаботиться. Графиня любезно предоставила в распоряжение Ганца всю переписку, которую нашла в замке. И не было там ничего важного. Обращенного к жене – ничего. Слово Лилиан Иртона и вообще не существовало как одушевленного предмета. Да и в письмах ей ни ласкового слова, ничего...

– Лэйр Ганц?

Графиня подошла практически бесшумно. Странно для женщины с ее весом. Но Ганц подметил, что Лилиан Иртон двигается иногда весьма по-разному. Иногда как воин, иногда как весьма неуклюжий человек. Сейчас она двигалась медленно и плавно. И как весьма уставший человек.

– Ваше сиятельство, – склонился в поклоне Ганц, – вы еще не спите?

Лиля была на таком взводе, что не уснула бы и после слоновьей дозы тазепама. Но говорить об этом не собиралась.

– Тревожно...

– Вы тревожитесь напрасно. Все будет хорошо.

Графиня ответила признательным взглядом.

– Благодарю вас, лэйр Ганц. Знаете, я так давно не слышала этих слов.

Что можно было сказать на это?

– Ваше сиятельство, не грустите. Я обещаю, мы со всем справимся.

– Конечно, справимся. Но сколько будет убитых, раненых...

– У них такая работа – защищать вас. Они должны быть счастливы сложить за вас головы.

Глаза графини были печальны.

– Столько смертей, лэйр Ганц. Начиная с моего ребенка. Сколько еще должно умереть?

– Работа мужчин – сражаться. Работа женщин – ждать их и лечить.

– И я жду своего мужа, – вздохнула Лилиан. Благонравие в ее голосе можно было на хлеб намазывать. – И волнуюсь... ведь за мной еще и Миранда. Не дай Альдонай, с ней что-то случится.

Ганц невольно подумал, что здесь, на стене, не его место. А место графа Иртона. Уехал с посольством. И все равно ему, как тут жена. А у нее управляющий-вор, сговорившийся с пиратами. И замок на плечах. Лиля словно прочитала его мысли:

– Все на стене в порядке, шевалье?

– Все хорошо.

– Тогда я пойду. Надо приготовить все для раненых.

- Ваше сиятельство, а откуда вы знаете лекарское дело?

Графиня пожала полными плечами.

- А я его и не знаю. На самом деле всем занимается Тахир Джиаман, ну и Джейми на подхвате. А я просто присутствую, чтобы их слушались. Отдаю их распоряжения.

- Вы им так доверяете, ваше сиятельство?

- А мне есть кому доверять, лэйр Ганц? Тут очередь из докторусов ко мне на работу? Единственный был - додумался выкидыш кровопусканием лечить.

- Ваше сиятельство, а....

Лиля сдвинула брови.

- Лэйр Ганц, мне странно, что приходится объяснять такие вещи мужчине. Тем более вам. Но я все-таки скажу. Когда женщина теряет ребенка, она теряет и много крови. И выпускать еще... Четверть части крови человек потеряет, и его уже не вернешь. Он умрет. Как вы думаете, кем надо быть, чтобы так поступить?

Шевалье искренне задумался. А действительно... При кровотечении еще кровь выпускать? Чем надо было думать?

Надо бы этого докторуса, по возвращении...

Лилиан Иртон всхлипнула. Отвлекшись, лэйр Ганц не видел, что она со всей дури уцепилась за руку, так, чтобы слезы появились.

- Простите, шевалье. Мне до сих пор не хочется об этом вспоминать... Простите...

Графиня развернулась и ушла, сгорбившись. Шевалье почувствовал себя скотиной. Ну вот. Нашел о чем вспомнить. Расстроил женщину. А ей ведь и так нелегко приходится. Столько свалилось, а она старается еще заменить мать своей падчерице, беспокоится.

Родная мать столько для детей не сделает. Единственное, что удивляло шевалье, это обучение Миранды Кэтрин с детьми простонародья. Вирмане, сын священника...

Хотя графиня пояснила свою позицию четко.

Пусть ребенок привыкает быть первым, учится командовать, управлять, распоряжаться, да и стыдно ей будет быть ниже каких-то холопов. Пусть учится.

Ганц мог бы возразить, но не стал. Было в этом и что-то верное. Уж учиться ребенок точно стал лучше. Да и сама графиня частенько присутствовала на уроках. При ней-то ничего не случится.

Он посмотрел в ночь.

Сутки.

Надо пережить эти сутки. Потом все должно проясниться. Или с пиратами разберутся, или пираты разберутся с вирманами. На выбор.

Если первое, во что Ганц верил больше, начнется его работа.

Если второе - скорее всего они тут и полягут. Что печально.

А он и не ожидал закончить свою жизнь в кровати.

Лиля вздохнула. Так, проветрилась, вздохнула, лапши навешала... Вроде получилось. Хотя и пришлось экспромтом. Ничего. А теперь к своим.

Тахира и Джейми она гоняла до рассвета, заставляя отрабатывать швы на подушке. Ну да ладно. Лучше заплатить усталостью сейчас, чем жизнями потом.

Раны шили и здесь. Но непрофессионально. А вот подход грамотного хирурга – это была новинка. И Лиля предвидела расспросы от Тахира.

Но это потом, все потом...

Потому что к обеду начали поступать первые раненные.

И начался *ад*.

Работа, работа, работа...

Лилия ощущала себя, как в травмпункте на практике.

Ей было страшно, но надо было работать. В основном – диагностировать и шить. Перевязывать. Промывать и очищать раны. Кое-что уже сделал Джейми в полевых условиях. Но большая часть легла на плечи Тахира и Лили.

Лилия успела расспросить Эрика, когда проверяла его ногу, на предмет недочетов. Но Джейми можно было похвалить. Рана была умело обработана, вычищена и перевязана.

Так что вирманин вовсю зубоскалил и, кажется, даже пытался улыбаться графине. Но куда там.

На работе Лилиан Иртон была медиком. Эрик – пациентом. Она могла заговорить зубы, и вполне профессионально. Но раз больной сам с этим справляется – зачем напрягаться?

Работоторговцы были застигнуты врасплох. И серьезного сопротивления не оказали. Так, ножевые ранения, пара сабельных... Работы много, но работа стандартная. Неприятно было пару раз, когда Лилия увидела племянника Хельке с распоротым боком. Там пришлось влить в мальчишку стакан самогонки, продезинфицировать ею же несколько волосков – и шить.

Прощупать ребра на предмет повреждений, зашить рану и наложить тугую повязку. Ничего, справимся. И не такое видели – это не проникающее в живот, при котором пришлось удалять селезенку. Справедливости ради, тогда Лилия не ассистировала, только присутствовала и училась.

Тахир то ассистировал, то шил сам.

Пациенты шли потоком.

Каких-то посторонних эмоций не было. Не люди. Просто – существа. Существа, на которых есть повреждения. И ее дело, как врача, единственного грамотного хирурга на весь мир, разобраться с повреждениями.

Усадить пациента или уложить. Дать стакан или два самогонки для анестезии. Снять наложенную Джейми повязку, проверить рану, промыть, очистить, зашить. Наложить повязку с медом – и следующий на очереди.

Лилия отлично понимала, на ранних стадиях она поборется с инфекцией, но начнись что серьезнее... Правда, что ли, попробовать по-старинке рану плесенью замазывать? Так ведь не панацея. Все равно половина перемрет.

Кое-кому Джейми вообще стянул рану наспех, лишь бы кровь остановить, и теперь требовалось срочно снимать самоделки и работать уже профессионально.

Лилия забыла обо всем. Сейчас важен был только один конкретный человек. Который был ее пациентом. И рана. Каждая рана была ее личным врагом. И ее надо было ликвидировать. Быстро и качественно.

Болела спина. Голова. Руки.

Лилия давно уже плюнула на субординацию и пристраивалась так, как было удобно. На коленях – так на коленях. Понадобится – на брюхе поползем. Подобие хирургического стола она отдала менее опытному Тахиру. По лицу градом катился пот, хотя окна в

импровизированной операционной были открыты настежь. Рядом так же каторжно трудился Тахир. Джейми тоже не остался в стороне. И приходилось еще смотреть, чтобы они не ошибались.

Несколько женщин трудились на подхвате, но много ли им доверишь? Привести-увести пациента, получше его устроить, поддержать, налить самогону. Выдернуть несколько волосков и прополоскать в спирте. Помогали и дети. Они не спорили. Все понимали – там их родители. И мало ли кому...

К вечеру женщина просто валилась с ног от усталости. И даже не поверила, что поток пациентов иссякает.

Обработала последнего, уселась прямо на пол, вытерла пот со лба и выдохнула:

– Твою ж...

Последующую речь графини история не сохранила. Но упоминала она явно не птичек и пчелок.

Сил не просто не было. Они в минус ушли. Рядом так же упали Тахир и Джейми. И это при том, что работоторговцев графине никто на прием не тащил, ими занимался Ганц Тримейн.

Справедливости ради, Лиля и сама бы ими заниматься не стала. Сейчас ей важнее были ее люди. Завтра можно будет и с торговцами человеческой кровью разобраться.

Она посмотрела на Тахира, на Джейми... Паренек вообще был белее мела. На узком лице с высокими скулами только глаза и выделялись. Большие, яркие, чистые.

– Тахир-джан, Джейми. Вам, наверное, лучше спать пойти?

Тахир кивнул. Поднялся, протянул ей руку...

– Ваше сиятельство.

Кажется в «операционной» был кто-то еще. Лиля на это внимания не обратила. Опираясь (не слишком сильно, а то еще Тахир упадет) на предложенную руку, встала на колени, а потом и на ноги. Голова чуть закружилась. Ну и пусть. Переживем.

– Жить будем.

– Будете, ваше сиятельство. Вы разрешите вас проводить?

Лиля помотала головой, как боевая лошадь:

– Нет.

Нашла слегка косыми глазами присутствующих помощниц и с трудом припомнила имя.

– Мэри, мне нужно ледяной воды – умыться. И узнай, где там лэйр Ганц, поговорить бы.

Служанка закивала и словно улетучилась.

Лиля потерла руками лоб. Лоб был горячий, пальцы – ледяные. Давление, температура, утомление?

А, плевать! Это все остальные могут идти по своим делам. А она тут главная. Тут еще Тримейн и Лейс. Посмотрим, что мужики ей скажут...

Его величество Эдоард Восьмой, милостью Альдоная правитель Ативерны, читал расшифровку письма Ганца Тримейна. Все письма голубиной почты проходили через руки королевского секретаря – человека мрачного, неболтливого и весьма умного. Так что его величество не ломал глаза над мелким шрифтом скорописи. Ему на стол все попадало красиво переписанным и на хорошем пергаменте.

Вот только радовало это далеко не всегда.

«Ваше величество! – писал Ганц Тримейн.

По вашему поручению прибыв в Иртон, вынужден задержаться. Управляющий воровал, замок в запустении, дружина распущена, процветает работоторговля, зимой Иртон может ожидать голод, при мне на Л. Иртон было совершено покушение, которое я вынужден расследовать. М. Иртон цела и здорова, обожает свою мачеху. Л. Иртон делает все, чтобы исправить сложившуюся ситуацию, но нуждается в помощи.

Его величество потер лоб. Потом затылок.

Пользы не прибавилось.

Ганц Тримейн был одним из лучших. И если уж он не смог разобраться в ситуации быстро, значит, все не так просто, как в изложении Джеса.

М-да. А как хорошо все выглядело. Толстая дура, которая закатывает истерики, потому и сидит в поместье круглый год.

Только вот... Его величество посмотрел на золотое перо в своей руке. На чернильницу.

Подарки Августа оказались неожиданно удобны. И его величество приказал секретарю озаботиться. Теперь гусиные перья исчезнут из его жизни. Хотя и непривычно. Но золотое перо удобнее. Гусиные каждый раз одинаково не очинишь, приходится принаравливать, поворачивать в руке... С этим не так. Макнул в чернильницу, стряхнул избыток чернил, и пиши. Не затупится, не поломается... Даже если и поломается, заказать новое – дело минуты.

Да и чернильница – насколько ж удобнее!

Секретарь уже оценил, и вовсю пел ей дифирамбы.

Когда приходится писать, поневоле чернильницу ставишь поближе. И рано или поздно, то рукавом заденешь, то опрокинешь, то еще что... Всякое бывало. А пергамент – штука дорогая.

Сложно даже представить, что это придумала та самая «тупая колода», которую так ругал Джерисон.

Эдоард еще раз вздохнул.

Джес и Лия.

Точнее, Лия и Джес.

Его старшие дети от любимой женщины. Дети, перед которыми он всегда будет виноват. За что? За то, что не подумал о последствиях.

Они с Джесси были молоды, они были влюблены, для них на небе всегда светило солнце. И они даже не думали, что у них будут дети... То есть думали, но как-то отстраненно. И реальность ударила исподтишка. Зло и резко.

Когда Джессимин первый раз сообщила ему о своей беременности, он дико обрадовался. Сначала.

А потом задумался.

Внебрачный ребенок был позором. Для юной девушки – тем более. После такого ей оставалась только одна дорога. Срочно замуж. Хоть за последнего нищего. В противном случае она стояла бы на одной ступени со шлюхами и воровками. Так на нее бы и смотрели. Этого он для своей девочки допустить не мог.

Как же их тогда выручил Джайс! Срочно женился, переговорил с женой. Кстати, Алисия Иртон сейчас где?

Ну да, состоит в свите принцесс. Вот ведь...

Стерва, сплетница, та еще гадюка, но... с него причитается. За их с Джесси спокойствие.

Алисия признала обоих детей своими. Но была и еще одна беда.

Если Джесси могла проводить с детьми ну не слишком много, но хотя бы какое-то время, то у Эдоарда и того не было. Он видел детей раз в год, и чаще никак не получалось.

Не стоит забывать, у него была Имоджин, которая не одобряла встреч супруга с фавориткой, были законные дети, отец, государственные дела. Тут и захочешь – время не выберешь.

Детей Имоджин, Эдмона, Рика, Эдоард брал с собой на приемы, рассказывал, показывал, учил, как его когда-то отец, как сейчас учат маленьких принцесс. Со старшим сыном он этого сделать не смог. Может, и зря. Но выбора не было. И рос его ребенок кое-как.

Алисии до него не было дела, Джайс – чего уж там, старый друг тоже был по уши занят. Государство – ноша тяжкая. Если кто-то хочет подставить плечо, тяжести хватит на всех.

И все же, все же...

Джес – умный талантливый мальчик. Ну как он мог не разглядеть такое в своей семье?

Нет, что-то тут нечисто.

Август Брокленд посмотрел на Тариса Брока.

– Тарис, я тебя, наверное, опять отправлю путешествовать.

– Далеко?

– К Лилиюшке.

– Господин барон!

– С чего такое страдание в голосе. Ты вроде о ней добром отзывался?

– Да не в том дело. Лилиан Иртон – чудесная женщина, замечательная хозяйка, умница, красавица. Но добираться туда в сезон штормов?! Я с прошлого-то раза чуть живой.

Август фыркнул:

– Ладно. Сам понимаешь, дочку я без помощи и защиты не оставлю.

– Да у нее там отряд вирман!

– И что с того? Возьмешь почтовых голубей, все я понимаю, но кто захочет – доберется. Да и ты ей сможешь помочь. Ты говорил, управляющего она выгнала?

– Даже собраться не дала. В единый вечер выкинула за ворота.

– Моя кровь...

Тарис не спорил. Всем известно – для каждого отца все лучшее у ребенка от него, а все худшее – от тещи.

– Так вот. Я письмо напишу, денежку передам, а ты останешься и поможешь ей управляться с Иртоном. Да и у короля надо получить приглашение.

– Как скоро мне собираться?

– Дней через десять.

Тарис обреченно вздохнул. Но куда деваться...

Август ухмыльнулся в бороду:

- Да ладно. Доберешься до Альтвера. А из Альтвера уже и в Иртон.

Тарис печально вздохнул, понимая, что поездки не избежать.

Ганц Тримейн графиню порадовал:

- Ваше сиятельство, это работоторговцы. Как я понял из допроса, они не первый раз сюда приходят.

- Потому нам так легко удалось их взять.

- Ну да. Расслабились, не ждали подвоха.

Лиля кивнула. Что есть, то есть. Практически все раны, которые она зашивала или перевязывала – поверхностные. Только парочка колотых. Толкового сопротивления работоторговцы оказать не успели. И жалеть их совершенно не тянет.

- Большую часть ваши люди перебили, но кое-кто важный остался. Ваше сиятельство, вы знали, что боцман на одном из кораблей имел родственника в Ручейке?

- Я подозревала, что у них был сообщник, но не знала точно, кто. Кто-то из старост.

- Так чего бы проще. Взять всех и пытать, – пожал плечами Ганц. – Хотя это и сейчас не поздно. Ваше сиятельство, по утверждению этого сообщника...

- Эрк Грисмо?

- Он самый. Так вот. По его утверждению, здесь на побережье есть пласт янтаря.

- Это хорошо.

- Очень. И разрабатывали они его долго и осторожно. Сами знаете, слезы моря дороги, так что сбывали понемногу – на жизнь хватало. И им и детям.

- А что потом изменилось?

- А вы приехали, ваше сиятельство. Появился управляющий, который узнал о маленьком бизнесе, и его пришлось брать в долю. И Эдор с каждым днем становился все жаднее и жаднее. За что и поплатился в результате.

- Ну да. Я его выгнала. Хотя и рано.

- Очень рано. Вы не знали, ваше сиятельство, но Эдор хранил у себя сундучок с янтарем. Ну и часть денег... Вы из него кое-что вытряхнули, как я понял?

Лиля вздохнула.

- Я же не знала об истинных масштабах. Но на вирман хватило. И на закупки тоже.

- Вижу я, как вам хватило. Ни одна женщина не будет продавать свои одежды, не нуждаясь в деньгах. Не скромничайте, ваше сиятельство.

Лиля опустила глазки. А то ж! Само смирение и скромность!

А в душе пело ехидное: *десятка!!!*

Она с радостью избавилась от розовых тряпок. Но если самый простой ее поступок расценили как жертву, значит, своей цели она достигла. И видит в ней Ганц страдающую одинокую женщину.

Есть!!!

- Давайте лучше про управляющего, лэйр Ганц.

- А с управляющим все просто. Он влез в янтарные дела. И принялся давить. Так что семейство Грисмо...

- Семейство?

- Эрк и два его братца.

- Понятно.

- Так вот, ваше сиятельство, они решили, что с этим бизнесом пора заканчивать. Собирались выбрать побольше с пласта, завалить разработку и уехать. Благо на корабле был их родственник.

- Так я не поняла. Работоторговцы...

- Они приплыли именно за рабами. Изначально. А янтарь оставался у братьев. Они не зарывались, утаить было несложно.

Лилю любопытство разбирало хуже чесотки – сколько ж стоит янтарь? Но приходилось молчать. А то спросишь так...

- Но пласт они еще не завалили?

- Хотели выгрести побольше. Не успели еще, госпожа графиня.

Лилия потеряла нос.

- Отлично. Значит, надо разрабатывать. Лэйр Ганц, посоветуйте, как это лучше организовать?

- С удовольствием, ваше сиятельство. И посмотрю, и помогу советом, и задержусь у вас на какое-то время, все ж таки неординарный случай.

- Буду только рада и вашей помощи, и вашему обществу, лэйр Ганц.

Ганц Тримейн улыбнулся.

Сколько он ни разговаривал с Лилиан Иртон, ни разу его не зацепила и тень высокомерия. Она просто обращалась с ним, как со старшим по возрасту, с тем, кто больше знает. И не важно, что она графиня, а он – шевалье. Часто, очень часто Ганц разговаривал с дворянами, и те были безукоризненно вежливы. А в глазах читалось: «Бы́дло».

Лилиан Иртон такого не допускала даже в мыслях.

Разговаривать с ней было приятно. И Лэйр Ганц от души наслаждался пребыванием в Иртоне. Конечно, сейчас он не бросит женщину в беде. Поможет все устроить, организовать и отправится к королю...

- Кстати, ваше сиятельство, если вы пожелаете передать письма его величеству, вашему супругу или вашему отцу, буду рад оказать вам эту услугу, когда отправлюсь обратно в столицу. Ну и, конечно, захвачу налог с разработок.

Лилия улыбнулась как можно очаровательнее. Хотя и пребывала в растерянности. Писать королю? Супругу? Ладно еще отцу. Но...

А, к черту! Что мы – не медики? Тут с больными иногда так извратишься – мастером дипломатии станешь. Найдём, что написать. Просто не за минуту. Так что...

- Благодарю, лэйр Ганц. Обязательно воспользуюсь вашим любезным предложением. А что вы будете делать с работоторговцами?

- А что с ними делать? Закуем в трюме и увезем с собой. Часть повесим, но не оставлять же здесь остальных. Как я понял, у вас и так с припасами негусто.

- Голодать не должны, но и радоваться особо нечему.

– Куда вам еще этих кормить.

– Некуда, – согласилась Лиля. – Я вот попрошу Эрика сопровождать вас. Заодно пусть и прикупит кое-чего в Альтвере, и письмоцо барону Авермалю передаст.

Ганц кивнул.

– Это, конечно, еще дней через десять, не раньше.

– А я никуда и не тороплюсь.

Одним словом, высокие договаривающиеся стороны расстались довольные друг другом.

И Лиля отправилась спать. Завтра опять тяжелый день.

Анелия Уэльстерская нервничала.

С утра она уже успела надавать пощечин служанке, наорать на фрейлину Милии и с трудом сдержалась, когда мачеха начала выговаривать ей.

Тебе-то легко говорить, корова! А если я Ричарду не понравлюсь? Думаешь, меня пощадят!?

Но сказать этого вслух она не могла. И ограничилась только покорно склоненной головой.

Завтра.

Он прибывает завтра.

И начнется схватка. Жестокая. Не на жизнь, а на смерть. Безжалостная.

Анелия не собиралась останавливаться ни перед чем. Она дерется за свою жизнь.

О муже она даже и не вспоминала – куда там! Какой Лонс? О чем вы? На карту поставлена ее жизнь!

И Анелия намеревалась бороться всеми средствами.

Пузырек с ядом лежал в дальнем углу комода.

Джайлс Леннард, дворецкий в столичном доме графа Иртона, открыл дверь.

– Письмо его сиятельству.

Джайлс кивнул, взял письмо и закрыл дверь перед курьером.

Привычно посмотрел на свиток.

Пастор Симон Лейдер... Альтвер...

Странно. Какие могут быть у захолустного патера дела к графу?

Но приказ есть приказ. Джерисон Иртон распорядился пересылать ему всю корреспонденцию, и Джайлс так и поступит.

С первой же оказией.

Ричард посмотрелся в полированную серебряную пластину.

– Красавец. Просто картинка.

- Поехидничай мне, – огрызнулся Рик на кузена.

Джес послал ему невинную улыбку:

- Мне-то что. Это у тебя завтра смотрины...

Рик сморщил нос:

- У меня.

Они остановились примерно в трех часах пути от столицы. Официальный визит к Гардвейгу планировался следующим утром. А пока просто отправили гонца с верительными грамотами.

Теперь начнутся дипломатические танцы. Гонец прибудет к Гардвейгу. Тот ответит любезным письмом и пошлет кого-нибудь встретить посольство. Будет много меда, много яда, много расшаркиваний и уверений в своей нежной любви к прибывшим. Потом официальный прием, где Ричард и познакомится с потенциальной невестой. И начнется серьезная игра.

Ричард даже не сомневался, в Уэльстере будут весьма непротив. А сам он?

А сам он не знал. В любом случае, если есть выбор, глупо не посмотреть оба варианта. Сердце мужчины было абсолютно свободно, и он не испытывал никакой тяги к браку. А уж на примере кузена...

- Кстати, тебе ничего из дома не пишут?

- Пока нет. Вся почта будет собираться дома, потом мне ее перешлют сюда. Хоть бы моя корова родила.

- Теленка. От быка, – подколот Ричард.

- Тебе это тоже предстоит.

- Не для себя страдаю, для блага государства.

- Если бы оно еще это оценило.

Вот на последнее Рик не надеялся.

Но вдруг ему повезет встретить свою Джессимин? Мачеху он помнил. Ее любовь, нежность, ее искренность. Помнил, каким светом загорались ее глаза, когда отец входил в комнату – если Альдоной милостив, ему дадут хотя бы половину от такого счастья.

Если же нет...

Люди живут и без этого.

Но думать о такой перспективе откровенно не хотелось.

Марта принесла девочке теплого молока на ночь. Присела рядом, погладила по волосам.

- Лилюшка, родная моя...

Лилиан Иртон повернулась, уткнулась носом в теплое плечо няни.

- Нянюшка, я так устала, если бы ты только знала...

- Да еще бы! Мыслимое ли дело? Графине – раны каких-то смердов зашивать.

Лиля грустно улыбнулась.

- Так кто ж меня вышивать учил? Сама понимаешь, кроме меня, таких искусниц и нет. Да и они нас защищали.

Марта фыркнула, явно оставаясь при своем мнении.

- А малышку этому зачем учишь?

- А кто ее кроме меня научит? Нянюшка, никто ведь не знает, что в жизни пригодится. Думали мы с тобой оказаться в таком кошмаре?

Ты у меня умница...

Лиля потерлась щекой о плечо. Плевать на грязноватое платье и не слишком приятный запах. Просто ощутить, что тебя любят. Вот что важно.

- Нянюшка, родная моя... как хорошо, что ты у меня есть...

Марта погладила женщину по волосам. Сколько бы лет ни прошло, все равно ты ребенок. Для любящих тебя ты просто ребенок. Который нуждается в помощи и поддержке.

Завтра ты опять будешь вести дела, все завтра. А сегодня – пей молоко и спи.

Спи, малышка. А я спою тебе колыбельную...

Лиля засыпала, убаюканная знакомыми с детства словами. И даже не почувствовала, когда ей под бок пристроилась Мири.

Марта покачала головой, но ругаться не стала.

И тихонько вышла из комнаты.

За дверью ждал Ганц Тримейн.

- Графиня уснула?

- Спит, как солнышко, лэйр. - Марта могла себе позволить небольшие вольности на правах любящей и любимой няньки. - Да и то сказать, намаялась за сегодня.

- Я и не ожидал, что у нее такие познания в лекарском деле.

- Так это она как ребеночка потеряла, так и начала узнавать, расспрашивать... Раньше-то не особо интересовалась, а как при смерти побываешь, так все сразу по-иному кажется.

Спорить с этим было сложно.

- А вы ведь с детства с графиней?

- Она у меня на руках выросла. Как ее матушки не стало, так почитай она все со мной и со мной.

- А виконтесса?

- Леди Мири? Там же, - кивок на дверь. - Она к Лилиюшке тянется, да оно и понятно, легко ли без матери...

- Нелегко, - согласился лэйр Ганц. - А раньше они не общались?

- Так граф как засунул Лилиюшку сюда, так и дочку не привозил. Простите лэйр Ганц, некогда мне болтать впустую.

Намек был понят. Лэйр Ганц отпустил служанку и с интересом посмотрел на дверь.

Какая же ты, Лилиан Иртон?

Сильная? Слабая? Или просто вынужденная стать сильной?

Может быть и так.

Разберемся. Это работа королевского представителя.

С утра Лиля прошлась по замку.

Побеседовала с Ганцем Тримейном. Порадовалась.

Оказалось, что работорговцы все подтвердили, так что ее люди были полностью в своем праве. Даже более того. Их надо будет наградить, на что деньги выделит сам король. Когда Лиля искренне спросила, как это, Ганц объяснил все просто, на пальцах.

Эрка Грисмо и его родственников допросили по полной программе. С применением нехитрых средств из местной пыточной. И оказалось, что они нарыли примерно пятьдесят килограммов янтаря. Сумма по местным меркам... бешеная. По-другому и не скажешь.

Этого хватило бы, чтобы прикупить неплохое поместье вроде Брокленда. Даже с учетом королевской четверти.

Да, такое тут было.

Обычно король не заморачивался, собирал десятину налога, и все. Кстати, иногда дворяне платили сами в столице, иногда на места выезжали соратники Ганца с достойной охраной. Но вот если дело касалось ценных и полезных ископаемых...

Найдешь золото? Открывай рудник, но четверть всего – королевская. Найдешь брюлики – то же самое.

Любое ценное ископаемое из земли облагается налогом.

Лиля спорить не стала. Только подумала, что где-то Эдорова кубышка еще припрятана. И вообще – незачем быть жлобьем.

Она из своего мира может такое вспомнить, что четверть, отданная королю, копейками медными покажется! А уж что они с Хельке могут наворотить... Тем более что и Хельке, и его сестричка Лория, навестив с утра ребенка, преисполнились к Лиле горячей благодарности. А то ж! Сколько народу в этом мире вымирало из-за грязи. А Лиля это дело ликвидировала. И то сказать, кто бы стал возиться с мальчишкой-эввиром? А тут – рану промыли, перевязали, на тюфяк отдельный уложили в чистой комнате, сиделки ходят... За королем иногда так не ухаживают.

Так что Хельке готов был на графиню молиться.

А пастор, кстати, и молился.

Приехавшие ночью Лейф и Ингрид застали самый шапочный разбор, чему Лейф очень огорчился. Выговорил Эрику за утрату ценного кувшина. Поругался с Лейсом. Но потом махнул рукой и признал, что сделано все было вовремя и не так плохо.

А пастора тут же перехватила Эмма. И отправила молиться за выздоровление всех раненых. Что пастор Воплер и сделал. И пошел. И молился прямо в палатах, не обращая внимания, кто тут есть кто.

А на удивление Ганца Тримейна пожал плечами.

– Так все мы – дети Альдоная. И мы, и вирманы, и эввиры, а то, что они еще этого не поняли... Альдонай равно милостив ко всем своим чадам.

Ганц покачал головой – мол, ни к чему такое вольнодумие, но в глуши сойдет. Да и графиня такую точку зрения полностью поддержала. Мол, кому не нравится, идите к Мальдонае. А в ее доме никому в помощи отказано не будет, и плевать на веру.

Ну так резко она, конечно, не выразилась, но Ганц все равно понял, покачал головой и перешел к делам насущным.

Итак, пятьдесят килограмм янтаря за вычетом королевской четверти, то есть 12,5 килограммов его величеству. Плюс работорговцы. Плюс два корабля. Не самых лучших, но неплохих. Они тоже являются собственностью графини Иртон. Так что решайте,

вашество, что с ними делать. Работоторговцев я, конечно, заберу в Альтвер, там их к делу приспособят, вам-то в Иртоне такие радости ни к чему. А корабли – ваша проблема.

Лиля пожала плечами. И решила посоветоваться с Лейфом и Эриком.

Может быть, удобнее их продать. А может, и нет.

Чем дальше, тем больше зрело у Лили подозрение, что надо иметь пути отхода.

Да и свои корабли были бы – не пришлось бы до Альтвера пешком шлепать. За зиму вирмане могут подобрать команды, обучить, и готов флот Иртона. Торговый, ясен пень. А чем торговать...

Янтарь и изделия из него. Это первое. Стекло и изделия из него. Это второе. Соль. Бумага. Ну и посмотрим, что они с Хельке еще наворотят за зиму.

Если бы Лили пожелала, Иртон мог бы стать центром промышленности. Только вот... Хорошо, если у супруга в голове мозги. А ежели опилки? Если не удастся договориться миром?

Лиля на многое была готова, но мало ли что, мало ли кто и как...

А если придется покидать весь свой скарб на корабль и свалить в рекордное время?

Может ведь и такое быть. Судя по огрызкам памяти Лили, Джерисон Иртон супругу не любил, не ценил и даже не собирался. А Лили себя знала. Если ей на шею свалится местный мачо, начнет качать права, гнуть пальцы, сажать ее под замок... Короче, сковородка ей не понадобится. Пришибет. Быстро и качественно. Плакать в платочек не станет.

А куда потом деваться?

Вот надо бы с отцом посоветоваться. А то у нее вся база в Иртоне. Можно ли прикупить земли по соседству? Чтобы принадлежала она отцу или вообще ей, она там распоряжалась, строила свой бизнес, разворачивала дела. Барон Авермаль мог бы предоставить свою территорию, но доверять ему... Может, лучше сразу самоубиться?

Нет уж.

Монополия на стекло и бумагу ей нужна позарез. А потом, глядишь, и книгопечатание откроем... под благословением церкви-матери... чтоб ее...

Но это потом, еще как потом.

Сначала – письма.

И Лили засела в кабинете. Писалось, надо сказать, омерзительно. Но совет лэйра Ганца она оценила. Неизвестно, как здесь, а дома свой зад надо было прикрывать бумагой. И чуть что – отгавкиваться, что доложила, исполнила и отписалась по инстанциям. Медикам – так в особенности. Хотя это бесило невероятно. Нанимали бы, что ли, медика для работы и писаря – для бумажек!

А здесь никто за нее не напишет.

Но часа через три были готовы четыре письма.

Первое – отцу. Коротенько и по делу.

«Любезный мой отец,

Хочу сообщить, что в Иртоне обнаружен пласт янтаря. А также мной получены хорошие результаты... я не могу все описать на бумаге. Но хотелось бы посоветоваться с вами. Или с вашим доверенным.

Мне очень нужен ваш совет о том, как правильно вести разработки, вкладывать

деньги. И стоит ли их вкладывать в Иртон.

Надеюсь, что вы не оставите меня своей любовью и заботой.

Второе также отцу. Но если первое она отправит со своими людьми, то второе с Ганцем Тримейном. То есть могут прочитать. Так что...

«Любезный мой отец,

Хочу сообщить, что я жива и здорова. В Иртон заявила шайка работоторговцев на двух кораблях, но моей гвардии удалось их разбить. В результате мне досталась доля прибыли, о реализации которой я хотела бы поговорить с вами. Верю в ваше искреннее расположение ко мне и добрые советы.

Здоровы ли вы?

Я ежедневно молюсь за ваше благополучие.

Это на случай цензуры. И пусть читают. А первое она отправит с Торием Авермалем. Ничего криминального там нет. И самое главное – это маленькое зеркальце, вложенное в письмо. Они сварили и посеребрили, Хельке оправил, поминутно приговаривая, что за такой новинкой пойдут стадами, и вообще – цех стеклодувов предложит за такое графине почетное место в своих рядах.

Вот получит папан, посмотрится, и будем решать. По крайней мере убедится, что ребенок поумнел и повзрослел.

Не опасно ли показывать такое?

Опасно, а что делать?

Чем дальше, тем больше Лиля убеждалась, что отсидеться тихо не получится. Не тот тип человека.

Значит, выход только один. Стать яркой деталью пейзажа.

Графиня Иртон? Она не ведьма... шильда. Она просто эксцентричная.

Но избавься-ка от нее?

Бабы тебя разорвут за зеркала, церковь – за книги и идею с печатанием священных текстов... Надо бы еще чего для мужиков придумать. Каблуки? Или пудру с помадой? В плане гнусной мести. А то в нашем мире они придумали для себя, а мучиться – бабам. В этом мире придумывать будет она, а мучиться – мужики! И вообще – даешь феминизм!!! Ура, на баррикады, с помадой наперевес!

Вот последнее можно спокойно. Лиля и сама дома все это варила, чуть ли не в кастрюльке рядом с борщом. А вы поживите в 90-е, когда на прилавках не то что косметики – хозяйственного мыла не было.

Ну да ладно. Посмеялась, теперь надо дальше думать. Но, кстати, пудреницы с зеркальцем, помада в вывинчивающемся тюбике и тушь для ресниц... Ведь с руками оторвут! Надо будет с Хельке поговорить.

Ладно! Пишем.

Третье – королю.

«Ваше всемилостивейшее величество.

Пишет вам графиня Иртон (в девичестве Лилиан Брокленд).

Поскольку мой супруг находится в отъезде (пусть там и остается, козел) и не имеет возможности заниматься делами поместья, а управляющий проворовался, спешу сообщить, что в Иртоне найден пласт янтаря, и я передаю с вашим доверенным,

шевалье Ганцом, часть, причитающуюся Короне.

Также буду присылать королевскую долю по мере разработок (от меня и без супруга пользы короне больше).

К сожалению, если зимой дороги станут непроходимы, мне придется складировать все в Иртоне под охраной нанятых мной людей и отправить только весной.

Мои люди уже доказали свою полезность, захватив работорговцев, которые наведывались сюда несколько лет подряд.

Также хочу сообщить, что на меня было совершено покушение, которое я молю расследовать со всей пристрастностью и наказать виновных.

И хочу выразить свою громадную благодарность. Лэйр Ганц сделал все возможное. Без него я никогда бы не справилась. Человека умнее, добрее и справедливее я не встречала. Полагаю, так и все королевские представители являются руками вашего величества и являют отражение вашей благосклонной воли. А посему еще раз припадаю к вашим ногам с искренней благодарностью (завернула, еж! Без поллитры не разберешься. Ну и король авось не разберется).

Вот так. Мужа козлом не обзываем, от налогов не прячемся, ничего не просим. Наоборот – намекаем на то, что сами справляемся со всем подряд. Хотя нет. Просьба только одна – расследовать покушение. Но это уж в обязательку. А то что получится? На нее тут зубы точат, а она сидит колодой?

Да нормальная баба давно звон на всю Ативерну подняла бы!

Лиля злорадно ухмыльнулась, представляя, как допрашивают «убийца»:

«– А кто вас нанял?

– Любовник любовницы графа Иртона...»

Ну чисто маслом по сердцу. И вообще, что за наглость? Если каждая любовница будет на жену покушаться, институт брака самоликвидируется.

Ладно. Легла ты под симпатичного мужичка, дело житейское. Но зачем же жен травить? Козе понятно, что мужики с одними спят, а на других женятся. Так что, если б ты, подружка, просто мужа заняла своей грудью, я бы тебе и денежку подкинула, и подружиться постаралась – мне-то сей кобель никуда не сдался. А если меня убивать... ну и не ждите добра.

И последнее письмо – супругу:

«Возлюбленный мой господин и супруг.

(Хоть и коробит, а никуда не денешься. Даже если ты мечтаешь его в выгребной яме утопить, внешне все должно быть сахарно-сиропно. Кстати! А как тут получают сахар?

Не отвлекаемся!)

Довожу до вашего сведения, что у нас большое горе. Я потеряла нашего первенца и имею большие опасения, что это не несчастный случай, а злой умысел, хотя доказательств у меня нет, одни подозрения.

С трудом придя в себя после потери ребенка и едва не умерев, я обнаружила, что замок в запустении и нет в нем ни должного количества слуг, ни даже малой охраны. А как только начала разбираться, выяснилось, что управляющий безбожно обкрадывает вас и графство. В чем потворствует ему ваш доверенный Ширви Линдт (а ты, лох педальный, ни сном ни духом...).

Управляющий был мной тотчас же изгнан за ворота, а мне пришлось закупить все необходимое, чтобы люди в Иртоне не умерли с голоду, и нанять охрану.

Кроме того, сгорел храм Альдоная, и чудом никто при этом не пострадал.

Последнему я весьма радуюсь, потому что не успели прибыть ваши солдаты, как на меня было совершено покушение одним из них. Жертвой его едва не стала и ваша дочь. Кроме того, Лейс Антрел и его люди (и вовсе это не вранье, если Лейс ее капитан, а вирмане у нее на жалованье, то вирмане – такие же люди Лейса) героически защитили нас от работорговцев, которых привадили сюда Эдор и Ширви Линдт. Последнего я передала в руки королевского представителя вместе с убийцей и оставшимися работорговцами для суда и следствия. (И не надейся, что все удастся замолчать! Звон на весь мир подниму!)

Также хочу сообщить, что в Иртоне обнаружен пласт янтаря, который втихаря разрабатывали несколько крестьянских семей и управляющий, утаивая его от законного владельца здешних мест. Виновных накажет королевский представитель. Но пласт надо разрабатывать. Королевскую долю я уже отправила и буду отправлять впредь.

Также отправляю вам копии с бухгалтерских книг управляющего – всех найденных, чтобы вы сами разобрались в его вранье. (Копии снимали для нее на уроках чистописания все дети. А почему нет? Надо же им тренироваться? Вот и пускай, все польза будет.) Миранда Кэтрин здорова и благополучна. Так же, как и я.

Молюсь также и за ваше здоровье и благополучие.

Остаюсь ваша любящая (ага, шесть раз) и преданная (еще какая преданная, сколько ты меня предавал с разными шлюхами, скотина!) супруга

Вот так.

Отдать все это дело Ганцу Тримейну и готовить его к отъезду. Хотя дней на десять – двадцать он точно задержится. Пока всех работорговцев опросить, пока помочь с наладкой добычи янтаря, пока туда-сюда... твою ж! Сколько ж предстоит работы!

Хочу домой! Там двенадцатичасовой рабочий день и даже один выходной! Был... А тут вкалываешь круглыми сутками, мозг насилуешь как только можешь, и даже зарплату тебе не платят. Наоборот – это ты всем платишь. И еще спасибо за янтарь и работорговцев, иначе вообще бы в минус ушла.

Лиля злобно посмотрела на золотое перо в своей руке, запечатала свитки и вышла из комнаты.

Дел – по горлышко.

Так что будем работать!

Гардвейг был внушающим.

Жалость.

Ричард смотрел на оплывшего здоровущего мужика, на его глаза в красных прожилках, на забинтованную ногу и про себя думал, что лучше умереть быстро, чем так день за днем медленно гнить. С другой стороны... красивая женщина рядом с Гардвейгом смотрела на него с искренней любовью и заботой. Кажется, королю повезло найти свою Джессимин. После скольких неудачных попыток.

Ричарду хотелось бы пораньше. Но...

Начинались придворные танцы.

Они уже раскланялись, вручили верительные грамоты, Ричард выслушал все положенные хвалы в свой адрес: и умница, и молодец, и копия отца, и вообще – золото, а не сын. Сам рассыпался в ответных уверениях. И лучше Гардвейга короля не сыскать. И государство под его правлением процветает. И жена у него замечательная. И сыновьями его Альдонай благословил – теперь пусть обеспечит, чтобы они в отца пошли...

Одним словом, мед лился щедро и с обеих сторон.

Гардвейг представил свою жену Милию Уэльстерскую, Ричард рассыпался в комплиментах ее красоте, но не сильно. Дело такое... молодое... Хотя эта изменять не будет. Судя по ее взглядам, жестам, нескольким словам, обращенным к мужу, – типичная домоседка. Надо, конечно, еще посмотреть, иногда в тихом озере шильды водятся, но себе Ричард доверял. И своему умению разбираться в людях – тоже.

И наконец...

– Моя старшая дочь Анна. Анелия...

Особой теплоты в голосе Гардвейга не было. Ну да. Дочь от нелюбимой жены, разочарование – хотел сына. Но и дочь получилась очень даже ничего. Этакая брюнеточка, невысокая, с тонкой смугловатой кожей, которую не посмела осквернить ни одна веснушка. И смотрит как-то...

Вот что Ричарду не понравилось – это ее взгляд. Изучающий, оценивающий, слегка взволнованный. Но где-то в глубине виднелся холодный расчет. Так смотрят придворные дамы. Прикидывая, что можно получить за свои услуги.

Впрочем, показывать он это не собирался. Вежливо раскланялся, сказал дежурный комплимент, что красота принцессы затмевает солнце, а ее глаза сияют, как две звезды... Анелия пролепетала что-то такое же восторженное и нежное, Ричард ответил, ощущая себя мухой в меду. Причем мухой, которую собираются сожрать сразу несколько жаб.

И после часа положенных церемоний Гардвейг наконец-то объявил бал.

Естественно, Ричард танцевал с Анелией, иногда выкраивая время для танцев с другими придворными дамами. А в мозгу у него билась только одна мысль:

«Не Джессимин. Не Джессимин».

Маму маленький Рик не помнил. Но тепло и любовь Джессимин остались самым хорошим воспоминанием его детства и отрочества. Мачеха искренне чувствовала себя виноватой перед детьми и как могла баловала малыша Рика.

Отец этому не препятствовал. Даже наоборот. От Джесси шла волна теплоты и радости. От Анелии же... Холодный расчет, страх, ну и кокетство, не без того. Но в ее искренность и любовь не верилось. Хотя играла она неплохо.

Наконец Рик у удалось вырваться и притаиться ненадолго, отдохнуть за портьерой.

Ровно через три минуты туда скользнул и Джес с кубком холодного вина в руках. Рик выцедил его как воду и прислонился затылком к стене.

– Ф-ф-ф-у-у-у-у-у-у...

– Что, не понравилась тебе принцесса?

– Не особо.

– А мне вроде как ничего. Грудастенькая такая, все при ней...

– Не все. Доброту ей вложить забыли. И любовь – тоже.

– Да ладно тебе! Как по мне, так вроде бы и неплохая девица, стесняется только.

Э нет. Если Рика не обманывал инстинкт, Анелия не стеснялась. Она хорошо играла то, что от нее ждали. Но основным чувством там был страх. Чего-то она боялась. Отца?

Вполне возможно. Голубиной кротостью Гардвейг не отличался.

Рик покачал головой:

– Я, конечно, еще присмотрюсь. Но... не моя это женщина. Надо бы еще на Лидию посмотреть.

- Думаешь, у нее сиськи лучше будут?

Рик едва не сплюнул. Нет, кузена он любил. Но иногда... Как же Джес его доставал сравнением женских статей! Иногда Рик даже хотелось, чтобы какая-нибудь женщина настучала кузену по сомнению. Но пока таких не было и не предвиделось. Красота, знатность, богатство...

Вот и у Рика было то же самое. Плюс он был принцем. И серьезно задавался вопросом – есть ли в мире женщины, которым это безразлично? Или на него всю жизнь будут смотреть, как на *дойного* быка?

Наверное, так и будет.

А так хотелось в своей семье хотя бы капельку теплоты.

Анелия кусала губы, стоя в стороне.

Не повелся.

Она ощущала это всей кожей. Каждой женщине дано такое чувство в большей или меньшей мере. Она идет и кожей чувствует восхищенные взгляды. Может просто улыбнуться мужчине, и понимает – *зацепила*.

Может быть, так.

А может, и наоборот.

Когда на тебя смотрят холодно и безразлично. Да, ты красива. Но *этого* мужчину ты не интересуешь. Алхимия, чудо, молния – либо она проскакивает, либо нет.

И глядя на Рика, Анелия понимала – не увлекся.

Нет, он будет с ней любезен, он отдаст должное ее красоте, но притяжения между ними не случилось. И не будет.

- Этого сиськами не возьмешь.

Анелия подскочила на полметра и с ужасом воззрилась на незаметно подкравшегося шута.

- Старайся, девочка. У тебя есть месяц.

- А потом?

- А потом за дело возьмусь я. Так что старайся.

Анелия закивала. Шута она боялась до мокрых юбок. Граф Лорт криво ухмыльнулся и скользнул в тень. Анелия поискала глазами Рика.

О, она постарается. Еще как постарается!

Она из кожи выпрыгнет, лишь бы Рик клюнул на ее красоту. Иначе...

Она будет не нужна. А что делают с ненужными, она знала. Слишком хорошо знала.

Ее не пощадят.

«Господин.

Спешу сообщить вам, что корова подружилась с королевским представителем. В Ирhone обнаружили пласт янтаря. Приплывали работорговцы, но их разбили наголову.

Жду ваших указаний».

Отряд наемников ехал по дорогам королевства.

Они старались держаться тихо. Не шумели, не обижали никого по дороге... Ну там помяли пару-тройку крестьянских девок, но кто ж этих дур считает? Даже за людей.

Отряхнулась да пошла, авось не сдохнет. Да и крестьянскую породу улучшать надо, ха...

До Иртона было добираться долго. Но найма все равно нет, а если по дороге что подвернется, они не упустят возможности подработать.

Дело-то житейское...

Следующие двадцать дней Лиля просто не помнила.

То есть умом она прожила их, и довольно неплохо: занималась делами поместья, пахала, как проклятая. Но чувствами... Иногда бывает такое – посмотришь на календарь и понимаешь, что скоро новый год. А ведь старый был только вчера.

Ритм жизни был такой, что даже дышать приходилось через раз, а есть и спать – на бегу. Если бы не помощники, она бы вообще взвыла и удрала в монастырь. Мужской. Банщицей. Авось там так не заездят!

Кстати – любопытная подробность, женские монастыри здесь-таки тоже имелись. Аналог исправительных колоний. Для баб-с легкого поведения и тех, от кого хотели избавиться не убивая. Тюрьма была точно лучше.

Итак, Лиля крутилась.

Надо было запустить солеварню и коптильню – туда в приказном порядке мобилизовали вирман и дали им кое-кого из деревень. Организовать крестьян на добычу и засолку рыбы. Оценить пласт янтаря. И наладить разработки.

Этим занимался Ганц вместе с людьми Лейса и вирманами. Ну и опять-таки надо было мобилизовать на это дело крестьян, которым приходилось чем-то платить. Лиля могла и просто приказать, но...

Вопрос на засыпку. Если оторвать человека от повседневной работы, кто ее за него сделает?

Поэтому надо было выбрать тех, кто может оторваться от крестьянского труда. И помогать их семьям. И заказать в Альтвере еще кучу всего – от скотины до тряпок, – и отправить Торию то, что успел сделать Хельке, и поделиться с ювелиром своими мыслями о янтаре – что из него делать и как.

Эрик обещал сходить в Альтвер и вернуться, и Лиля ему верила. А кому еще-то?

Кроме того, были проблемы с янтарем. Как Лиля поняла, там был только небольшой выход на поверхность. Который и выбирали без лишнего шума. А потом жила уходила вглубь. Разрабатывать-то ее можно, но уже всерьез. Потому братцы и решили набрать побольше и срулить на сторону.

Кроме того, Лиля обсудила с Ганцем такое предложение. Налог короне она платить обязана. А вот чем... Не отправлять же янтарь в кусках? Может, она изделиями расплатится? И его величеству удобнее, и им выгоднее.

Ганц подумал и кивнул. В принципе – да. Так тоже делали. Но сначала все наладить.

Как раз пока все будет налаживаться, Хельке обработает хотя бы часть янтаря по ее эскизам. Которые тоже надо... нет, не нарисовать. Но хотя бы объяснить, как это сделать и чего она хочет.

Хельке только что за голову не схватился. И заявил, что если будет спать по два часа в

сутки, то все будет готово только через месяц. Даже если подобрать себе подмастерьев посмышленнее. Ганц милостиво согласился задержаться на этот месяц. Мол, пока король указания не прислал, имеет право.

Лиля тихо подозревала, что Ганц просто наслаждался жизнью в Ирhone. Тихо, спокойно, сплошное уважение, совета спрашивают, важным делом заняли. Приятное разнообразие после интриг королевского двора. А Ганц рассказывал о них по вечерам, за ужином. Завтракали и обедали они как придется, но ужин был серьезным делом. За столом собирались сама Лиля, Миранда, безумно гордая собой, пастор с сыном (Марк только в виде милости), Лейф и Ингрид, если были в замке, Эрик, Лейс, Лонс Авельс, Хельке с сестрой, Тахир... общество было дико разношерстным. Но Лиле было плевать.

Эти люди станут ее командой. Она бы и мастеров за стол посадила, да не по рангу.

А еще следовало поговорить с пастором, который только за голову хватался при виде такой деловой активности. И убедить его, что в зеркалах нет ничего дурного. Помолиться там, над продукцией, или пообещать еще что-то полезное.

В любом случае стеклодув с кузнецом теперь висели на Лиле как пришитые, стоило ей только зайти в мастерскую. Мальчишки реально осознали себя Творцами. Да-да, именно так, с большой буквы. Никто еще не соединял стекло и металл, стеклодувную и кузницу. А теперь это было сделано, и результаты поражали воображение. Лиля вообще сильно подозревала, что еще лет сто, и точно бы появились свои «венецианские мастера». Предпосылки были, база тоже. Свести все воедино не могли. И чуть-чуть добавить знаний. У Лили они были. У мастеров... теперь тоже были. И юные мастера кузнечного и стеклодувного цехов понимали, что они – первые. Никто и нигде еще не делал того, что сделали они.

Гордость перехлестывала через край. А уважение к графине и щенячье обожание... Лиля сильно подозревала, что гнать будет – не уйдут. Эти двое ребят преданны ей до глубины души.

Не меньше любви излучали и Марсия с подругами, девушки-швей, переквалифицировавшиеся в кружевниц. Они наплели уже порядка ста метров кружева, прерываясь только на сон и еду, и постоянно тормозили Лилю, требуя новых узоров и идей.

Платки, пояса, перчатки, шарфы, вуали, мантильи... Лиля объясняла на пальцах, а девушки делали в меру понимания. Потом опять бежали за советом – и переделывали. И так, пока не получался хоть какой-то образец. А по нему уже плелись более аккуратные и красивые вещи.

Лиля подкинула идейку, как сочетать кружево с бусинами, теперь взвыл и Хельке. Спешно приставил обоих племянников и нескольких вирманских детей к изготовлению янтарных бусин из обрезков, обломков, короче – из мусора. Трост, кстати, выздоровел на удивление быстро. А Лиля все-таки попыталась наладить самогонный аппарат. Основа у нее была уже сделана – только получалась сивуха, которую надо было перегонять несколько раз.

Никто из раненых не умер. И Тахир ходил за Лилей, требуя новых знаний. Тянулся и Джейми.

А ведь была еще и Миранда, которая смотрела восторженными глазенками. И Лиля ощущала к девочке что-то странное... нежность? Любовь?

Черт, только ради малышки надо сделать все, чтобы договориться с супругником!

Но это не повод не обезопасить себя.

Лиля ощущала себя, как канат, у которого минимум десять концов. И за все тянут. Но никуда не денешься. Откуда что взялось?

Иногда женщина просто открывала шкаф, стояла у металлического зеркала и смотрела на себя. Высокая блондинка в белом и зеленом.

Кем ты стала, девочка?

От Али оставалось все меньше и меньше. Какого цвета глаза были у Лешки? Как смеялся над неприличными анекдотами отец? Что сказал Игорь Петрович, заведующий отделением хирургии, когда она впервые вошла в операционную?

Этого не было, ничего не было.

Реальность – замок, Иртон, вот эти странные люди, и ей предстоит жить с ними. Сколько бы ни осталось.

Что с тобой стало, Алевтина Скороленок?

Кем ты стала?

Отражение молчало. Ответа не было.

Рик валялся на кровати, когда в комнату вошел Джес.

– Ну?

– Что – ну? – возмутился кузен. – Ни привета тебе, ни здоровьица...

Рик потянулся за подушкой, и Джес поднял руки вверх.

– Сдаюсь. Ладно. Как мне рассказали, Анелия типичная затворница. Жила в глухомани, пока не появился шанс выдать ее за тебя замуж. Тогда девочку вытащили, приодели, приукрасили и стали демонстрировать. Ничего порочащего в ее прошлом нет. Или об этом никто не знает.

– Это неплохо.

– Но тебе она не нравится...

– Она красивая, – пожал плечами Рик. – Но чем больше я с ней общаюсь... Джес, из нее не выйдет хорошей королевы.

– То есть?

– Я же вижу. Она капризна, взбалмошна, любит потакать своим интересам.

– Так она же женщина.

– Ты Джесси помнишь?

Джерисон развел руками.

– Такие, как тетя, попадают одна на десять тысяч. Думаешь, тебе повезет?

– Не знаю. Но Анелия...

– Она неглупа.

– Глупа. Но не так. По-житейски она очень даже себе на уме. А вот если думать в более широких масштабах, чем проредить прическу сопернице, на это ее банально не хватит. Она не умная, она просто хитрая. Это разные вещи.

– Хочешь уехать?

– Нельзя. Мы должны пробыть тут еще минимум месяц. Опять же надо списаться с отцом, получить указания.

– Гардвейгу ваш союз нужен.

– А я не хочу выбирать вслепую. Надо бы посмотреть на Лидию.

– Думаешь, шерстяной носок тебе больше подойдет?

- Лучше умная дурнушка, чем красивая идиотка. Кстати, твоя тебе еще не надоела?
- Адель? - Джес пожал плечами. - В постели она просто тигрица. Но когда начинается этот ее скулеж про благопристойность...
- М-да, занудство портит баб.

Подслушивающий разговор граф Лорт недовольно нахмурился.

Значит, Анелия принца не зацепила. Хотя девочка старалась, он видел.

Ладно. Впереди еще месяц. А то и больше. Надо сейчас поговорить с Гардом, пусть устроит большую королевскую охоту. И еще кое с кем.

Альтрес закрыл заслонку и тихо направился по потайному коридору.

Письмо от Ганца Тримейна лежало на столе. Уже второе.

«Ваше величество.

На поместье Иртон был совершен налет работорговцев. Кроме того, здесь обнаружен пласт янтаря, который незаконно разрабатывал управляющий с сообщниками. Вынужден задержаться, чтобы наладить добычу. Привезу с собой королевский налог. С М. К. Иртона и графиней все в порядке.

И как хочешь, так и размышляй.

В Иртоне - пласт янтаря. Надо полагать, не просто сам по себе найденный. И работорговцы... Да чем Джес думал, когда отправлял туда дочь?! Ладно еще жена, тут понятно. С глаз долой - из мыслей вон. Но дочь?!

Да и жена. Пусть Лилиан не небесная дева, но с Августом ссориться не хотелось. А за дочь тот готов и в огонь и в воду. Собственно, можно его и прижать. Но!

Август ценен не только верфями. Но и своим талантом. Такого корабеля просто не найти.

Да и... так ли много требовалось с Джеса? Ну некрасива. И даже не слишком умна. Ну посели ее в глуши и наезжай раз в год. Но хоть безопасность обеспечить. А тут что?

Поместье развалено, стража распушена, янтарь незаконно добывают, работорговцы шляются, управляющий ворует...

Эдоард сдвинул брови.

Сына он любил. Но мальчишка явно напрашивался на трепку.

А жизнь в Иртоне кипела и бурлила.

Заехал с визитом барон Донтер. Лиля подумала, что придется опять устраивать танцы вокруг барона, но тут на двор вынесло Ганца Тримейна. Который предъявил нечто вроде золотой медали размером с ладонь и вежливо поинтересовался, что угодно господину барону.

Бароненок побледнел.

Сглотнул.

И вежливо объяснил, что он-де с соседским визитом, к госпоже графине.

- В отсутствие мужа, достопочтенный Донтер?

Ганц мог бы заткнуть за пояс Великого инквизитора. Так подозрительно он прищурился.

- Ну-у... это же нормальные добрососедские отношения...

Ганц смотрел так, что становилось ясно - в доброе соседство он не верит. И бароненок это понял. Раскланялся с Лилей, облобызал ей ручку и отбыл.

Лиля сморщила нос:

- Туда и дорога. Благодарю, лэйр.

- Мне не нравится этот визит, госпожа графиня.

Лиле он тоже не понравился. О чем она и сказала.

И выкинула барона из головы. В ней и домашние дела-то не помещались. А зря.

Особенно если бы она увидела, как один из друзей барона спешивается и втихаря подкрадывается обратно, к замку. А потом беседует с какой-то женщиной. И возвращается к барону.

Докладывает о результатах разговора, барон мрачнеет и резко шпорит коня.

Услышанное его явно не радует.

Да и чему тут радоваться?

Небольшая таверна в Альтвере.

Отряд наемников гуляет, не особо щедро тратя деньги.

Впрочем, расспрашивать о цели путешествия они не забывают.

- Иртон?

- Графство Иртон?

К сожалению, до «Свиньи и собаки» мужчины просто не дошли. Трактир был далеко не единственным в Альтвере. И дорогим. Не всем по карману. А у наемников там вечно одна вошь бегаёт. Лилиан Иртон просто не знала об этом. А и знала бы... ей важнее были чистота и уют, а не деньги.

А так, кого интересовало захолустное графство? Вроде как есть такое. К югу от Альтвера. Если вверх по Ирте, но по Ирте не ходят. Незачем. Кто ж будет в захолустье корабль гонять?

Верхом? Можно, наверное... если кому надо.

Что там нового? Да ничего. Нет, говорят, что графиня в хороших отношениях с мэром города. Говорят, что она немного с придурью. Говорят...

Как водится, говорили много, а толку было мало. Полезной информации - и того меньше. Поэтому командир наемников решил задержаться в Альтвере на пару дней и выяснить поточнее. Но слухи...

Слухи были. Их было много. И все они бестолковые. Графиня поссорилась с сынком мэра. Графиня подружилась с мэром. Графиня якшалась с вирманами. Графиня якшалась с ханганами...

Иртон?

Вот, собственно, про Иртон никто ничего и не знал. Захолустье, и все тут. Кого оно волнует?

Так что командир наемников, Ройс Флетч, плюнул и решил потихоньку ехать к Иртону. Не сразу же их там обнаружат? Будет время посмотреть, что и как, примериться.

Не то чтобы Ройсу хотелось убивать графиню. Наоборот - была бы возможность, он не

стал бы ввязываться в это дело. Но денег не было капитально. Клятые вирмане сильно сбивали цены. И приходилось браться за все, что попало.

Да не столь уж и тяжелая работа.

Доехать до Иртона, устроить несчастный случай одной женщине и одной девчонке, и тихонько исчезнуть.

Правда, могут вспомнить, что наемники расспрашивали про Иртона... Ну так то когда еще будет? И будет ли вообще? Кому оно надо – расспрашивать всякое быдло?

Да и имени своего Ройс предусмотрительно не называл. Получит денежку за заказ, а там свищи ветра в поле.

Кстати, можно заказчика и кинуть. Сказать, что заказ выполнен, почему нет? И смыться.

Но это надо сначала посмотреть на Иртона.

Барон Донтер мрачно пил вино. Прихлебатели старались не лезть под руку. Понимали, что можно и плеткой огрести. Наконец барон наакался и свалился под стол. Чтобы утром выползти мрачным и недовольным.

Но уже не таким бешеным. И теперь с ним можно было говорить.

– Что случилось, Клив? Чего ты такой смурной?

– В Иртоне королевский представитель. И мой партнер захвачен в плен.

Расспрошенная служанка (Кальма) сказала, что в плен попал капитан корабля. Но имени она не помнила, да и кто бы ей сказал... то ли Джим, то ли Джек, то ли Дик...

– И?

– Болван! – вспылил Клив. – Он теперь все королевскому представителю выложит.

Приятель присвистнул.

– И что тогда?

Что-что... работорговля в Ативерне не приветствовалась. Мягко говоря. Грубо говоря – будь ты хоть пять раз барон, быть тебе битым плетью и посаженным в тюрьму. А то и что похуже придумают.

– Ничего хорошего. Надо разобраться с этим делом.

– Как?

Вместо ответа барон выругался. Длинно и затейливо.

– Надо подумать. Не хотелось бы, чтобы кто-то узнал о моих делах.

Эдоард посмотрел на даму.

М-да.

Высокая, некрасивая, худая как жердь. Светлые жидкие волосы, наглое лицо и гадючий язык. Это краткий портрет Алисии Иртона, в девичестве Уикской. При дворе ее, мягко говоря, не любят. Но и возмущаться никто не рискует. Ибо его величество вдовствующей графине покровительствует.

– Проходите, госпожа графиня.

Алисия покорно прошла в кабинет, сделала реверанс:

- Ваше величество...

- Я хочу, чтобы вы написали своей невестке.

- Ваше величество?

Вопрос был искренне удивленным.

- Да, я знаю, что вы не особо общаетесь с сыном и невесткой. Садитесь, Алисия.

Алисия опустила на край стула с высокой спинкой.

- Ваше величество...

- Алисия, мы давно друг друга знаем. И я знаю, что вы умны.

- Ваше величество...

- Я попросил бы вас съездить в Иртон, но не вижу в этом смысла. Поэтому я хочу, чтобы вы написали невестке. Передали ей еще раз мое приглашение ко двору весной. А когда она приедет, взяли под свое покровительство.

- Но...

- Алисия, в Иртоне происходит что-то странное. Джес сейчас отправлен с посольством. А я не хочу тянуть с разборками.

- Я ни разу не была в Иртоне, ваше величество.

- Я знаю. Не забывайте, Джайс был моим другом. Алисия. Вы умны. И умеете хранить молчание. Я хочу, чтобы вы составили свое мнение о Лилиан Иртон. Станьте ей другом.

- Я повинуюсь, ваше величество.

- Она недавно потеряла ребенка, выгнала докторуса, и тот весьма нелестного мнения о вашей невестке. Но я полагаю, там все не так просто.

- Ваше величество...

- Я понимаю, что это не доставит вам удовольствия. Но я не останусь в долгу. Обещаю.

Алисия поднялась и склонилась в реверансе:

- Ваше величество, я повинуюсь любому вашему слову с радостью.

Эдоард долго смотрел вслед даме.

Алисия, Алисия....

Тогда было четверо посвященных в нашу с Джесси тайну. В живых остались мы с тобой. И ты умеешь хранить секреты. Ты стерва, гадина, сука, но далеко не дура.

Если с твоей невесткой что-то не так, ты разберешься быстрее. Мне она никогда не откроется. Джес далеко. И раньше осени им с Риком не вернуться. Ее отец пристрастен – для него ребенок самый лучший. А женщина поймет женщину намного быстрее.

На тебя можно положиться, Алисия, хоть ты и редкостная дрянь.

А теперь...

Эдоард взял в руки перо. Еще раз повертел. И быстро вывел на пергаменте несколько слов.

«Ганц!

Передай графине мое приглашение ко двору. Весной. Официальную бумагу я направлю,

но птица быстрее. Подробно о состоянии дел доложишь по прибытии. Если считаешь, что надо задержаться, не торопись. Обрати внимание на Лилиан Иртон. Что это за человек? Как относится к Миранде Иртон? Как ведет дом? Жду подробного доклада».

А теперь надо отдать секретарю. Пусть перепишет и отправит с голубем. Ганц – хороший представитель. Он разберется с любой проблемой.

Алисия тем временем в своих покоях писала письмо Лилиан Иртон. Просьба короля равняется приказу и подлежит незамедлительному выполнению его подданными.

«Дорогая невестка.

Прослышав о твоих бедах, я решила написать тебе.

Как твои дела? Как здоровье?

Докторус Крейби рассказал, что ты потеряла ребенка. Напиши, не нужно ли тебе чего? Возможно, прислать другого докторуса? Или что-то еще? Чем я могу тебе помочь?

Пока мой сын в отъезде, я могу предложить тебе свою помощь и свой кров. Его величество пожелал, чтобы ты весной прибыла ко двору. Полагаю, ты можешь остановиться у меня. Также я могу помочь тебе с портным и мастером причесок. Впрочем, об этом мы еще посплетничаем, когда ты приедешь. Буду ждать твоего ответа.

Теперь запечатать письмо. И отправить с гонцом.

Но что могло заинтересовать его величество в этой клушке, ее невестке? Алисия видела ее один раз, на свадьбе, и не была в восторге от выбора покойного супруга.

Да, верфи. Да, деньги. Но не такая нужна была Джесу. Нет, вовсе не такая.

Алисия не любила «своих» детей. Но их благополучие было ее благополучием. Джайс оставил ей более чем достаточно, чтобы она могла роскошествовать при дворе. Ну и Джес помогал. Душевной близости между ними не было. И все же, все же...

Суррогат материнства?

Может быть.

Алисия не тяготилась своей тайной. Она срослась с ней за столько лет. Ей нравилась придворная жизнь... В принципе она была не самым худшим человеком. И даже испытывала благодарность и к Джайсу, и к Эдоарду. Она получила все что хотела за незначительную, в сущности, услугу. И любой приказ короля будет ею исполнен.

Гусиное перо скользило по пергаменту. Скоро это письмо будет отправлено с голубем.

«Корову надо убрать. Вместе с малявкой. Это должно быть несчастным случаем.

Постарайся управиться до весны. Жду».

Мужчина свернул клочок пергамента, привязал его к лапке голубя и, не доверяя никому, выпустил птицу в окно.

Вот так.

Королевский двор – клоака сплетен. Но в любом случае живая Лилиан Иртон ему ни к чему, да и Миранда тоже.

Лиля обняла Миранду и потянула одеяло повыше.

– Не простудись.

Замок уже начали топить торфом, но женщине все равно казалось, что везде холодно. Или это замок так действовал?

– Не простужусь. Лиля, а у меня свой конь будет?

– Обязательно будет. Если хочешь, мы скрестим Лидарха с симпатичной кобылкой, и жеребенок будет твоим. Или закажем Али аварского жеребенка. Хочешь?

– Хочу!

– Тогда надо будет поговорить с конюхами. Только пообещай мне, что будешь осторожна.

– Буду.

Верилось с трудом, поэтому Лиля оговорила:

– Пока не вырастешь, только мужское седло. Сопровождение. Никаких барьеров. И если хочешь жеребенка, ухаживать за ним будешь сама. Обещаешь?

– Да, да, да!

Судя по голосу, девочка бы и луну с неба пообещала.

Лиля обняла ее покрепче, поцеловала в макушку.

– Будет тебе жеребенок. Как тебе новые товарищи по играм?

– Они смешные.

– А еще многое умеют. Мири, я хочу, чтобы мы с тобой научились метать ножи в цель.

– Зачем?

– А помнишь, как ко мне убийца залез? Так бы мы смогли себя защитить.

Миранда кивнула:

– Я тоже буду учиться.

– Я попрошу Эрика, узнаем, кто из его людей лучше это умеет.

– И будем вместе учиться?

– Обязательно.

– А мы с тобой куда-нибудь съездим?

– Когда настанет весна – обещаю. Сейчас уже не та погода, чтобы возить мелких графинь по городам.

Миранда уткнулась носом в шею женщины.

– Ты хорошая... Я думала, ты вредная. А ты добрая.

– Я вредная.

– Ты замечательная.

Мири бормотала все тише и тише и наконец уткнулась Лиле в плечо, покрепче

обхватила за шею и уснула.

А Лиля лежала, смотрела в окно и размышляла.

Что ж. В конце лета ты осознала себя в этом мире.

Одинокая, несчастная, умирающая. Какой же ты стала теперь?

Мири пошевелилась во сне. Лилия погладила ее по голове. Коснулась губами челки девочки.

За что ты меня любишь? Я чужая, злая, я стараюсь выжить, я и тебя воспринимала, как средство воздействия на мужа. Ты меня любишь. И я тебя тоже люблю. Я уже не одинока в этом мире.

В моем мире. Моем новом мире.

Что бы ни случилось, я справлюсь.

Я – графиня Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон. И у меня есть дочь. Миранда Кэтрин Иртон. У меня есть дом. Пусть не совсем мой, но все-таки... Он уже знакомый, уже родной, уже устроенный. Есть свое дело. Есть друзья. Пока еще не совсем, но это моя команда. Мои люди, за которых я в ответе.

Я – дома.

Лилия повернулась, поудобнее устраивая на руке девочку. Прикрыла глаза. И подумала, что завтра будет новый день. Хороший новый день.

Завтра...

Кажется, она делает все правильно? А что еще ждать от отличницы?

И уже, засыпая: *«Похоже, я справляюсь с домашней работой. Жаль, оценить некому...»*

Сноски

Шильда – местный аналог суккубы, т. е. ужасно развратная женщина, которой мало одного мужчины. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Местные названия душицы, чабреца, иван-чая.

3

В вирманской мифологии **Холош** – бог зла и всяческих козней, пожалуй, ближайший аналог – **Локи**.

4

ветрянка.